

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2024

Том 8 № 2

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2024

Vol. 8 no. 2

ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 2 • 2024

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габош – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

М.В. Сенцова (Карасева) – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы России (г. Воронеж, Россия)

В.Л. Слесарев – начальник отдела договорного права Исследовательского Центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Л.А. Терехова – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшей школы (г. Омск, Россия)

С.Ю. Чуча – главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права РАН, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в сфере трудового права и права социального обеспечения, председатель Арбитражного суда г. Москвы в отставке, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

Е.Г. Шаблова – заведующая кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия)

Т.Ф. Яцук – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмелюва – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сянвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзозов, д. 100/1, каб. 311. E-mail: omsk.ier@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 20.06.2024. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 187. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 2 • 2024

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Associate Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskiy – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 311, 100/1, 50 let Profsoyuzov ul., Omsk, Omsk Oblast, 644065, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: June 20, 2024. Risograph printing. Format 60x84 1/8. Order 187. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 2 • 2024

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С., Иванов А.А.</i> Глобальная юридическая аномия в международной правовой системе: общетеоретический аспект	5
<i>Боброва Н.А.</i> Современные тенденции научных исследований и их влияние на категориальный аппарат юриспруденции	15
<i>Бирюков С.В., Евстратов А.Э.</i> Правовое и (или) социальное государство: монизм или плюрализм?	25

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Кравец И.А.</i> Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма	33
<i>Ларичев А.А., Кожевников О.А.</i> В поле гравитации: структура и элементы публичной власти	43
<i>Блещик А.В., Калинина Е.Г., Несмеянова С.Э.</i> Уровни (центры) публичной власти: современное прочтение теории и практики	53
<i>Пешкова (Белогорцева) Х.В.</i> Бюджетный метод ведения государственного хозяйства: нормотворчество и правоприменение в свете расширения состава субъектов Российской Федерации	63
<i>Васянина Е.Л.</i> Финансовое право: в поисках ответов на современные экономические вызовы	73
<i>Курченко О.С.</i> Полномочия органов Социального фонда России по контролю за обоснованностью социального обеспечения	82

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

<i>Кунц Е.В.</i> Роль социальных факторов в преступном поведении женщин с психическими аномалиями	92
<i>Крайнова Н.А.</i> Некоторые тенденции современной отечественной государственной политики в сфере предупреждения преступности	102

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

<i>Головки В.В., Селиверстова Ю.А.</i> Административный процесс и административное судопроизводство: проблемы и перспективы	112
<i>Килинкова Е.В.</i> О развитии российской судебной практики применения соглашений об избежании двойного налогообложения	120

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Канакова А.Е.</i> Цифровая смерть: наследование цифровой информации	130
--	-----

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

<i>Скворцов О.Ю.</i> Тест Салини (Salini test): история и тенденции практики правоприменения	139
<i>Киселева О.А.</i> Решение Международного Суда ООН от 31 января 2024 г. по существу спора Украины против Российской Федерации	149

Правила для авторов	158
----------------------------------	-----

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 2 • 2024

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S., Ivanov A.A.</i> Global legal anomie in the international legal system: general theoretical aspect.....	5
<i>Bobrova N.A.</i> Contemporary trends in scientific research and their influence on the categorical apparatus of jurisprudence	15
<i>Biryukov S.V., Evstratov A.E.</i> Legal and (or) welfare state: monism or pluralism?	25

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

<i>Kravets I.A.</i> The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional changes: scientific approaches and practice of deliberative constitutionalism	33
<i>Larichev A.A., Kozhevnikov O.A.</i> In the field of gravity: the structure and elements of public power	43
<i>Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E.</i> Levels (centers) of public authority: modern interpretation of theory and practice	53
<i>Peshkova (Belogortseva) Ch.V.</i> The budgetary method of state governance: rule-making and law enforcement in the light of the expansion of the constituent entities of the Russian Federation	63
<i>Vasyanina E.L.</i> Financial law: searching answers to contemporary economic challenges.....	73
<i>Kurchenko O.S.</i> The powers of the bodies of the Social Fund of Russia to control the validity of social security.....	82

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

<i>Kunts E.V.</i> The role of social factors in the criminal behavior of women with mental anomalies	92
<i>Krainova N.A.</i> Some trends of modern domestic state policy in the field of crime prevention.....	102

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Golovko V.V., Seliverstova Yu.A.</i> Administration process and administrative proceedings: problems and future.....	112
<i>Kilinkarova E.V.</i> On the development of Russian tax treaty case law	120

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

<i>Kanakova A.E.</i> Digital death: the inheritance of digital information.....	130
---	-----

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

<i>Skvortsov O.Yu.</i> Salini test: history and trends of law enforcement practice	139
<i>Kiseleva O.A.</i> Judgment on the merits of the International Court of Justice of January 31, 2024, case Ukraine vs Russian Federation	149

Author guidelines	158
--------------------------------	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.11

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).5-14

ГЛОБАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АНОМИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин, А.А. Иванов

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 января 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Глобализация, глобальная юридическая anomie, международная правовая система, нормы международного права, международная жизнь, многополярный мир, национальная правовая система

Анализируются актуальные проблемы глобальной юридической anomie, характерные для современной международной правовой системы и международной жизни. Предлагаются последовательные и системные меры по предотвращению данного вида юридической anomie и противодействию ему. Авторы приходят к мнению, что правовая система, находящаяся в состоянии юридической anomie, приобретает всё более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер, в рамках которой внутренние связи и взаимодействия минимизируются, а её организующая роль неминуемо снижается. Делается вывод о необходимости нахождения баланса между различными национальными правовыми системами, который позволял бы им взаимобогащаться достижениями их социально-правовой жизни.

GLOBAL LEGAL ANOMIE IN THE INTERNATIONAL LEGAL SYSTEM: GENERAL THEORETICAL ASPECT**

Alexander V. Malko, Dmitriy A. Lipinsky, Roman S. Markunin, Alexander A. Ivanov

Togliatti State University, Togliatti, Russia

Article info

Received –

2024 January 15

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Globalization, global legal anomie, international legal system, norms of international law, international life, multipolar world, national legal system

The subject of the study is international legal norms and global processes associated with their non-compliance and the substitution of rules for norms. The article analyzes current problems of global legal anomie, characteristic of the modern international legal system and international life. Consistent and systemic measures are proposed to prevent and counter this type of legal anomie. In this regard, possible directions for the development of the domestic legal system are determined.

The purpose of the study is to determine the characteristic features of global legal anomie and outline ways out of it.

Methodology. The dialectical method of cognition, philosophical laws of unity and struggle of opposites, the transition of quantitative changes into qualitative ones, as well as comparative legal and formal legal methods are defined as the methodological basis of the study.

The main results. In the process of research, the authors prove that the legal system, which is in a state of legal anomie, is becoming increasingly unsystematic, fragmented and

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>.

** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>.

segmented in nature, within which internal connections and interactions are minimized, and its organizing role is inevitably reduced. The article argues that the process of global legal anomie is associated with the complete or partial absence of the necessary (new) legal norms that ensure the formation of multipolarity, and with the imposition of new rules by several states, which to a greater extent form the excessive regulation of international legal relations. The authors explain the concept and characteristics of legal anomie in the international legal system. There is a need to establish mechanisms in the domestic legal system that prevent the entry of international law norms or the manifestation of other components of the international legal system that contradict the Constitution of the Russian Federation and cause legal anomie.

Conclusions. It is necessary to find a balance between different national legal systems, which would allow them to mutually enrich themselves with the achievements of their social and legal life. The authors propose the following definition of global legal anomie. It is a type of social anomie occurring in the international legal sphere as a result of a loss of trust in international institutions and rapid changes during a crisis (transition) period, representing a negative (destabilizing) component of international life and characterized by dysfunctionality and inconsistency of the components of the international legal system. Global legal anomie is most clearly expressed: firstly, in the complete or partial absence of the necessary (conditionally new) norms of international law, secondly, in neglect of existing norms, and also, thirdly, in the massively deviating legal implementation activities of subjects of the world communities.

1. Введение

В современный период разрушения миропорядка anomia наиболее ярко проявляется в международной жизни и международной правовой системе, на что указывается как в зарубежной [1], так и в отечественной литературе [2]. Именно эта сфера стала «эпицентром» аномичных процессов [3], которые нужно тщательным образом исследовать в целях эффективного им противодействия. Всё это свидетельствует об актуальности анализа категории anomie, в том числе в ее юридическом аспекте. В зарубежной литературе уже сформировались различные теории как социальной, так и юридической anomie, в частности: законодательные [4]; государственно-правовые [5], криминологические [6]; виктимологические [7]; культурно-дихотомические [8]; международно-правовые [9] и др. В силу того, что anomia сопряжена с глобализацией, ее вполне можно назвать *глобальной*, учитывая, что глобализацию следует рассматривать не только в позитивном, но и в негативном аспекте [10]. Связь с глобализацией у нее, естественно, двусторонняя. Поэтому в ходе исследования будут применены ресурсы диалектики. Также в процессе поиска путей противостояния последствиям глобальной юридической anomie авторы используют сравнительный и формально-юридический методы познания.

2. Глобализация и anomia

Двусторонняя связь процесса глобализации и явления anomie заключается в следующем. Во-пер-

вых, anomia стала одной из причин глобализации, «что проявляется в мегааномалиях, провоцирующих нестабильность социума. Мегааномалии – это аномические процессы глобального мира в экономике, политике, культуре, которые несут угрозы человеческой цивилизации... Среди мегааномалий можно выделить следующие: 1) проблемы войны и мира; 2) экологические мегааномалии, связанные с процессами как загрязнения окружающей среды, так и “загрязнения мозгов”; 3) зависимость “бедного” Юга от “богатого” Севера; 4) международный терроризм, прошедший эволюцию от индивидуального террора до криминально-террористических государств; 5) обострившийся миграционный процесс; 6) дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества; 7) углубление неравенств; 8) пандемия коронавирусной инфекции и др.» [11, с. 137]; 9) противоречия, обусловленные конфликтом культур, в том числе и правовые [12, р. 840].

Во-вторых, наряду с тем, что anomia выступила одной из причин глобализации, она же стала и ее специфическим продуктом. Получается своего рода парадоксальная ситуация: anomia из причины глобализации – уже, правда, на другом уровне – трансформировалась в некий ее результат.

С одной стороны, глобализация – в определенной степени объективно позитивный процесс, так как многие проблемы современности каждая страна в отдельности решить не в состоянии (поддержка ядерной и экологической безопасности, противо-

действие международному преступному сообществу, терроризму, наркотрафику и т. д.), что обеспечивают многие нормы международного права.

С другой же стороны, США и иные западные страны пытаются глобализационные процессы использовать в своих интересах, далеко не всегда соблюдая нормы международного права и внедряя так называемые «правила», придуманные ими самими. Тем самым они вносят в жизнь мирового сообщества и международную правовую систему факторы аномии.

Сторонники «универсального» (прозападного) глобализма в новом (по их версии) миропорядке не видят ни национального государства, ни национальной правовой системы. Они заявляют, как отмечает В.Д. Зорькин, что пробил час «для формирования новой цивилизации, так что глобализм будет постепенно преодолевать национально-государственные и национально-территориальные формы политической власти и права. Разумеется, государственные (национальные) суверенитеты в этом случае должны быть нивелированы, а действующие конституции и национальные правовые системы – выброшены на “свалку истории”» [13, с. 112].

3. Международные противоречия и глобальная юридическая аномия

В современной международной жизни обострился целый ряд противоречий. В частности, речь идет о противоречиях: а) между общечеловеческими ценностями (свобода личности, права человека и др.), законно признанными мировым сообществом, и их вольным толкованием в собственных интересах западными государствами; б) между имеющимися в международном праве нормами и ситуативными «правилами», которые пытаются внедрить США и их союзники; в) между легально установленными международными институтами ООН и их «нецелевым» использованием со стороны Запада. В конечном счете, все эти противоречия сводятся к главному противоречию – между однополярным миром (в рамках которого господствуют США) и большинством человечества (которое это господство уже не приемлет). Данные противоречия всё больше дезорганизуют и дестабилизируют международную жизнь, приводят ее к хаосу, к беспорядку. С разрешением вышеназванных противоречий уже не справляется и международная правовая система, как раз и призванная упорядочивать международную жизнь и уберечь ее от хаоса.

Отсюда повышенного внимания в исследовании глобальных аномичных процессов требует

именно аномия юридическая. Здесь важно иметь в виду следующее. С одной стороны, юридическая аномия – есть особая форма реализации аномии социальной. Учитывая данное обстоятельство, нужно признать, что социальная и юридическая аномии соотносятся между собой как род и вид, и что ряд основных параметров у них совпадает. С другой же стороны, юридическая аномия обладает и своими собственными характерными чертами, сопряженными с правовой сферой, в рамках которой она и осуществляется.

Действительно, как было отмечено выше, революционная ситуация в международной жизни сейчас налицо. Кризис мирового порядка и международного права тоже находится в весьма обостренной фазе. Более того, по степени аномичности могут различаться не только общества и группы, но и исторические эпохи. Когда общество (а иногда и мировое сообщество, как это имеет место сейчас) переживает стабильный период, аномия уменьшается, но устремляется ввысь, когда общество вступает в полосу кризиса, особенно затяжного [14, с. 113]. Будучи дестабилизирующим фактором, аномичные процессы «подвигают к хаосу» международную жизнь. Верно подмечено, что «аномия как глобальный фактор, оказывающий влияние на дезорганизацию социальной жизни, приводит к широкому распространению девиантного поведения...», что «аномия ведет от заведенного и привычного порядка – к непредсказуемому беспорядку, хаосу, анархии» [15, с. 116].

В подобной ситуации естественным образом теряется доверие к международным правовым институтам (например, к ООН и ее структурам) и нормам (в частности, к нормам Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека и т. д.). В этой связи вполне обоснованно Д.Г. Геращенко пишет о том, что «исчезновение доверия к государственным институтам можно рассматривать как основной признак правовой аномии» [16, с. 27].

Конечно, международные структуры теряют доверие прежде всего из-за их использования Западом в своих эгоистических интересах. ООН, как международный институт, который обязан разрешать проблемы и противоречия, возникающие между странами, всё больше превращается в «однобокий» инструмент США. ООН и ряд других международных организаций в условиях однополярного мира «приручили дрейфовать» в русле американских интересов, проявлять зачастую некую «беззубость» при решении важнейших мировых проблем. Отсюда ООН в полной мере уже не может выполнить свою миссию:

быть независимой миротворческой площадкой, быть системой сдержек и противовесов в спорах между государствами – и поэтому, растеряв свой авторитет, теряет и часть доверия со стороны международного сообщества.

Та же Всеобщая декларация прав человека используется Западом избирательно в зависимости от ситуации. В частности, нарушения прав человека «видят» в основном только в неугодных для него странах, после чего вводят санкции, якобы для восстановления справедливости, а на самом деле – в целях «наказания» либо сдерживания развития того или иного государства.

4. Глобальная юридическая аномия как причина рассогласованности компонентов международной правовой системы

Всё это ведет к дисфункциональности и разбалансированности компонентов международной правовой системы. Юридическая аномия приводит к нарушению ее баланса, создает условия для дезинтеграции основных ее подсистем. Другими словами, международная правовая система при подобных обстоятельствах приобретает всё более несистемный, фрагментированный и сегментированный характер. Международная правовая система теряет свою организующую роль, что выражается в конкретных проявлениях тех или иных ее компонентов. Она выступает специфической разновидностью правовой системы и во многом имеет ту же структуру (*право, правосознание, правореализацию*), но, естественно, на соответствующем международном уровне [17, с. 52].

Если говорить о таком компоненте, как *международное право*, то юридическая аномия сопряжена здесь с полным или частичным отсутствием необходимых (условно новых) норм, содействующих становлению многополярности. Действительно, имеющиеся (так называемые старые) нормы международного права уже не везде и не всегда действуют. Ведь США соблюдают подобные предписания избирательно, в основном только тогда, когда им выгодно. Более того, благодаря западным странам на международном уровне происходит размывание нормативности и разрушение имеющегося миропорядка.

Вместо ряда имеющихся норм они пытаются «продвинуть» придуманные ими «под себя» ситуативные «правила». Так, в документах стран Запада, по весьма убедительным оценкам министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, «закреплено продви-

жение концепции “миропорядка, основанного на правилах” в противовес универсальным принципам международного права, закрепленным прежде всего в Уставе ООН. От расшифровки своих “правил” Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат четкие обязательства государств и транспарентные механизмы проверки их исполнения»¹.

Западные подходы к международному праву и международной правовой системе в целом, которые в последние десятилетия лежали в основе международной политики, не могут уже полноценно и эффективно регулировать глобальные процессы. Они всё больше ассоциируются с манипулированием мировым общественным мнением. Между тем, «в правилах как таковых ничего зазорного нет. Напротив: Устав ООН – это именно свод правил, но правил, одобренных всеми странами мира, а не в рамках “междусобойчиков”. Кстати, интересная деталь: в русском языке “право” и “правило” – однокоренные слова. Для нас настоящее, справедливое правило неотделимо от права. В западных языках иначе. В английском, например, право – “law”, а правило – “rule”. Чувствуете разницу? “Rule” – это больше не про право (в смысле общепризнанных законов), а про то, какие решения принимает тот, кто правит, управляет»². Здесь же следует отметить, что значительное количество жителей Евросоюза не доверяют его институтам, а сама тенденция недоверия усугубляется из года в год [18]. Однако подобные «правила» не могут законно претендовать на роль необходимых (новых) норм международного права, потому что принимались не мировым сообществом, а США и их союзниками.

Если обратиться к такому компоненту международной правовой системы, как *правосознание*, то пренебрежение имеющимися (условно старыми) нормами международного права естественным образом «вытекает» из современной правовой идеологии западных стран, которые «довели» неолиберализм до крайности (свободу трансформировали во вседозволенность). Ясное дело, что, базируясь на идеях постмодернизма, к имеющимся (условно старым) нормам международного права относиться с уважением вряд ли получится. Эти старые (но в небольшой степени еще живые) нормы представляются

¹ Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Коммерсантъ. 2021. 14 сент.

² Там же.

«прогрессивному» Западу как некий пережиток, как препятствие для их якобы нового уровня свободы (на самом деле – вседозволенности). И такое отношение и есть высшая форма пренебрежения к имеющимся нормам международного права, высшая степень юридического нигилизма. И тут можно только солидаризоваться с оценкой Э. Дюркгейма о том, что аномия – результат не только нормативного, но и ценностного вакуума [19, с. 234].

Тот юридический нигилизм, который присущ российскому правосознанию [20] и который постоянно критикуют за недооценку права в жизни нашего общества (с чем в определенной части можно согласиться), лишь «цветочки» по сравнению с нигилизмом в западных государствах, поскольку подобное отношение к нормам международного права базируется на очевидной для всего мирового сообщества его эгоистической позиции по «приватизации справедливости», по одностороннему возведению «себя» в ранг исключительных. Это, в силу закона диалектики, и есть предельная мера нигилизма, выраженная в формуле, с одной стороны, «любви к себе», а с другой, – «ненависти к остальным». Идеология неолиберализма, доведенная до крайности (до вседозволенности), превращается в свою противоположность – в тоталитаризм.

Страны западного блока, по сути, уже во многом пренебрегают устоявшимися нормами морали и религиозными ценностями. Современный «цивилизованный» мир дошел до того, что предлагает множество гендеров, объявляет смену пола нормой, а родителей одного пола считает нормальной семьей. Таким образом, как верно замечено, «вопрос, какую семью вы считаете нормальной, уже становится политическим, способным расколоть общество. Поэтому многие ученые подчеркивают: ЛГБТ-тема сегодня стала идеологией, не имеющей никакого отношения к защите прав униженных и оскорбленных»³.

Отсюда западные страны насаждают такие ценности (неолиберальные и пр.), которые во многом прямо противоположны человеческой природе, общим нравственно-религиозным нормам и базовым основам международного права. Так, постмодернизм «не только практически полностью исключает возможность сколько-нибудь устойчивых правовых отношений в международной политике, но и катастрофически подрывает базовые основы международного права. Поскольку вытекающая из этого

подхода произвольность “выгодных” интерпретаций любых правовых норм последовательно вымывает из международных отношений их фундамент – взаимное доверие государств, участвующих в этих отношениях» [13, с. 168].

Если же вести речь о таком компоненте международной правовой системы, как *правореализация*, то США, исходя из «охватившей» их идеологии запредельного неолиберализма и постмодернизма, уже не могут сдерживать себя рамками имеющихся норм международного права. Для них данные нормы узки и не позволяют им действовать как гегемону, как лидеру (по их представлению) мирового сообщества. США после развала «Советского Союза» приступили к пересмотру результатов Второй мировой войны, к строительству мира по-американски, в котором есть только один хозяин, один господин. Для этого стали грубо разрушать все основы мироустройства, заложенные после Второй мировой войны»⁴.

Отсюда массово отклоняющаяся от имеющихся норм международного права правореализационная деятельность США и их союзников, которая в данной сфере проявляется в различных формах: в виде войн, вооруженных конфликтов, свержений неугодных правительств других стран, невыполнения обязательств в рамках международных договоренностей и т. д. Отсюда и Югославия, и Ирак, и Ливия, и Сирия, и Афганистан, и Грузия и т. п. Отсюда и Украина с организацией в ней государственного переворота и военных действий. Отсюда и выход США из иранской ядерной сделки и иных подписанных ими международных договоров. Отсюда и незаконные западные санкции в отношении России, Ирана и других стран, которые были приняты без одобрения Совета Безопасности ООН и которые и в юридической доктрине считаются неправомерными [21]. Всего же после Второй мировой войны США участвовали в более чем 200 вооруженных конфликтах, организовали несколько десятков «цветных» революций, меняя неугодную им недемократичную (по их представлению) политическую власть в других странах, создавая искусственно в них «рукотворную» аномию. Все эти массовые нарушения Западом норм международного права – логичный финал его «политической и правовой карьеры», которая разрушена по очевидной для мирового сообщества причине подобных противоправных действий. Ведь имеющиеся нормы

³ Куликов В. Научат главному // Российская газета. 2022. 12 дек.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию России // Российская газета. 2023. 21 февр.

международного права никто не отменял. В этой связи в литературе верно замечено, что «основной признак аномичных проявлений – массовость, выраженная в статистических параметрах» [22, с. 144].

5. Глобальная юридическая аномия: понятие, признаки, пути противодействия и предупреждения

Таким образом, сочетая общие и специфические признаки, *глобальную юридическую аномию* можно определить как *разновидность социальной аномии, протекающую в международно-правовой сфере в результате потери доверия к международным институтам и быстрых изменений в кризисный (переходный) период, представляющую собой негативную (дестабилизирующую) составляющую международной жизни и характеризующуюся дисфункциональностью и рассогласованностью компонентов международной правовой системы, что наиболее ярко выражено: во-первых, в полном или частичном отсутствии необходимых (условно новых) норм международного права, во-вторых, в пренебрежении имеющимися нормами, в-третьих, в массово отклоняющейся от них правореализационной деятельности субъектов мирового сообщества.*

Определив содержание глобальной юридической аномии, важно проанализировать и возможные пути как ее предупреждения, так и противодействия ей. В качестве общего предупреждения (своего рода «общей превенции») может выступать строительство нового, более справедливого миропорядка, в рамках которого возможны взаимоуважительные и взаимовыгодные отношения, а также достижение равноправного партнерства между субъектами международного права.

Конечно же, западные страны пытаются замедлить подобные процессы и максимально продлить свое привилегированное положение, обставляя это придуманными ими «правилами». Однако движение к многополярному миру всё больше выступает магистральным и стратегическим вектором мировой политики, что подтверждено 20–22 марта 2023 г. лидерами России и Китая. В этой связи неизбежна новая трансформация как национальных, так и международной правовых систем.

Миропорядок, основанный на нескольких центрах развития, уже выстраивается на базе единых ценностей и нахождения на паритетных началах ба-

ланса национальных интересов различных государств. Например, Россию, Китай, Индию и многие другие страны, не входящие в западный блок, объединяют такие во многом общие ценности, как защита традиционной семьи, системы воспитания, отношений между детьми и родителями и пр. И существуют структуры, которые вполне могут более эффективно влиять на эту ситуацию в позитивном ключе, прежде всего институты ООН и т. д.

Однако Запад не заинтересован в эффективности их деятельности и пытается доказать мировому сообществу, что данные институты неработоспособны, что в новом глобальном мире пора отказаться от устаревших норм и принципов международного права. В этой связи С.В. Лавров подчеркивает, что новая англо-американская Атлантическая хартия задумана «как своего рода “отправной пункт” для строительства мирового порядка, но исключительно по западным “правилам”». Ее редакция идеологически заряжена на углубление водораздела между “либеральными демократиями” и всеми остальными государствами, призвана легитимизировать “порядок”, основанный на “правилах”. Новая хартия не содержит упоминаний ООН или ОБСЕ, жестко фиксируя приверженность коллективного Запада обязательствам в рамках НАТО в качестве, по сути, единственного легитимного центра принятия решений...»⁵. Более того, сторонники данных подходов заявляют о том, что глобализация требует новой единой мировой системы управления, которая может быть воплощена в Мировом государстве.

Страны, отстаивающие многополярность, находятся сейчас между двух «огней»: глобальной юридической аномией (т. е. в ситуации, по сути, отсутствия необходимых новых норм, обеспечивающих выстраивание данной многополярности), с одной стороны, и так называемыми новыми нормами – «правилами», которые сопряжены с определенным «заурегулированием» международной жизни, с навязываем Западом своей гегемонии, – с другой.

Между тем нет никаких мотивов соглашаться с миропорядком, «основанным на правилах», который считается эксклюзивным по определению и предлагаемым странами, чьи модели внутреннего устройства еще должны доказать свою состоятельность в изменившихся условиях⁶. Нужны такие новые нормы международного права, которые бы обеспечивали более действенное становление многополярности в

⁵ Лавров С.В. Указ. соч.

⁶ См.: Яковенко А. Либеральный «конец истории» // Российская газета. 2019. 12 авг.

мире. Данные нормы должны базироваться как на здоровых основах имеющегося международного права [23, с. 142], так и на основе согласования национальных интересов государств. При этом следует усиливать главную роль Устава ООН в регулировании международных отношений и с необходимостью возродить ООН именно как столп международного права. Контроль над ООН должен перейти от США к мировому сообществу.

Следовательно, для современной международной правовой системы в наибольшей степени характерны такие тенденции, как создание условий для реальной возможности установления многополярного мира, а также противодействие негативным факторам, влияющим на него.

Если же речь вести о предупреждении глобальной юридической аномии в конкретной национальной правовой системе, в частности в российской (о своего рода «частной превенции»), то нужно исходить из того факта, что юридическая аномия (как, впрочем, и всякая иная) — это прежде всего процесс. Но вместе с тем ее нельзя считать процессом необратимым, можно и нужно конструировать социально-правовые условия, при которых будет происходить управляемое «выздоровление» общества [24, с. 38].

6. Выводы

При многовекторном взаимодействии российской правовой системы с международной важно, с одной стороны, чтобы первая содействовала развитию второй и способствовала минимизации в ней аномичных явлений. Думается, обе системы в необходимых случаях должны задействовать эффективные юридические средства для предотвращения и снижения хаоса, оказывая взаимную помощь. С другой же стороны, значимым моментом выступает установление в отечественной правовой системе механизмов, препятствующих попаданию в нее норм международного права или проявления иных компонентов международной правовой системы, противоречащих Конституции РФ и вызывающих так или иначе элементы «внутригосударственной» юридической аномии.

Как известно, национальные правовые системы не только сотрудничают, но и конкурируют между собой. В этой сфере нужен соответствующий баланс, позволяющий им взаимообогащаться теми достижениями, которые есть в социально-правовой жизни разнообразных стран, в том числе учитывать и определенный опыт противодействия юридической аномии, а также предотвращения ее. По сути, всё вышесказанное можно считать направлениями развития российской правовой системы в современный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alwazna R. Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for translation / R. Y. Alwazna // *International Journal of Legal Discourse*. — 2017. — Vol. 2. — P. 225–241.
2. Малько А. В. Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России / А. В. Малько // *Государство и право*. — 2023. — № 3. — С. 7–18.
3. Petrović D. Ordinary Affects During the Democratization of Violence in the Context of the Breakup of Yugoslavia / D. Petrović // *Politička misao*. — 2022. — Vol. 59, № 4. — P. 167–191.
4. Goldin A. Sobre los Derechos del Trabajo de América Latina: evolución y perspectivas / A. Goldin // *Trabajo y Derecho*. — 2019. — № 48. — P. 12–23.
5. Tremonti G. Brexit and the rest / G. Tremonti // *Law and Economics Yearly Review*. — 2021. — № 10. — P. 63–66.
6. Adam-Troian J. Positive associations between anomia and intentions to engage in political violence: Cross-cultural evidence from four countries. *Peace and Conflict* / J. Adam-Troian, E. Bonetto, M. Araujo, O. Baidada, E. Celebi, M. Dono-Martin, F. Eadeh, A. Godefroidt, S. Halabi, Y. Mahfud, F. Varet, T. Yurtbakan // *Journal of Peace Psychology*. — 2020. — № 26. — P. 217–223.
7. Zou C. The Construction of Psychological Intervention Mechanism of Deep Learning in the Prevention of Legal Anomie / C. Zou // *Frontiers in Psychology*. — 2022. — Vol. 13. — P. 30–46.
8. Rogan M. Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: the Case of Ireland / M. Rogan // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2022. — № 28. — P. 425–433.
9. Dedek H. Out of site: Transnational legal culture(s) / H. Dedek // *The Oxford Handbook of Transnational Law* / ed. P. Zumbansen. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — P. 89–112.
10. Саломатин А. Ю. Государственно-правовая жизнь общества в условиях глобализации / А. Ю. Саломатин, А. В. Малько // *Государство и право*. — 2019. — № 3. — С. 85–96.

11. Кавецкий С. Т. Современная аномия: структура, уровни, категории, измерение / С. Т. Кавецкий // Вестник Брестского университета. Серия 1. Философия. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 135–139.
12. Nafstad I. Legal Silencing of Minority Legal Culture: The Case of Roma in Swedish Criminal Courts / I. Nafstad // Social and Legal Studies. – 2019. – № 28. – P. 839–858.
13. Зорькин В. Д. Право против хаоса / В. Д. Зорькин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2023. – 536 с.
14. Валевиц Е. С. Аномия как форма противопоставления массы и элиты / Е. С. Валевиц // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 112–113.
15. Ревочкин Н. Н. Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект / Н. Н. Ревочкин // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 2. – С. 115–117.
16. Геращенко Д. Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. Г. Геращенко. – Ростов н/Д., 2011. – 33 с.
17. Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем / В. В. Гаврилов. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 224 с.
18. Саломатин А. Ю. Общественное мнение как индикатор кризисных явлений в Евросоюзе / А. Ю. Саломатин // Современная Европа. – 2017. – № 3. – С. 115–121.
19. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
20. Малько А. В. Психологические аспекты деформаций правосознания и юридической ответственности / А. В. Малько, Д. А. Липинский, А. Н. Зрячин, А. А. Мусаткина // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 140–153.
21. Травина Л. А. Правомерность антироссийских санкций и ответных мер в рамках членства во Всемирной Торговой Организации / Л. А. Травина, С. А. Катушенко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 166–175.
22. Баранова Ю. Ю. Методология исследования аномии и социальная реальность: польское и российское измерения / Ю. Ю. Баранова // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2011. – Вып. 12. – С. 143–147.
23. Карташкин В. А. Устарело ли международное право: мифы и реальность / В. А. Карташкин // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 136–146.
24. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Н. Н. Мещерякова. – М., 2015. – 46 с.

REFERENCES

1. Alwazna R.Y. Culture and law: The cultural impact on islamic legal statements and its implications for transilation. *International Journal of Legal Discourse*, 2017, vol. 2, pp. 225–241.
2. Malko A.V. Legal life of society, anomie and problems of the unity of legal space in modern Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.).
3. Petrović D. Ordinary Affects During the Democratization of Violence in the Context of the Breakup of Yugoslavia. *Politička misao*, 2022, vol. 59, no. 4, pp. 167–191.
4. Goldin A. Sobre los Derechos del Trabajo de América Latina: evolución y perspectivas. *Trabajo y Derecho*, 2019, no. 48, pp. 12–23. (In Spanish).
5. Tremonti G. Brexit and the rest. *Law and Economics Yearly Review*, 2021, no. 10, pp. 63–66.
6. Adam-Troian J., Bonetto E., Araujo M., Baidada O., Celebi E., Dono-Martin M., Eadeh F., Godefroidt A., Halabi S., Mahfud Y., Varet F., Yurtbakan T. Positive associations between anomia and intentions to engage in political violence: Cross-cultural evidence from four countries. *Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology*, 2020, no. 26, pp. 217–223.
7. Zou C. The Construction of Psychological Intervention Mechanism of Deep Learning in the Prevention of Legal Anomie. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13, pp. 30–46.
8. Rogan M. Examining the Role of Legal Culture as a Protective Factor Against High Rates of Pre-trial Detention: the Case of Ireland. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2022, no. 28, pp. 425–433.

9. Dedek H. Out of site: Transnational legal culture(s), in: Zumbansen P. (ed.). *The Oxford Handbook of Transnational Law*, Oxford, Oxford University Press, 2021, pp. 89–112.
10. Salomatin A.Yu., Malko A.V. State and legal life of society in the context of globalization. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 3, pp. 85–96. (In Russ.).
11. Kavetsky S.T. Modern anomie: structure, levels, categories, measurement. *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1. Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2020, no. 2, pp. 135–139. (In Russ.).
12. Nafstad I. Legal Silencing of Minority Legal Culture: The Case of Roma in Swedish Criminal Courts. *Social and Legal Studies*, 2019, no. 28, pp. 839–858.
13. Zor'kin V.D. *Right against chaos*, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2023. 536 p. (In Russ.).
14. Valevich E.S. Anomie as a form of opposition between the masses and the elite. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2013, no. 1, pp. 112–113. (In Russ.).
15. Revochkin N.N. Anomie as a global factor in the disorganization of modern society: a philosophical aspect. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU*, 2014, no. 2, pp. 115–117. (In Russ.).
16. Gerashchenko D.G. *Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension*, Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2011. 33 p. (In Russ.).
17. Gavrilov V.V. *The concept and interaction of international and national legal systems*. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 224 p. (In Russ.).
18. Salomatin A.Yu. Public opinion as an indicator of crisis phenomena in the European Union. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2017, no. 3, pp. 115–121. (In Russ.).
19. Durkheim E. *Suicide. Sociological study*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 399 p. (In Russ.).
20. Malko A.V., Lipinsky D.A., Zryachkin A.N., Musatkina A.A. Psychological aspects of deformations of legal consciousness and legal responsibility. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.).
21. Travina L.A., Katushenko S.A. Legality of anti-Russian sanctions and retaliatory measures within the framework of membership in the World Trade Organization. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of economics and law*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 166–175. (In Russ.).
22. Baranova Yu.Yu. Anomie Research Methodology and Social Reality: Polish and Russian Dimensions. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, 2011, iss. 12, pp. 143–147. (In Russ.).
23. Kartashkin V.A. Is International Law Outdated: Myths and Reality. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 8, pp. 136–146. (In Russ.).
24. Meshcheryakova N.N. *Features of anomie in modern Russian society: a synergistic approach*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2015. 46 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры конституционного и административного права
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: nauka@sarrpa.ru
ORCID: 0000-0003-3204-9696
SPIN-код РИНЦ: 5306-7069; AuthorID: 106349

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: dmitri8@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander V. Malko – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: nauka@sarrpa.ru
ORCID: 0000-0003-3204-9696
RSCI SPIN-code: 5306-7069; AuthorID: 106349

Dmitriy A. Lipinsky – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Constitutional and Administrative Law
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: dmitri8@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1870-069X

ORCID: 0000-0003-1870-069X
SPIN-код РИНЦ: 4145-7652; AuthorID: 368247

RSCI SPIN-code: 4145-7652; AuthorID: 368247

Маркунин Роман Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: markunin88@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-7308-4848
SPIN-код РИНЦ: 5041-4265; AuthorID: 719821

Roman S. Markunin – PhD in Law, Associate Professor; Senior Researcher
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: markunin88@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-7308-4848
RSCI SPIN-code: 5041-4265; AuthorID: 719821

Иванов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: ale_iv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6171-7214
SPIN-код РИНЦ: 9535-2068; AuthorID: 647690

Alexander A. Ivanov – PhD in Law, Associate Professor; Senior Researcher
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: ale_iv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6171-7214
RSCI SPIN-code: 9535-2068; AuthorID: 647690

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малько А.В. Глобальная юридическая аномия в международной правовой системе: общетеоретический аспект / А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин, А.А. Иванов // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S., Ivanov A.A. Global legal anomie in the international legal system: general theoretical aspect. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).5-14. (In Russ.).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Н.А. Боброва

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

09 сентября 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Исследуются тенденции, негативно сказывающиеся на состоянии научной юриспруденции, ее категориального аппарата и практической значимости в правотворчестве и правоприменении: размывание предмета правовых исследований, их отрыв от философских основ права, некорректное использование правовых категорий, злоупотребление иноязычной терминологией, разобщенность науки и практики правоприменения.

Ключевые слова

Научная юриспруденция,
категориальный аппарат,
научная эклектика, иноязычные
термины,
междисциплинарность,
конституционализм, реализация
научных предложений

CONTEMPORARY TRENDS IN SCIENTIFIC RESEARCH AND THEIR INFLUENCE ON THE CATEGORICAL APPARATUS OF JURISPRUDENCE

Natalia A. Bobrova

Togliatti State University, Togliatti, Russia

Article info

Received –

2023 September 09

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

The subject of the article is trends in Russian legal science.

The aim of the article is to analyze and systematize the facts accumulating in legal sciences and science studies, which develop into trends that negatively affect the state of scientific jurisprudence, its categorical apparatus and practical significance, including for lawmaking and law enforcement.

Methodology. The author uses historical, sociological, formal-legal, systemic and comparative methods.

The main results. The following trends have been studied: substitution of the relevance and novelty of the topic with considerations of political conjuncture, scientific fashion and other pseudo-scientific considerations; Constitutional reforms as a new round of constitutionalization in the aspect of correlation between constitutionalization and interdisciplinarity of legal sciences; the danger of escalating the interdisciplinarity of legal research into the erosion of its subject; methodological eclecticism; weighting of scientific language, negligence and incorrect use of certain legal terms; misuse of foreign terminology; disunity of science and practice of law enforcement.

Conclusions. Since the degree of practical implementation of scientific and legal research into legislative and law enforcement practice is too low, a more effective mechanism for analyzing and implementing specific proposals from legal scientists is needed.

Keywords

Scientific jurisprudence,
categorical apparatus, scientific
eclecticism, foreign language
terms, interdisciplinarity,
constitutionalism, implementation
of scientific proposals

1. Введение

В начале XXI в. актуальными были такие темы, как «глобализм», «административная реформа» (на практике – выстраивание вертикали власти), «партийная система», позже – «национальная безопас-

ность», «суверенная демократия», «конституционализация», «цифровизация», «искусственный интеллект», «роботизация», «биоинформатика», правовая футурология.

Между тем серьезные системные изменения происходят в нововведениях, почти не обсуждаемых с научным сообществом и обойденных вниманием гражданского общества. Так, в 2002 г. произошло незаметное отделение от института государственных служащих нового вида статусных лиц, стоящих над государственными служащими, а именно появился институт лиц, замещающих государственные должности. Он весьма слабо изучен в юридической науке, возможно, именно потому, что затрагивает интересы политической элиты, которая не очень приветствует пристальное научное внимание к себе (особенно к своим привилегиям).

Одно время была актуальной тема избирательного кодекса, и Центральная избирательная комиссия (ЦИК) РФ даже заключила договор на разработку проекта избирательного кодекса с кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Однако в дальнейшем ЦИК РФ отказалась от идеи избирательного кодекса. В результате данная тема исчезла из публикационного пространства.

Итак, одной из негативных тенденций современной научной юриспруденции является подмена актуальности темы политической конъюнктурой, модой, «диссертательностью» и другими околонучными соображениями. Эти и другие негативные тенденции юридических исследований являются предметом данной статьи.

2. Конституционные реформы как источники новых научных тем и очередные витки конституционализации. Соотношение конституционализации и междисциплинарности юридических наук

Научная тематика обновляется и актуализируется с каждой конституционной реформой. Введение в 2010 г. конституционного института ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой актуализировало исследования ответственности Правительства РФ. Поправки в Конституцию 2014 г. не сильно актуализировали всплеск новой тематики, так как обе эти реформы прошли кулуарно. Первоначальный проект конституции отражал идею ликвидации прокуратуры как архаичного института по сравнению с новым и «более прогрессивным» институтом уполномоченных Президента РФ в регионах. Лишь вмешательство Генерального прокурора РФ А.И. Казанника спасло российскую прокуратуру от ликвидации [1].

После конституционной реформы 2020 г. появился новый перечень актуальных тем: «традиционные духовно-нравственные ценности», «социаль-

ная солидарность», «федеральные территории», «статус Государственного Совета РФ», «молодежная политика», «доверие в праве» (на данную тему 21–22 сентября 2023 г. состоялся Юридический форум в Московской государственной юридической академии), «реглобализация» и др.

Кроме того, возник новый всплеск интереса к проблеме «конституционализации». Впрочем, существует аргументированная позиция, согласно которой реформа 2020 г. не усилила конституционализацию отечественного права, а ослабила этот процесс: «поправки не улучшили Конституцию РФ, а, наоборот, привели к образованию многочисленных и глубочайших ценностных противоречий и дефектов, способных сформировать у граждан... негативный образ Конституции как документа декларативного, “мертвого” и неисполняемого органами государственной власти» [2, с. 28–29].

Но есть и другая причина конституционализации. Цифровизация государственной и общественной жизни, политической системы [3], расширение киберпространства, трансформация традиционных конституционных и иных прав [4], возникновение новых сфер жизнедеятельности и расширение пределов правового регулирования (искусственный интеллект, роботизация и т. д.) [5], межотраслевая инкорпорация правовых норм [6], а также процессы имплементации зарубежного права, происходящие довольно стихийно и требующие философского осмысления [7], – все эти процессы приводят к центробежным тенденциям в правовой системе. Несомненно, в таких условиях оказалась востребованной объединяющая, интегрирующая основа, противостоящая бессистемности центробежных тенденций в системе права.

Конституционализация происходит в виде двухстороннего процесса: 1) со стороны конституционалистов, усиливающих свои исследования примерами из других отраслей права [8–10]; 2) со стороны представителей иных наук, которые всё больше оперируют конституционными терминами и доктринами: гражданское право [11], уголовное [12], экологическое [13], трудовое [14] и т. д.

3. Междисциплинарность правового исследования или размывание его предмета?

В Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и научном сообществе в целом всегда приветствовалась так называемая междисциплинарность исследований, предполагающая стык нескольких отраслевых юридических наук, а также использование достижений иных наук, если этого требует предмет исследования.

Конституционалисты всё чаще избирают темы диссертаций на стыке с другими отраслями права, а «отраслевики», в свою очередь, активно используют конституционный инструментарий. Сближение конституционного права с другими отраслевыми науками – оправданный процесс, поскольку конституционное право по отношению к другим отраслевым юридическим наукам играет интегрирующую роль метаотрасли [15]. Термин «метаотрасль» подчеркивает роль конституционного права в системе права. И о науке конституционного права следует говорить как об особой отраслевой науке, отличающейся от классической теории права оснащённостью идеями конституционализма. В идеале теория государства и права сливается с наукой конституционного права, проистекает из неё, как это происходит в тех странах, где конституционное право является наукой о государстве и праве: юристы изначально конституционалисты. Студенты, изучая конституционную теорию государства и права, априори нацелены на конституционализацию мировоззрения и правосознания.

Грамотный юрист, тем более судья, невозможен без конституционного правосознания, и такая междисциплинарность жизненно необходима. Между тем в судопроизводстве не приветствуются ссылки на Конституцию, это считается моветоном и дилетантством. Судьи предпочитают отослать заявителей, ссылающихся на Конституцию, в Конституционный Суд, почти не пользуясь правом направления туда самостоятельного запроса.

Однако междисциплинарность исследования не должна приводить к размыванию его предмета и категориального аппарата науки, когда становится непонятно, в какой же области науки относится данное исследование. Особенно зыбка грань между конституционным правом и политологией, социальной психологией, историей и философией права.

4. Отрыв от философских основ права как его методологической основы и методологическая эклектика

Методологическую роль по отношению ко всей юриспруденции играет философия права. Нет практически ни одной диссертации и аннотации статьи в сфере юридических наук, в которой бы не указывалась методологическая основа. Однако указать методологическую основу и придерживаться ее – это не одно и то же. Как подмечают С.И. Захарцев и В.П. Сальников, во многих диссертациях «теряется связь с философией права» [16, с. 117]. Несомненно, это не лучшим образом сказывается на глубине исследований и объективности их результатов. Неко-

торые представители юридических наук, в том числе диссертанты, указывают в своих исследованиях традиционный перечень философско-правовых принципов, но зачастую лишь формально, а фактически не используют их. «Такой способ исследования превращает философско-правовой принцип в ширму, за которой можно укрыться от упреков в философско-правовом невежестве, а само исследование, лишённое философско-правового обоснования, теряет научную значимость, приобретает наукообразную форму» [16, с. 119]. Использование методологии теории и философии государства и права в отраслевых юридических науках должно быть по-настоящему научным, последовательным, творческим, осмысленным, а не формальным.

Следует лишь добавить, что философские основы любого исследования усиливают его фундаментальность, а последняя, в свою очередь, означает осведомленность исследователя во всех этапах философской мысли по предмету исследования, что создает его собственное прочное представление о корнях его науки, знание фундаментальных трудов своей науки. Фундаментальные труды относятся не только к современности, но и к прошлому, зачастую написаны давно, а современные исследователи зачастую лишь шлифуют уже сказанное либо выдают за новое хорошо забытое старое. К сожалению, этому недостатку способствуют требования, предъявляемые редакциями некоторых рецензируемых журналов, которые рекомендуют авторам статей ссылаться прежде всего на новейшие труды – не более чем пятилетней давности, а также не ссылаться на диссертации и авторефераты диссертаций, даже если это докторские диссертации.

Отечественные журналы предъявляют подобные требования в надежде получить статус журнала, индексируемого в международных базах цитирования. Ориентация на новейшие достижения науки сама по себе прекрасна, но она не должна противопоставляться фундаментальным основам научного познания.

Идеологическая, мировоззренческая ущербность ученого выливается в явление, которое условно можно назвать мировоззренческой эклектикой. По мнению А.С. Климовой, «для выработки разнообразных правовых статусов личности нужно учитывать все существующие системы мировоззрения по поводу прав и обязанностей человека. Они не могут противопоставляться, а должны дополнять друг друга» [17, с. 13]. Вряд ли этот тезис бесспорен: существуют и расистское, и фашистское мировоззре-

ние, которое никак не может «дополнять» концепцию прав человека.

5. Утяжеление научного языка, небрежность и некорректность использования некоторых юридических терминов

Как недостаток и проблему научных исследований С.И. Захарцев и В.П. Сальников отмечают тенденцию, когда «простые и понятные слова заменяются на синонимы, редко употребляемые даже в научной литературе. Причем ладно, если бы подобные понятия употреблялись бы точно и верно. Но ведь многие понятия имеют несколько значений, что в итоге создает путаницу. Можно хорошо относиться к тому, что используют понятия из философии. Однако стало популярным заимствовать термины из физики, математики... применяемые в технических дисциплинах и не вполне подходящие для правоведения. Сюда же следует отнести громоздкость предлагаемых понятий. В научных работах всё реже встречаются короткие и емкие определения, всё чаще – массивные определения, содержащие трудные для восприятия обороты. Видимо, соискатели искренне думают, что именно в этом и заключается наука. Однако... верх профессионального достижения для юриста – умение излагать мысли и законы простым и понятным всем языком» [16, с. 127].

Некоторую небрежность в употреблении тех или иных терминов можно проиллюстрировать на примере некорректного применения категории «статус» применительно к землям, территориям, апартаментам и т. д. Категория «статус» должна применяться не к объектам права, а исключительно к субъектам права, имеющим права и обязанности. Вместе с тем наблюдается множество примеров, когда категория «статус» применяется не только к территориям и земельным участкам, но и другим объектам, понятиям и явлениям, закрепляемым в Конституции и других нормативных правовых актах. Например, лингвисты пишут о «правовом *статусе* Правил русской орфографии и пунктуации 1956 года» [18, с. 6], конституционно-правовом *статусе* русского языка [19, с. 21]. Очень интересная ситуация вырисовывается: неужели столь некорректно обходятся со словом «статус» филологи, которые по определению должны чувствовать нюансы русского языка?

На наш взгляд, слово «статус» в филологии и юриспруденции имеет различные значения, подоб-

но тому как юридическая ответственность отличается от ответственности в моральном и философском смысле.

В юридическом значении категория «статус» применима только к субъектам права, а в более широком смысле «статус» включает в себя такие смыслы, как «регулирование», «значение», «уровень правового закрепления», «режим».

Несомненно, трудно не симпатизировать позиции ученых, выступающих за корректное употребление термина «статус» лишь применительно к субъектам права, но и нельзя не признать, что использование его в широком смысле уже приобрело большой размах, и поставить заслон этому живому языковому процессу вряд ли удастся.

6. Влияние злоупотребления иностранной терминологией на понятийно-категориальный аппарат юриспруденции

В научных публикациях давно существует такая тенденция, как заимствование иностранных слов, идей и понятий, порою, абсолютно некритичное, бездумное, так сказать, ради «красного словца» и показного знания зарубежных научных достижений.

Так, непонятно, что А.С. Климова понимает под «генезисом циклического развития прав и юридических обязанностей» [17, с. 21], заимствовав это понятие из иностранных источников. Цикличность более характеризует макропроцессы в больших исторических периодах и цивилизациях (возникновение, расцвет, развитие, отмирание государств, возникновение и разрушение империй и цивилизаций). Но что понимается под цикличностью прав и обязанностей одного и того же государства – автор не поясняет. А.С. Климова неоднократно использует термины «юридическая аккультурация и экспансия» [17, с. 4, 13, 21], но не поясняет, как эти понятия соотносятся с известным термином «имплементация».

Применение англоязычных терминов даже при наличии аналогов в русском языке стало весьма модным и востребованным процессом, как бы придающим дополнительную весомость научным изысканиям. Однажды В.В. Путин на совещании с научной общественностью заметил: «Вот сказал “синергетический эффект” – и ты уже умный»¹.

Приведем примеры излишней увлеченности иностранными терминами.

¹ Игнатьева Л. «Сколково» и «Иннополис» создадут общую инновационную экосистему // Реальное время. URL: [https://realnoevremya.ru/articles/247710-skolkovo-i-](https://realnoevremya.ru/articles/247710-skolkovo-i-innopolis-sozhdut-obschuyu-innovacionnuyu-ekosistemu)

[innopolis-sozhdut-obschuyu-innovacionnuyu-ekosistemu](https://realnoevremya.ru/articles/247710-skolkovo-i-innopolis-sozhdut-obschuyu-innovacionnuyu-ekosistemu) (дата обращения: 17.06.2021).

В монографии профессоров Д.С. Велиевой и М.В. Преснякова «Правовая определенность и права человека» [20] таких терминов немало, причем они и сами пишут в предисловии своей книги, что в ней «довольно много философии и “околофилософских” рассуждений» [20, с. 6]. Заголовки некоторых параграфов: «Интеллигентность закона как необходимое условие правовой определенности» [20, с. 124]; «Парадигмальность конституционного развития» [20, с. 207]; «Rule of Law» [20, с. 190]; «Rechtsstaat» [20, с. 194]; «...антиномия непоколебимости и эволютивности основных прав» [20, с. 351]. Однако всем этим красивым иностранным терминам вполне может соответствовать русский аналог или русскоязычное пояснение термина. Так, чужеродный, на наш взгляд, термин «юстициабельность» есть «судебная гарантированность».

Термин «юстициабельность», впервые употребленный иностранными учеными более столетия назад [21, с. 225], так и не прижился в отечественной науке. Обходились русскими терминами и категориями. Но теперь его вдруг начали активно употреблять, в том числе молодые ученые. А.С. Климова щедро снабдила автореферат диссертации иностранными терминами, в том числе термином «юстициабельность», который расшифровала как «возможность реальной и защищаемой реализации прав и обязанностей» [17, с. 22]. Раньше это именовалось кратким словом «гарантированность», более понятным правоприменителям, нежели «юстициабельность».

Еще пример с иностранным термином, на этот раз немецкоязычным. После того как была переведена на русский язык, а затем оцифрована книга Юргена Хабермаса «Демократия, разум, нравственность» [22], появилась целая волна публикаций с терминами «делиберативный принцип», «делиберативная демократия», «делиберативное участие» [23–25]. Прошло уже много лет с момента появления этого термина в отечественных изданиях, но компьютер подчеркивает его красной линией (как ошибочное слово). Термин не прижился и в научном сообществе, производит отталкивающее впечатление на практиков.

Слово «делиберативный» в переводе есть «совещательный», «общественный» и означает использование государством коммуникативных процедур с общественностью. Но почему не выразить это русскими словами? Неужели богатый и могучий русский язык не способен отразить то, что элементарно называется учетом общественного мнения законо-

дателем в процессе законотворчества? О.Б. Купцова называет это «государственно-общественным диалогическим взаимодействием» [26, с. 58]. Кроме того, защищена диссертация по консультативным институтам муниципальной демократии [27]. Слова «совещательный» или «консультативный» ничуть не хуже термина «делиберативный».

Некоторые ученые увлекаются иностранными терминами, полагая, что наукообразие и научность – это одно и то же. Так, С.Э. Либанова много лет пытается внедрить в категориальный аппарат юриспруденции термин «демокурия» [28]. Однако этот термин по-прежнему воспринимается как чужеродный, непривычный. Автор пишет, что термин «демокурия» образован от лат. *kurij*, означающего «надзор», «контроль», «народ» [29]. Однако в литературе и Интернете не удается обнаружить такого перевода слова *kurij*.

Достаточно тяжеловесно, используя слова «транспарентность», «стигматизировать» и т. п., выразил свою критику законов, ограничивающих конституционные права граждан, профессор А.А. Кондрашев, по мнению которого «целью вводимых государством ограничений было отнюдь не желание обеспечить транспарентность и открытость для общества и государства в рамках доступа к информации об иностранном финансировании некоммерческих организаций, а возможность политически стигматизировать НКО и наложить дополнительные организационно-финансовые обременения на те из них, которые позволяют себе критику органов государственной власти» [30, с. 97].

Диссертант С.М. Арзуманова пишет, что ею «осуществлена **демаркация** понятий формы, институты, процедуры и форматы муниципальной демократии» [27, с. 7]. Однако термин *demarcatio* (разграничение) уместен более в военной и других науках, а также в качестве разграничения предметов наук. Более удачным в данном случае явился бы термин «разграничение», «соотношение», тем более что автор в другом месте пишет: «Предложено соотношение категорий форма, институт, процедура и формат муниципальной демократии» [27, с. 11]. Кроме того, соотношение может быть не обязательно «демаркационным», но и пересекающимся и т. д.

Использование иностранных терминов в значительной степени засоряет категориальный аппарат юриспруденции. Зачастую иностранные термины применяются в случаях, когда автор либо сам туманно представляет исследуемый предмет (кто неясно мыслит, тот неясно излагает), либо сознательно

затуманивает красивой наукообразностью его «грубое», простое содержание.

7. Разобщенность науки и практики правоприменения – серьезная проблема научных исследований

А.Н. Костюков подчеркивает, что «право – ни что, если его положения не находят своей реализации... <...> Анализ практики правоприменения во всех сферах правовой действительности демонстрирует глубокий кризис правоприменения, повсеместную деконструкцию идей верховенства права и правового государства» и констатирует, что «такое положение вещей – следствие правового нигилизма, глубоко укоренившегося в среде государственных и муниципальных служащих, а также лиц, замещающих государственные должности» [31, с. 160].

Несомненно, проблема разобщения, разрыва между наукой и практикой правоприменения является частью более широкой проблемы отчуждения власти и науки. Так, директор Института социологических исследований, доктор социологических наук, действительный член Академии военных наук С.Н. Паршуткин констатирует «коммуникативный тупик, среди причин и следствий которого всё более глубокая и широкая политизация историков, юристов, философов, филологов, культурологов и других категорий научных работников на фоне взаимных упреков власти и ученых: исследователи и преподаватели говорят о том, что у власти атрофировался орган, способный слушать общественность, а чиновники отвечают, что у ученых будто бы отсутствует орган, способный четко выражать мысль на понятном языке»².

С.Н. Паршуткин абсолютно прав, поднимая эту серьезную проблему всех гуманитарных наук. Особо негативные последствия влечет разрыв между властью и юридическими науками, ведь предполагается, что связь юриспруденции с властью, прежде всего законодательной властью, наиболее очевидна. Но это лишь в идеале.

Следует признать, что в правовом нигилизме власти, в том числе правоприменителей, виноваты не только они, но и наука, когда она слишком далека от реальных потребностей практики, или слишком длинна, а то и непреодолима дорога от разумных предложений ученых по совершенствованию законодательства до реализации этих предложений. Так,

ни одна диссертация по отраслевым юридическим наукам не защищается без конкретных предложений диссертантов по совершенствованию действующего законодательства: обоснованию необходимости в принятии определенных норм и узаконении принципов, уточнению и дополнению отдельных норм и институтов, преодолению противоречий в действующем законодательстве и т. д. То же самое можно сказать не только о диссертациях, но и о множестве публикаций в сфере отраслевых юридических наук, авторы которых формулируют конкретные предложения.

Однако лишь мизерная часть предложений ученых воплощается в законах и иных нормативных актах, при этом путь от научных предложений до законодательной продукции может быть столь длительным, что предложение становится либо слишком перезрелым, либо теряет свою актуальность в связи с изменением ситуации и общественных отношений.

С.И. Захарцев и В.П. Сальников доказывают необходимость функции реализации научных предложений в области права, а соответственно, и органа, ответственного за реализацию этой функции (условно назовем его Центром). По их мнению, необходима система оценки предложений: если исследователь изучил практику применения законодательства и пришел (на основе апробированных результатов) к выводу, что необходимо изменить (уточнить, корректировать) закон, то он получает заключение научного учреждения (вуза, диссовета, НИИ), которое обязано направить конкретные предложения в Центр. В Центре предложения изучаются специалистами и с их экспертной оценкой направляются законодателю. Эта схема схожа с порядком оценки диссертаций экспертным советом ВАК, но последний не создан для реализации выводов исследований. Как отмечают С.И. Захарцев и В.П. Сальников, «и ученые, и законодатели должны двигаться навстречу друг другу. <...> Должна быть распространена практика экспертных правовых оценок законопроектов, при необходимости их широкое обсуждение в научной среде» [32, с. 305].

Создание действенного централизованного механизма учета конкретных научных предложений, изложенных в диссертациях, статьях, монографиях, аналитических записках, рекомендациях научных

² Паршуткин С.Н. Игнорируя ученых-обществоведов, власть готовит новую «перестройку» // Общественная служба новостей. URL: <https://www.osnmedia.ru/opinions/>

ignoriruya-uchyonyh-obshhestvovedov-vlast-gotovit-novuyu-perestrojku/.

юридических форумов и конференций, способствовало бы реализации. Другого пути сблизить науку, закон и практику, пожалуй, нет.

8. Некоторые выводы

1. Исследователи зачастую руководствуются не сущностью науки как приращения нового научного знания, а различными околonaучными мотивами.

2. Избыточное использование иностранных терминов перерастает в негативную тенденцию засорения понятийно-категориального аппарата науки.

3. Борьбa с данным явлением бесперспективно, так как никто не знает в итоге, приживется или нет тот или иной термин в научном обороте, однако ученые должны сами иметь чувство меры, употребляя иностранные термины.

4. Поскольку практика является главным критерием истины, жизнеспособность тех или иных терминов проверяется ею и, соответственно, временем.

5. Любые негативные тенденции научной юриспруденции засоряют ее понятийно-категориальный аппарат, что, в свою очередь, усугубляет разрыв между юридической наукой и практикой.

6. Поскольку слишком мала степень практической реализации научно-правовых исследований в законодательную и правоприменительную практику, необходим более действенный механизм анализа и реализации конкретных предложений ученых-юристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохина Н. А. Ответственность президента и прокуратуры за целостность и безопасность государства / Н. А. Блохина, М. А. Власова // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 86–98. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).86-98.
2. Кондрашев А. А. Конституционные поправки–2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустрашимые конфликты между «вечными» главами и главами 3–8 Конституции России / А. А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 28–29.
3. Постников А. Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 38–49.
4. Иванова К. А. Трансформация права на свободу слова в сети интернет как инструмента развития демократии / К. А. Иванова, Е. В. Немчинова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. Вектор юридической науки. – 2019. – № 9. – С. 134–139.
5. Комарова В. В. Реальное и мнимое расширение пределов конституционного права / В. В. Комарова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10. – С. 11–23.
6. Турищева Н. Ю. Публично-правовое и частноправовое начала регулирования предвыборной агитации / Н. Ю. Турищева // Журнал российского права. – 2020. – № 1. – С. 89–100.
7. Лазарев В. В. Философские основы имплементационной деятельности / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 5–18.
8. Боброва Н. А. О неконституционности критериев оценки научной деятельности вузов, установленных в 2013 году / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 6. – С. 42–45.
9. Крусс В. И. Конституционализация актуальной коммунальной обязанности и угрозы злоупотребления правом / В. И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 55–59.
10. Шевердяев С. Н. Актуальные направления разработки проблематики электоральной коррупции в конституционном праве / С. Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 18–23.
11. Гаджиев Г. А. Об особенностях конституционно-правового истолкования норм гражданского права / Г. А. Гаджиев // Закон. – 2009. – № 9. – С. 33–39.
12. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права / А. В. Елинский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 3. – С. 77–85.
13. Жаворонкова Н. Г. Диффузия экологических прав: конституционно-правовой аспект / Н. Г. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. Вектор юридической науки. – 2019. – № 9. – С. 140–145.
14. Углов А. С. Основы конституционализации правового регулирования трудовых отношений в Российской Федерации / А. С. Углов // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 59–65.

15. Боброва Н. А. Особенности предмета конституционного права как метаотрасли / Н. А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 4. – С. 3–9.
16. Захарцев С. И. Диссертационные советы и диссертации по юридическим наукам: некоторые размышления о научных коллективах и качестве их деятельности / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 12. – С. 115–132.
17. Климова А. С. Гармонизация прав и обязанностей юридическими субъектами как закономерность развития правовой системы общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Климова. – Н. Новгород, 2021. – 29 с.
18. Белоконь Н. В. Некоторые аспекты функционирования языка в юридической сфере / Н. В. Белоконь // Конституционализм и государствоведение. – 2022. – № 3 (27). – С. 5–9.
19. Янускина В. В. Конституционно-правовой статус русского языка и его роль в формировании и развитии российской государственности / В. В. Янускина. – М., 2017. – 196 с.
20. Велиева Д. С. Правовая определенность : моногр. / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков. – Саратов : Саратовский источник, 2021. – 401 с.
21. Дайси А. В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А. В. Дайси, проф. Оксфорд. ун-та ; под ред. П. Г. Виноградова ; пер. О. В. Полторацкой. – 2-е изд. – М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. – 671 с.
22. Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Academia, 1995. – 252 с.
23. Посконин В. В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии / В. В. Посконин, О. В. Посконина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2006. – № 3. – С. 41–56.
24. Тушков А. А. Делиберативный принцип в теории и практике политической модернизации / А. А. Тушков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 3. – С. 161–169.
25. Раздьяконова Е. В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива / Е. В. Раздьяконова // История государства и права. – 2023. – № 5. – С. 15–20.
26. Купцова О. Б. Развитие языка права в условиях цифровизации общественных отношений / О. Б. Купцова // Юридическая орбита. – 2021. – № 1. – С. 56–61.
27. Арзуманова С. М. Консультативные институты муниципальной демократии в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Арзуманова. – Казань, 2023. – 29 с.
28. Либанова С. Э. Демокруция : моногр. / С. Э. Либанова. – Курган : Изд-во Кург. гос. ун-та, 2014. – 256 с.
29. Либанова С. Э. Демокруция как способ обеспечения эффективности государственного управления гражданским обществом / С. Э. Либанова // Вестник КГУ. – 2017. – № 1. – С. 74–78.
30. Кондрашев А. А. Иностранные агенты в России: как заимствованный американский правовой институт приобрел иной смысл в российском законодательстве и правоприменительной практике / А. А. Кондрашев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – № 4 (143). – С. 97–121.
31. Костюков А. Н. О правоприменении в современной России / А. Н. Костюков // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 159–172. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172.
32. Захарцев С. И. Философия и юридическая наука : моногр. / С. И. Захарцев, В. П. Сальников. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 424 с.

REFERENCES

1. Blokhina N.A., Vlasova M.A. Responsibility of the President and the Prosecutor's Office for the integrity and security of the state. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 86–98. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).86-98. (In Russ.).

2. Kondrashev A.A. Constitutional amendments – 2020: on collisions and defects that give rise to unavoidable conflicts between the "eternal" chapters and chapters 3-8 of the Constitution of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 3, pp. 28–29. (In Russ.).
3. Postnikov A.E. The Constitutional Model of the Political System of Russia in the Context of the Development of the "Digital Society". *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 38–49. (In Russ.).
4. Ivanova K.A., Nemchinova E.V. Transformation of the right to freedom of speech on the Internet as a tool for the development of democracy. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. Vektor yuridicheskoi nauki = Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. Vector of legal science*, 2019, no. 9, pp. 134–139. (In Russ.).
5. Komarova V.V. Real and imaginary expansion of the limits of constitutional law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2018, no. 10, pp. 11–23. (In Russ.).
6. Turishcheva N.Y. Public-law and private-law principles of regulation of election campaigning. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 1, pp. 89–100. (In Russ.).
7. Lazarev V.V. Philosophical foundations of implementation activities. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 5–18. (In Russ.).
8. Bobrova N.A. On the unconstitutionality of the criteria for assessing the scientific activity of universities established in 2013. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 6, pp. 42–45. (In Russ.).
9. Kruss V.I. Constitutionalization of the actual communal obligation and the threat of abuse of the right. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).
10. Sheverdyayev S.N. Current Trends in the Development of the Problems of Electoral Corruption in Constitutional Law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 12, pp. 18–23. (In Russ.).
11. Gadzhiev G.A. On the peculiarities of the constitutional and legal interpretation of the norms of civil law. *Zakon*, 2009, no. 9, pp. 33–39. (In Russ.).
12. Elinsky A.V. The Constitutional Dimension of Criminal Law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2012, no. 3, pp. 77–85. (In Russ.).
13. Zhavoronkova N.G., Shpakovsky Yu.G. Diffusion of environmental rights: Constitutional and legal aspect. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. Vektor yuridicheskoi nauki = Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. Vector of legal science*, 2019, no. 9, pp. 140–145. (In Russ.).
14. Uglov A.S. Fundamentals of constitutionalization of legal regulation of labor relations in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 7, pp. 59–65. (In Russ.).
15. Bobrova N.A. Features of the subject of constitutional law as a meta-branch. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2019, no. 4, pp. 3–9. (In Russ.).
16. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Dissertation councils and dissertations in legal sciences: Some reflections on research teams and the quality of their activities. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Jurisprudence: History and Modernity*, 2019, no. 12, pp. 115–132. (In Russ.).
17. Klimova A.S. *Harmonization of rights and obligations by legal entities as a pattern of development of the legal system of society*, Cand. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2021. 29 p. (In Russ.).
18. Belokon' N.V. Some aspects of the functioning of language in the legal sphere. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie = Constitutionalism and State Studies*, 2022, no. 3 (27), pp. 5–9. (In Russ.).
19. Yanuskina V.V. *Constitutional and legal status of the Russian language and its role in the formation and development of Russian statehood*. Moscow, 2017. 196 p. (In Russ.).
20. Velieva D.S., Presnyakov M.V. *Legal certainty*, Monograph. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2021. 401 p. (In Russ.).
21. Dicey A.V. *Fundamentals of state law in England. Introduction to the Study of the English Constitution*, 2nd ed. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1907. 671 p. (In Russ.).
22. Habermas J. *Democracy, reason, morality*. Moscow, Academia Publ., 1995. 252 p. (In Russ.).
23. Poskonin V.V., Poskonina O.V. The importance of concept "discourse" in model of deliberative democracy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo" = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2007, no. 6, pp. 41–56. (In Russ.).

24. Tushkov A.A. Deliberative principle in the theory and practice of political modernization. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The Territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2012, no. 3, pp. 161–169. (In Russ.).

25. Razdyakonova E.V. Deliberative Participation in the Constitutional Development of Russia: Theoretical Aspects and Historical Retrospective. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2023, no. 5, pp. 15–20. (In Russ.).

26. Kuptsova O.B. Development of the Language of Law in the Context of Digitalization of Public Relations. *Yuridicheskaya orbita = Legal orbit*, 2021, no. 1, pp. 56–61. (In Russ.).

27. Arzumanova S.M. *Consultative Institutions of Municipal Democracy in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research*, Cand. Diss. Thesis. Kazan, 2023. 29 p. (In Russ.).

28. Libanova S.E. *Democuria*, Monograph. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014. 256 p. (In Russ.).

29. Libanova S.E. Democuria as a Way to Ensure the Effectiveness of Public Administration of Civil Society. *Vestnik KGU = Bulletin of Kurgan State University*, 2017, no. 1, pp. 74–78. (In Russ.).

30. Kondrashev A.A. Foreign Agents in Russia: How a Borrowed American Legal Institution Acquired a Different Meaning in Russian Legislation and Law Enforcement Practice. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2021, no. 4 (143), pp. 97–121. (In Russ.).

31. Kostyukov A.N. On law enforcement in modern Russia. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 159–172. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172. (In Russ.).

32. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Philosophy and Legal Science*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 424 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, депутат Самарской Губернской Думы, профессор кафедры конституционного и административного права
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 4558-9297; AuthorID: 249980

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia A. Bobrova – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Deputy of the Samara Provincial Duma; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: bobrovana@mail.ru
RSCI SPIN-code: 4558-9297; AuthorID: 249980

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боброва Н.А. Современные тенденции научных исследований и их влияние на категориальный аппарат юриспруденции / Н.А. Боброва // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).15-24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bobrova N.A. Contemporary trends in scientific research and their influence on the categorical apparatus of jurisprudence. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).15-24. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ И (ИЛИ) СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: МОНИЗМ ИЛИ ПЛЮРАЛИЗМ?

С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

05 января 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Правовое государство,
социальное государство,
социалистическое государство,
типология государств,
социальный монизм,
социальный плюрализм,
правовой монизм, правовой
плюрализм, Лоренц фон Штейн

Рассматриваются проблемы социальной обусловленности и совместимости представлений о правовом и социальном государстве. Для этого классические представления об идеальном социальном устройстве, характерные для разных направлений политико-правовой мысли: правовое государство; отказ от государства (минимальное государство); единая система общественного самоуправления (социалистическое государство); социальное государство – оцениваются с помощью современной научной методологии в аспекте сочетания социально-правового монизма и плюрализма. Затрагиваются идеи специальной концепции правового плюрализма.

Делается вывод о возможности рассматривать модель социального правового государства в качестве идеального способа разрешения социальных противоречий с учетом предлагаемых уточнений к данной модели.

LEGAL AND (OR) WELFARE STATE: MONISM OR PLURALISM?

Sergey V. Biryukov, Alexander E. Evstratov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 January 05

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Legal state, social state, socialist state, typology of states, social monism, social pluralism, legal monism, legal pluralism, Lorenz von Stein

The subject. Russian legal literature presents opposing approaches to the issue of the relationship between the legal and social states. The article examines the problems of scientific validity, social conditionality and compatibility of ideas about the legal and social state.

The purpose. Classical ideas about the ideal social structure, characteristic of different directions of political and legal thought (rule of law; renunciation of the state (minimal state); unified system of public self-government (socialist state); social state) are aimed to be assessed in terms of a combination of socio-legal monism and pluralism, touches on the ideas of the special concept of legal pluralism.

Methodology. A combination of the dialectical method with other methods is used: formal logic, modeling, formal legal and comparative legal, as well as theoretical-sociological and theoretical-cultural analysis.

Main results and conclusions. It is possible to consider the model of a social legal state as an ideal way to resolve social contradictions, taking into account the following proposed clarifications to this model: (a) the idea of a welfare state, despite its various interpretations, primarily refers to the solution of socio-economic problems, while a balance of private and public interests is also necessary for intangible issues that cannot be resolved only through the acquisition of property; (b) complete harmony of private and public interests is an unattainable ideal, therefore, in a social legal state new contradictions will continue to arise between the private and public principles, the solution of which can be achieved if the following condition is met: “awareness of every interest of public interest in those areas of life where it necessary, and the development of a compromise of private interests where possible”; (c) the dialectical approach assumes that the model of a social legal state, as its goals are achieved, sooner or later must be revised (added).

1. Введение: постановка проблемы

В продолжение ранее затронутой нами темы унификации и дифференциации современных представлений о государственно-правовом идеале [1] можно обнаружить, что вопрос соотношения правового и социального государства решается в современной науке и в конституционной практике двумя противоположными способами.

В первом случае отмечается их совместимость, указывается, что они дополняют друг друга или что вторая форма (социальное государство) следует из первой (правовое государство). Подобную точку зрения отстаивают, например, наш уважаемый коллега В.Б. Коженевский [2], а также И.Ш. Галстян и Р.К. Мелекаев [3].

Легальным подтверждением данного подхода является собственно Конституция РФ (ст. 1, 7 и др.), провозглашающая нашу страну правовым и, одновременно, социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В конституционном праве зарубежных государств тоже существуют подобные примеры.

Во втором случае утверждается, что правовое государство и социальное государство принципиально различаются. Скажем, такую позицию высказывает К.Н. Кузнецова [4]. С практической точки зрения здесь можно обратить внимание на известный факт – многие современные государства провозглашают себя только правовыми, но не социальными. Да и в трудах одного из разработчиков Конституции РФ С.С. Алексеева можно встретить недвусмысленные сожаления о том, что в итоговом варианте нашего конституционного текста социально-экономические права граждан оказались на одном уровне с основными правами и свободами человека [5, с. 105]. В другой работе он прямо пишет, что истинную реализацию социальные начала жизни людей получают благодаря гражданскому праву в его единстве с правами человека, а не на основе чудесных формул вроде «социального государства», «второго поколения» прав человека» [5, с. 513].

В литературе представлен и третий, «серединный» путь решения проблемы. Согласно позиции И.В. Леонова и других исследователей, правовое и социальное государство находятся в неразрывной диалектической взаимозависимости единства и борьбы противоположностей [6, с. 26; 7].

Данную дискуссию о формах идеального государства вполне можно описать с помощью терминов «монизм» и «плюрализм», задавшись следующим вопросом: такая форма в конечном счете одна

(только «правосоциальное государство») или же их несколько («правовое государство», «социальное государство», а может быть и «правосоциальное государство», «социоправовое государство»)? Можно спросить и по-другому: на какой стадии следует завершить «строительство» идеального государства?

Не менее очевидно то, что за дискуссией о числе *форм* скрывается спор о *содержании*, который может быть передан, например, следующим вопросом: сколько интересов подлежит учету в идеальном государстве – один (общественный), много частных, или же и один общественный, и много частных?

Понятно, что базовая модель правового государства корреспондирует социальному и политическому плюрализму, а модель социального государства апеллирует в первую очередь к общественному (государственному) началу.

Для нас эта дискуссия есть безусловно и спор о правовом монизме или правовом плюрализме. Если исходить из того, что правовой монизм (плюрализм) обуславливается социальным монизмом (плюрализмом), то вопрос о нем не может сводиться лишь к тому, сколько же в обществе самостоятельных систем права и могут ли отдельные устойчивые социальные группы помимо государства продуцировать собственное неофициальное право? Эта известная и давняя постановка вопроса [8–10] по-своему важна, имеет, на наш взгляд, определенную перспективу [11; 12], но не может быть соотнесена с проблематикой социального монизма (плюрализма) в целом. Педалирование *только* этого аспекта проблемы затмевает другие.

Вопрос о правовом монизме (плюрализме) может быть полностью решен, если учитывается и проблематика (внутреннего) плюрализма в единой системе права государства, т. е., опять-таки, вопрос о том, сколько существует правообразующих интересов, которые подлежат учету и реализации с помощью государства. И соответственно, до какой степени в идеальном праве идеального государства частные интересы могут поглощаться общественным, какой баланс между ними должен быть положен в основание права? Возможен ли вообще такой баланс?

2. Методологическая основа изучения проблемы

По нашему мнению, для целей исследования необходимо сочетание диалектического метода с иными методами: формальной логики, моделированием, формально-юридическим и сравнительно-правовым, а также с теоретико-социологическим и теоретико-культурологическим анализом.

3. Степень научной разработанности проблемы

Если обратиться к классике политико-правовой мысли, то можно вычленить базовую схему диалектики плюрализма и монизма, которая, на наш взгляд, лежит в основе идеи правового государства: первичный социальный плюрализм и плюрализм права (предправа) в протогосударственном обществе – постепенное обеспечение социального и правового единства по мере развития государства, недостатком которого оказывается, однако, преимущественное отражение интересов господствующих индивидов (их групп) – правовое государство, в рамках которого достигнутое социальное и правовое единство сочетается с внутренним плюрализмом, учетом и балансом противоречивых интересов частных лиц (их групп) с помощью права и формального равенства.

Вспомним здесь соответствующие воззрения Дж. Локка: возможные состояния общества: 1) естественное состояние полнейшего равенства, в котором все одинаково выступают судьями; 2) деспотия, узурпация и тирания; 3) подлинное политическое, или гражданское, общество, в котором имеется общий установленный закон и единое судебное учреждение, защищающие, однако, свободу и собственность разных лиц [13, с. 262–406] – и И. Канта: 1) естественное состояние – такое состояние, когда «каждый делает на основе собственного права то, что ему *кажется правым и благим*», «*поступает по собственному разумению*», и следовательно, здесь всякое приобретение носит лишь предварительный характер; 2) возможно государство, где властвуют как добрые, так и злые принципы; 3) (идеальное) государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам и общей власти, в таком гражданском правовом состоянии свобода каждого ограничивается условием согласия ее со свободой всех других, все равны, свободны и самостоятельны [14, с. 252–254, 343–345; 15, с. 87; 16, с. 176].

Подобным образом можно интерпретировать и, очевидно, связанную с указанными взглядами классиков модель генезиса и эволюции права нашего современника В.М. Шафирова: естественное право предгосударственной эпохи (1) – позитивно-естественное право государственно-организованного общества (2) – естественно-позитивное право конституционного и правового государства (3) [17].

Основным недостатком этой схемы, понятой буквально, на наш взгляд, является идеализация правового государства как некоего конца истории, не подлежащего дальнейшей эволюции (преобразованию), что противоречит законам диалектики.

В этой связи можно вспомнить как минимум три альтернативных исторических прогноза:

А. Многими сторонниками анархизма, корпоративизма, традиционализма любое государство, в том числе и правовое, рассматривается как монистическое (недостаточно плюралистическое).

Унификация социальных групп в государство приводит, по их мнению, к фактическому подчинению личности единому целому (правлящему меньшинству), уничтожению многообразия. Поэтому прогнозируется либо отказ от государства и государственного права в пользу добровольной «федерации» самоуправляющихся групп и их права (анархизм) [18], либо «Новое Средневековье» – минимизация (преобразование) государства, превращение его в арбитра над группами, а соответственно, – возрождение первичного плюрализма права. Последний взгляд в целом характерен, например, для таких вроде бы разнородных концепций, как гильдейский социализм [19], синдикализм [20], некоторые направления современного глобализма [21].

Как видим, в данном случае рассмотренная выше схема диалектики социального (правового) монизма и плюрализма в целом сохраняется, но вместо перехода к псевдоплюрализму индивидов в правовом государстве постулируется переход к подлинному плюрализму социальных групп после отказа от государства (его минимизации).

Б. С точки зрения классического марксизма социальный плюрализм в реальности никогда не существовал, нет его и в так называемом правовом капиталистическом государстве и праве, поскольку последние имеют классовую сущность, выражают интересы только одной общности людей. Поэтому по мере социального прогресса государство и право должны отмереть [22, с. 375–479], точнее, быть преобразованными в единую систему общественного самоуправления и организационных норм. Последние воспримут многие свойства правовых норм, но не будут обеспечены классовым насилием и смогут выразить подлинные общесоциальные интересы [23, с. 138–157]. Пока такой переход не осуществился, может существовать социалистическое государство (право), различные теоретики которых также постулируют примат общесоциальных интересов над частными (групповыми, классовыми) [24; 25].

Здесь отбрасывается диалектика монизма и плюрализма и постулируется новая диалектика: естественный монизм догосударственного общества («первобытный коммунизм») – классовый монизм (правового) государства – монизм самоуправляющегося общества (социалистического государства), при

котором будет действовать принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям (или, по крайней мере: от каждого по способностям, каждому по труду).

В. Наконец, последователи интересующей нас идеи социального государства полагают, что экономический и политический плюрализм в праве должны сохраниться, но при этом следует решить социальный вопрос, т. е. обеспечить возможность приобретения собственности классами, не являющимися собственниками капитала. Это определяется здесь не столько как частный интерес (интерес гражданского общества), сколько как общий интерес (интерес государства). Поэтому считается, что в случае достижения указанной цели может быть обеспечено равенство реализации (гармония) частных и общих интересов [26, с. 11, 13]. По крайней мере, подобным образом можно интерпретировать базовую позицию основоположника идеи социального государства Л. фон Штейна [27–29].

С учетом изложенного в основе идеи социального государства очевидно лежит следующая диалектическая триада: первичный социальный и правовой монизм – плюрализм капиталистического (правового) государства – восстановление социального единства (гармонии) через преодоление крайностей социально-правового плюрализма.

4. Социальная обусловленность и совместимость представлений о правовом и социальном государстве

Базовая схема, которая лежит в основе представлений о правовом государстве, соотносится с некоторыми сравнительно общепризнанными историческими фактами, а именно:

1) возникновением («зачатков») социального плюрализма и права уже в предгосударственном обществе и добуржуазном государстве;

2) переходом европейских обществ к капиталистическому государству, которое не может существовать без государственного права и общественных отношений правового типа, основанных на идеях законности (определенности) и формального равенства (эквивалентности) индивидов;

3) возможностью фактического существования государств, в которых указанные принципы осуществляются в большей или меньшей степени.

В то же время эта схема не вполне отражает действительность или является ее идеализацией, поскольку:

1) зачаткам социального плюрализма и права в первобытном обществе явно предшествует период

преобладания коллективизма, при котором индивид растворялся в социальном начале;

2) первичный социальный плюрализм вероятнее всего возникает как плюрализм групп (подгрупп) общества, а не плюрализм индивидов;

3) законность и формальное равенство индивидов не могут сами по себе обеспечить идеальный баланс индивидуальных, групповых и общественных интересов.

Именно эти недостатки первичной концепции правового государства способствовали и способствуют существованию альтернативных представлений об общественном идеале.

Две из них мы, пожалуй, можем исключить из рассмотрения, поскольку как полное уничтожение «в конце истории» элементов социального и правового плюрализма (коммунизм), так и существенную дезинтеграцию достигнутого уровня интеграции общества (анархизм) можно оценить как утопии или, по крайней мере, как такие идеи, которые являются неоднозначными по своим последствиям и вряд ли поэтому могут рассматриваться как идеал.

Не все частные (групповые) интересы могут полностью отражаться в общественном интересе; не все частные интересы, не совпадающие с общественным, можно назвать неважными и праздными. С другой стороны, ликвидация (минимизация) государства явно не поможет в реализации общественных интересов.

И всемирный коммунизм (социализм), и картина полного анархического равновесия различных корпораций (социальных групп) на мировой арене выглядят, по нашему мнению, нежизнеспособными.

Что же касается идеи социального государства, то можно констатировать следующее:

1) эта идея верно отражает как первичность социального начала в обществе, так и необходимость сохранения социального и правового плюрализма;

2) поиск социальной справедливости и общественной гармонии и в самом деле не может остановиться с достижением законности и формального равенства;

3) то, что так называемый социальный вопрос не был полностью решен ни в рамках попыток построения общенародного социалистического государства, ни в ходе строительства капиталистических государств всеобщего благосостояния в XX в., не означает, что не будут предприняты дальнейшие попытки его решения.

Это приводит нас к следующей модификации базовой схемы возникновения идеального государ-

ства: первичный социальный монизм (1) – возникновение социального плюрализма и плюрализма права (предправа) в протогосударственном обществе (2) – обеспечение социального и правового единства по мере развития государства, недостатком которого оказывается, однако, преимущественное отражение интересов господствующих индивидов (их групп) (3) – правовое государство, в рамках которого достигнутое социальное и правовое единство сочетается с внутренним плюрализмом, учетом и балансом противоречивых интересов частных лиц (их групп) с помощью права и формального равенства (4) – ограничение или, точнее, преобразование плюрализма частных лиц на следующем уровне эволюции государства через обеспечение баланса между частными и общественными интересами, отраженного в праве (5).

Этот пятый этап в принципе может быть обозначен как *социальное правовое государство*.

Близок к подобному выводу и взгляд Г. Рормозера, полагавшего, что есть определенный вариант социального государства, сочетаемый с либеральным принципом правового государства, но есть и другой тип социального государства, ему противоположный. В первом случае соответствие социального государства правовому выражается в том, что оно создает материальные условия лишь в той мере, чтобы каждый индивид мог воспользоваться правами и свободами, которые гарантирует ему либеральное (правовое) государство. Во втором случае речь идет о цели, которую, как замечает немецкий исследователь, поставил еще К. Маркс, а именно «достижение всеобщего материального равенства» [30, с. 80].

Но здесь Г. Рормозеру следовало бы возразить. Дело в том, что достижение всеобщего материального равенства не является целью «штейновского» социального государства [27, с. 138], это издержки современных интерпретаций. Материальное равенство для Л. фон Штейна «...невозможно, да и не нужно» (здесь необходимо уточнить, что речь идет не о минимальных гарантиях, в том числе и материальных, для всех, которые он не отрицал, так как они обеспечивают саму жизнь человека).

Что же касается принципа социального государства, означающего, как утверждает Г. Рормозер, «расширение вмешательства государства» и «ограничение свободы», то здесь, на наш взгляд, односторонне был воспринят принцип управления, который по Л. фон Штейну выразился «во вмешательстве государства в пользу безкапитального труда» и осуществление которого планировалось посредством реализации следующих программ: сделать «право

на рабочих» правом, согласным с государственным устройством; предоставление государственной помощи [28, с. 576].

Но он же и заметил, что подобные программы идут вразрез с идеей государства: «...государство отнюдь не может, да и не доставит никогда последнему (безкапитальному труду) путем своей власти господства над первым (капиталом); ...всякое личное развитие, а, следовательно, и развитие труда тогда только соответствуют высшей жизненной идее, когда всякое отдельное лицо только *собственными силами* достигает того, чем оно хочет быть и владеть. Ничтожество данного извне для истинного преуспеяния должно прилагаться и к доставлению капитала безкапитальному труду. Поэтому если последний хочет получить капитал и тем самым достигнуть того хозяйственного и общественного положения, которого он требует, то он *сам должен составлять себе свой капитал*. Вследствие того его принцип выражается в образовании капитала из собственных средств; требование его простирается лишь на то, чтобы этому его стремлению не ставилось преград; программа его есть *самопомощь*» [28, с. 576–577, 587–594].

Таким образом, лишь самопомощь, которую государство *гарантирует*, позволяет низшим классам возвыситься, в частности, «рабочим классам предлагаются все те условия развития, которых они, по причинам отсутствия капитала, не могут доставить сами ни своей физической, ни своей умственной способностью приобретения» [28, с. 572].

В итоге правовое государство по данной логике становится необходимым этапом, предшествующим социальному государству, и гарантирует достижение целей последнего.

5. Выводы

Таким образом, мы поддерживаем идею социального правового государства в качестве идеального способа разрешения социальных противоречий. Вместе с тем в качестве выводов можно высказать и несколько уточнений к данной модели.

Во-первых, идея социального государства, несмотря на различные ее интерпретации, прежде всего, отсылает к решению социально-экономических проблем, тогда как баланс частных и общественных интересов необходим и по нематериальным вопросам, не решаемым только через приобретение собственности. В этой связи вспоминаются более общие идеалистические воззрения Г.В.Ф. Гегеля (цель всеобщей истории – прогресс в сознании свободы, от полной несвободы до гармонии между личным свободным выбором каждого и потребностями

общества как целого в разумно организованном государстве [31]) и И. Канта ((идеальное) правовое, юридически-гражданское, общество можно назвать и этическим государством, т. е. царством добродетели, в котором действует закон «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [14, с. 247; 15, с. 98, 99]).

Во-вторых, *полная гармония* частного и публичного интереса тоже является недостижимым идеалом, следовательно, в социальном правовом государстве продолжают возникать новые противоречия

между частным и публичным началом, решение которых возможно достигнуть при соблюдении следующего условия: «осознание каждым публичного интереса в тех сферах жизни, где это необходимо, и выработка компромисса частных интересов там, где это возможно» [26, с. 13].

В-третьих, диалектический подход предполагает, что модель социального правового государства по мере достижения его целей рано или поздно должна быть пересмотрена (дополнена).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков С. В. Идея социального государства в аспекте государственно-правового монизма и плюрализма / С. В. Бирюков, А. Э. Евстратов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(31).15-24.
2. Коженевский В. Б. Социальное правовое государство / В. Б. Коженевский // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 2. – С. 4–9.
3. Галстян И. Ш. Понимание правового государства как социального в отечественной теории права / И. Ш. Галстян, Р. К. Мелекаев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 1. – С. 198–204.
4. Кузнецова К. Н. Некоторые аспекты концепции социального государства в европейской правовой доктрине // Образование и право. – 2017. – № 4. – С. 76–82.
5. Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – Т. 4 : Линия права. Концепции : Соч. 1990-х – 2009 гг. – 544 с.
6. Леонов И. В. Социальное государство как предмет теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Леонов. – М., 2006. – 28 с.
7. Евстратов А. Э. Теория социального государства (основная идея) / А. Э. Евстратов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2. – С. 22–35.
8. Romano S. L'ordinamento giuridico / S. Romano. – Firenze : Sansoni, 1967. – 238 p.
9. Griffiths J. What is Legal Pluralism? / J. Griffiths // Journal of Legal Pluralism. – 1986. – № 24. – P. 1–45.
10. Berman P. S. The Oxford Handbook of Global Legal Pluralism / P. S. Berman. – Oxford : Oxford University Press, 2020. – 1118 p.
11. Бирюков С. В. Санти Романо и концепция правового плюрализма / С. В. Бирюков // Lex russica. – 2023. – № 6. – С. 138–147.
12. Бирюков С. В. Право в свете философских интерпретаций плюрализма / С. В. Бирюков // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 3–7.
13. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк Дж. Соч. : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 135–406.
14. Кант И. Метафизика нравов / И. Кант // Кант И. Соч. : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 6. – С. 224–540.
15. Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант // Кант И. Соч. : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 6. – С. 5–223.
16. Кант И. О поговорке «Может это и верно в теории, но не годится для практики» / И. Кант // Кант И. Соч. : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 158–204.
17. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: Введение в теорию / В. М. Шафиров. – Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. – 258 с.
18. Кропоткин П. А. Государство, его роль в истории / П. А. Кропоткин // Кропоткин П. А. Избр. тр. / П. А. Кропоткин. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 275–328.
19. Гессен С. И. Правовое государство и социализм / С. И. Гессен // Гессен С. И. Избр. / С. И. Гессен. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 43–394.

20. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Л. Дюги. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 147 с.
21. Кревельд М. ван. Рассвет и упадок государства / М. ван Кревельд. – М. : Ирисэн, 2011. – 544 с.
22. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. – М. : АСТ, 2019. – 480 с.
23. Неновски Н. Преемственность в праве / Н. Неновски. – М. : Юридическая литература, 1977. – 167 с.
24. Менгер А. Новое учение о государстве / А. Менгер. – СПб. : С. Скримунт, 1909. – XVI, 326 с.
25. Явич Л. С. Право и социализм / Л. С. Явич. – М. : Юридическая литература, 1982. – 176 с.
26. Евстратов А. Э. Генезис идеи социального государства: Историко-теоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / А. Э. Евстратов. – Омск, 2005. – 234 с.
27. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 года : пер. со 2-го нем. изд. / Л. Штейн. – СПб. : Тип. А.М. Котомина, 1872. – Т. 1 : Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 г. – IV, СХХVI, 305 с.
28. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / Л. Штейн. – СПб. : Изд. А.С. Гиероглифова, 1874. – XIV, 594 с.
29. Евстратов А. Э. Теоретические основания концепции социального государства: вопросы интерпретации / А. Э. Евстратов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2005. – № 1 (2). – С. 18–23.
30. Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер ; пер. с нем. А. А. Френкина. – М. : ИФРАН, 1996. – 289 с.
31. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.

REFERENCES

1. Biryukov S.V., Evstratov A.E. The idea of a welfare state in the aspect of state-legal monism and pluralism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(31).15-24. (In Russ.).
2. Kozhenevsky V.B. Social legal state. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2007, no. 2, pp. 4–9. (In Russ.).
3. Galstyan I.Sh., Melekaev R.K. Understanding the rule of law as a social state in the domestic theory of law. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and law research*, 2019, no. 1, pp. 198–204. (In Russ.).
4. Kuznetsova K.N. Some aspects of the concept of a social state in European legal doctrine. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2017, no. 4, pp. 76–82. (In Russ.).
5. Alekseev S.S. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 4: Line of the law: Essays of 1990–2009. 544 p. (In Russ.).
6. Leonov I.V. *Social state as an object of a theoretical legal study*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).
7. Evstratov A.E. The welfare state theory (fundamental idea). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2015, no. 2, pp. 22–35. (In Russ.).
8. Romano S. *L'ordinamento giuridico*. Firenze, Sansoni Publ., 1967. 238 p. (In Italian).
9. Griffiths J. What is Legal Pluralism?. *Journal of Legal Pluralism*, 1986, no. 24, pp. 1–45.
10. Berman P.S. *The Oxford Handbook of Global Legal Pluralism*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 1118 p.
11. Biryukov S.V. Santi Romano and the Concept of Legal Pluralism. *Lex Russica*, 2023, no. 6, pp. 138–147. (In Russ.).
12. Biryukov S.V. Law under the light of philosophical interpretations of pluralism. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian law herald*, 2023, no. 3, pp. 3–7. (In Russ.).
13. Locke J. Two treatises on government, in: Locke J. *Works*, in 3 volumes, Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 3, pp. 135–406. (In Russ.).
14. Kant I. Metaphysics of morals, in: Kant I. *Works*, in 8 volumes, Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 6, pp. 224–540. (In Russ.).
15. Kant I. Religion within the bounds of bare reason, in: Kant I. *Works*, in 8 volumes, Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 6, pp. 5–223. (In Russ.).
16. Kant I. On the proverb: That may be true in theory, but is of no practical use, in: Kant I. *Works*, in 8 volumes, Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 8, pp. 158–204. (In Russ.).

17. Shafirov V.M. *Natural positive law: an introduction to the theory*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 2004. 258 p. (In Russ.).
18. Kropotkin P.A. State, its role in history, in: Kropotkin P.A. *Selected works*, Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 275–328. (In Russ.).
19. Gessen S.I. Lawful state and socialism, in: Gessen S.I. *Selected works*, Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 43–394. (In Russ.).
20. Duguit L. *Social law, individual law and the transformation of the state*. Moscow, LENAND Publ., 2015. 147 p. (In Russ.).
21. Creveld M. van. *The rise and decline of the state*. Moscow, Irisen Publ., 2011. 544 p. (In Russ.).
22. Engels F. *Anti-Duhring*. Moscow, AST Publ., 2019. 480 p. (In Russ.).
23. Nenovsky N. *Continuity in law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. 167 p. (In Russ.).
24. Menger A. *New doctrine of the state*. St. Petersburg, S. Skrimunt Publ., 1909. XVI + 326 p. (In Russ.).
25. Yavich L.S. *Law and socialism*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 176 p. (In Russ.).
26. Evstratov A.E. *Genesis of the idea of the social state: historical and theoretical problems*, Cand. Diss. Omsk, 2005. 234 p. (In Russ.).
27. Stein L. *History of the social movement in France since 1789*, Translated from the 2nd German ed. St. Petersburg, A.M. Kotomin Publ., 1872. Vol. 1: The basic concept of society and the social history of the French Revolution before 1830. IV + CXXVI + 305 p. (In Russ.).
28. Stein L. *The doctrine of management and the law of management with a comparison of the literature and legislation of France, England and Germany*. St. Petersburg, A.S. Gieroglifov Publ., 1874. XIV + 594 p. (In Russ.).
29. Evstratov A.E. Theoretical foundations of the social state concept: issues of interpretation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2005, no. 1 (2), pp. 18–23. (In Russ.).
30. Rohrmoser G. *The crisis of the liberalism*. Moscow, IFRAN Publ., 1996. 289 p. (In Russ.).
31. Hegel G.W.F. *Lectures on history of philosophy*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: svbir@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 2496-9382; AuthorID: 195718

Евстратов Александр Эдуардович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: EvstratovAE@omsu.ru
SPIN-код РИНЦ: 1295-0330; AuthorID: 317077

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков С.В. Правовое и (или) социальное государство: монизм или плюрализм? / С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 25–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).25-32.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey V. Biryukov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: svbir@mail.ru
RSCI SPIN-code: 2496-9382; AuthorID: 195718

Alexander E. Evstratov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law,
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: EvstratovAE@omsu.ru
RSCI SPIN-code: 1295-0330; AuthorID: 317077

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov S.V., Evstratov A.E. Legal and (or) welfare state: monism or pluralism?. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).25-32. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 342.7+341.231.4+340.5
DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42

КУЛЬТ ПИСАНОЙ КОНСТИТУЦИИ И ДИЛЕММЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ДЕЛИБЕРАТИВНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА*

И.А. Кравец

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
29 октября 2023 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Юридический
конституционализм,
диалогический
конституционализм,
конституционные изменения,
гражданские инициативы, культ
конституции, делиберативные
процедуры, делиберативная
демократия, конституирующая
власть, народный суверенитет,
императивная конституционная
демократия

Обсуждаются основы культа писаной конституции, соотношение принципов верховенства и верности конституции и конституционных изменений в современных демократических государствах, дилеммы юридического конституционализма и формирование доктринальных основ и практики применения делиберативного и диалогического конституционализма в условиях развития народного участия в конституционных изменениях. Анализируется дискуссия о понимании делиберативного и диалогического конституционализма, особенности природы общероссийского голосования и правовые позиции органа конституционного правосудия в России по вопросу общероссийского голосования, перспективы совершенствования принципа народного суверенитета и институтов участия граждан, гражданского общества, профессионального и экспертного мнения в российской конституционной доктрине и в законодательстве.

THE CULT OF THE WRITTEN CONSTITUTION AND THE DILEMMAS OF CONSTITUTIONAL CHANGES: SCIENTIFIC APPROACHES AND PRACTICE OF DELIBERATIVE CONSTITUTIONALISM**

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –
2023 October 29

The subject. The article discusses the scientific foundations of the cult of a written constitution, the relationship between the principles of the supremacy of the constitution and fidelity to the constitution, on the one hand, and the forms and methods of constitutional changes in modern democratic states, on the other hand.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

** The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No. 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> (“Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)”).

Accepted –
2024 March 20
Available online –
2024 June 20

Keywords

Legal constitutionalism, dialogical constitutionalism, constitutional changes, civil initiatives, cult of the constitution, deliberative procedures, deliberative democracy, constituent power, popular sovereignty, imperative constitutional democracy

The aim of the article is to reveal the dilemmas of legal constitutionalism in the context of the formation of doctrinal foundations and the practice of applying deliberative and dialogical constitutionalism in modern jurisprudence and the practice of constitutional development. Methodology. The author uses deliberative and epistemological approaches, methods of formal-legal, concrete-historical, comparative constitutional-legal and complex analysis. Main results, scope of application. A special field of knowledge is being formed, which is called “comparative constitutional changes”. The scientific school of constitutionalism proposes to see the purpose of this field of knowledge in the development and improvement of forms and methods of participation of the people, citizens, civil society, professional and expert opinion in constitutional changes. The study provides a critical constitutional analysis of the peculiarities of the nature of all-Russian voting and the legal positions of the body of constitutional justice in Russia on the issue of all-Russian voting, prospects for improving the principle of popular sovereignty and the institutions of citizen’s participation, civil society, professional and expert opinion in the Russian constitutional doctrine and in legislation. Conclusions. The cult of a written constitution dominates in the contemporary world of democratic constitutional states that differ in socio-economic and political-legal indicators of their development on the geopolitical and legal map of the planet. In the practice of contemporary states, except for the adoption of a draft new constitution, the most common practice is to express individual preferences (“for” or “against”) citizens regarding the content of each amendment or several interrelated amendments. The theory of deliberative constitutionalism is multifaceted and is intended to scientifically substantiate the prospect of expanding the constitutional basis for democratic decision-making and creating a democratic basis for constitutional change. Deliberative constitutionalism, as a theory of engagement in constitutional communication, serves the purpose of seeking collective wisdom in matters of constitutional design and constitutional change. The cult of a written constitution is combined with an inclusive constitutional paradigm for the development of democratic states, which involves the development of deliberative and imperative forms of citizen’s participation. Russian constitutionalism needs to further expand popular participation in the development and discussion of decisions of a constitutional nature.

...предмет и свойство государственных коренных законов есть определить образ, коим силы государственные сопрягаются и действуют в их соединении [1, с. 5].

М.М. Сперанский

Тем не менее позвольте мне упомянуть одно очевидное возражение против идеи конституций, написанных одним автором, а именно то, что в отсутствие надежной процедуры поиска человека, обладающего необходимой мудростью, это предложение слишком хрупко, чтобы его можно было воспринимать всерьез [2, с. 148–149].

Ю. Эльстер

1. Введение

Современный конституционализм базируется на *сочетании принципов верховенства и изменемости конституции* в контексте влияния процессов конституционализации на правовую систему, в которой отраслевые регуляторы должны находиться под «*нормативным зонтиком*» конституции. В отечественных и международных исследованиях данная проблема не раз находила отражение или через процедуру обеспечения верховенства и прямого действия конституции [3; 4], или через обсуждение

значения и параметров работы принципов правового государства, закрепленных в положениях действующей Конституции РФ 1993 г.

Доктрина конституционализма рассматривает *проблему верности конституции* в условиях работы сложно согласуемых принципов верховенства конституции и верховенства норм и принципов международного права и международных договоров. Подходы к соотношению двух верховенств (конституции и международного права) существенно обновились после конституционной реформы 2020 г. в

России, теперь в вопросах соотношения отдан приоритет верховенству конституции.

Теория и практика конституционных изменений в современном мире многопланова и весьма разнообразна. Во-первых, существует развивающаяся теория и практика организации и проведения конституционных реформ (в отечественном и сравнительном опыте [5; 6]). Во-вторых, в доктрине сравнительного конституционного права и сравнительного конституционализма формируется особая область знаний, которая получила название *«сравнительные конституционные изменения»*. Таким именем стала называться субдисциплина в рамках сравнительного конституционного права, в котором особое внимание стал привлекать вопрос *о роли граждан, гражданского общества и экспертов в конституционных изменениях* [7, р. 3].

2. Постановка проблемы и методология

Культ писаной конституции господствует в современном мире демократических государств, различающихся социально-экономическими и политико-правовыми показателями своего развития на геополитической и юридической карте планеты.

Данный культ требует развития и всемерной поддержки писаных норм конституции, их защиты и обеспечения в рамках различных систем конституционного надзора и контроля (европейской, американской, смешанной, иберийской). *Идея культивирования приверженности* писаным конституционным нормам и положениям может сочетаться с определенной конвергенцией светских и религиозных принципов и правил, вследствие чего появляются такие феномены, как *исламский конституционализм* (в странах арабского востока с фиксацией исламского правления в конституционных текстах) [8] или *буддийский конституционализм* (например, в Таиланде, на Шри-Ланке) [9]. Современные демократические государства находятся в ситуации *международной диверсификации моделей конституционализма*, на которые оказывают давление как международные, так и внутригосударственные факторы развития. Вследствие этого расширяется набор форм, способов и практик конституционных изменений, которые применяются в различных государствах и ставят под сомнение некоторые важнейшие принципы и ценности юридического конституционализма вследствие применения не только формальных, но и неформальных способов конституционных изменений, а также новых технологий в эпоху информационного общества.

В данной статье предпринята попытка, во-первых, соотнести взгляды М.М. Сперанского на *«коренные законы» (конституцию) и участие народа в конституционном правотворчестве* в современном конституционализме; во-вторых, выявить *дилеммы юридического конституционализма* в международной научной дискуссии и практике конституционных изменений, а также определить параметры их влияния на культ писаной конституции.

3. «Коренные законы» М.М. Сперанского и народное участие в современном конституционализме

М.М. Сперанский – государственный деятель эпохи царствования Александра I, по праву именуемый великим реформатором начала XIX в. в России, составляя «Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)», глубоко сомневался в генеративных правотворческих способностях народа, хотя и отдавал должное народу как источнику и началу трех сил, которые «движут и управляют государством («сила законодательная, исполнительная и судная»)» [1, с. 4]. По его мнению, «силы сии в рассеянии», и они «суть силы мертвые» («они не производят ни закона, ни прав, ни обязанностей»). И, очевидно, только державная власть может соединить данные силы и привести их в равновесие («Чтобы сделать их действующими, надлежало их соединить и привести в равновесие»). Сам факт соединения и действие этих сил и «составляет державную власть». Правда, М.М. Сперанский не отмечал, каким образом можно соединить эти силы, какие юридические процедуры для этого необходимы. С позиций современной доктрины народного конституционализма конституционное проектирование должно было (как можно полагать согласно взглядам М.М. Сперанского) находиться в руках императора (державной власти), который поручает ведущему государствоведу (с глубокими познаниями) разработку такого проекта.

Взгляды М.М. Сперанского на конституцию сформировались в период подготовки государственных реформ начала XIX в. под руководством Александра I и отражают его *монархические и великодержавные предпочтения со значительной долей патримониальной и отеческой заботы*. «Российская конституция, – писал он, – одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы» [1, с. 15]. Очевидно, что

октроированный способ введения в действие конституции для России не был единственно возможным, однако не хватало знаний в области сравнительного конституционного дизайна, правового реализма и тех юридических процедур, которые уже применялись в процессе разработки и принятия конституций к началу XIX в.

Составленный М.М. Сперанским к 1809 г. план государственного преобразования России был реализован только частично, однако предполагаемый вариант введения его в действие (по «благодетельному вдохновению верховной власти») спустя более чем 214 лет заставляет задуматься о преемственности в отечестве *патриархального и патримониального сознания*, которое *частично демократизировано* опытом введения в действие Конституции РФ 1993 г. и общероссийским голосованием 2020 г. (по Закону о поправке к Конституции РФ), однако по-прежнему возлагает в основном на главу государства ответственность за инициативу, разработку и содержательные параметры конституционной реформы.

4. Международная дискуссия о понимании делиберативного и диалогического конституционализма

Теория конституционализма в условиях современных демократических государств опирается на принцип народного суверенитета и различные его вариации текстуального закрепления. Конституция РФ 1993 г. относится к тому типу основных законов, которые устанавливают формулу народного суверенитета со ссылкой на многонациональный российский народ. Принцип народного суверенитета является основой конституционного строя России и важным легитимирующим основанием для выборных органов публичной власти. В ходе осуществления конституционной реформы 2020 г. обращение к принципу народного суверенитета было необходимо для обоснования проведения общероссийского голосования как способа демократической легитимации реформы в стремлении «заручиться политической и социальной поддержкой граждан РФ» [10, с. 815]. Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3, во-первых, связал такие понятия, как «государственность» и «государ-

ство», с политическим союзом (объединением) многонационального российского народа, чья власть распространяется на всю территорию страны; во-вторых, назвал процедуру общероссийского голосования «дополнительной» по отношению к уже установленному механизму внесения поправок в Конституции РФ и законодательстве; она имеет «особую юридическую природу», «отвечает принципу народовластия, составляющему одну из важнейших основ конституционного строя», такое «дополнение» является «конституционно оправданным». По мнению Суда, «волеизъявления участников такого голосования» не может рассматриваться «как отступление от требований глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации»¹. Хотя Конституционный Суд РФ признал установленное регулирование общероссийского голосования соответствующим «общепризнанным демократическим стандартам народного волеизъявления», тем не менее не отметил, насколько согласуется «пакетный» способ голосования с индивидуальным волеизъявлением граждан при реализации ими учредительных полномочий. Между тем в практике современных государств (если речь не идет о принятии проекта новой конституции) наиболее распространенной является практика выражения индивидуальных предпочтений («за» или «против») граждан в отношении содержания каждой поправки или нескольких взаимосвязанных поправок (порядок и практика принятия поправок к конституциям Ирландии и Швейцарии).

В современной дискуссии об оптимальном сочетании форм императивной и делиберативной демократии при осуществлении конституционных изменений появляется феномен коллективной мудрости в качестве института – участника конституционных изменений. Обращение к коллективной мудрости (или коллективному разуму) может осуществляться не только на завершающей стадии конституционного дизайна, но и в период разработки и обсуждения поправки к конституции или проекта новой конституции (как показал опыт Исландии). При этом могут быть использованы новые технологии (например, краудсорсинг в цифровом и информационном пространстве), которые увеличивают мас-

функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/zakliuchenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16032020-n-1-z/> (дата обращения: 25.10.2023).

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

штаб коллективного разума (он может теперь охватывать миллионы людей) [11, р. 2–3].

Институт коллективной мудрости разрабатывается в доктрине делиберативного конституционализма [12, р. 625], при обсуждении демократического эффекта участия граждан в процессе разработки конституции [13, р. 592] в современной конституционной теории и практике конституционного строительства. Для развития в России социальной солидарности и поддержания демократической легитимности конституции следует продвигать *коммуникативную функцию конституции*; она способна поддерживать диалог между гражданами и органами публичной власти о границах и возможностях конституционных изменений с использованием новейших информационных и цифровых технологий. Между тем следует учитывать и риски возникновения *«популистского конституционализма»*, который становится одним из трендов в нелиберальных демократиях, чьи конституции закрепляют идеологию неоконсерватизма. Нелиберальный конституционализм, опирающийся на народные голосования, бросает вызов либеральным конституционно-политическим системам, которые вынуждены обращаться в условиях кризиса к процедурам делиберативного участия в конституционных изменениях. Как пишет М. Белов, «западная конституционная цивилизация конца второго десятилетия XXI века напоминает слонов, готовых умереть в одиночестве от отчаяния» [14, р. 2]. *Кризис конституционализма как мировоззренческой парадигмы* заставляет искать новые пути делиберативного участия.

5. Культ писаной конституции и дилеммы юридического конституционализма в панораме конституционных изменений

Многие конституционалисты видят в *культе писаной конституции* современный феномен поклонения *юридическому конституционализму*, который становится нормативным и этическим мерилом общественных отношений в сфере организации и функционирования системы органов публичной власти, территориальной организации государства, регулирования, реализации и защиты основных прав и свобод личности, а также новых видов общественных отношений, складывающихся между обществом, личностью и государством по поводу использования и внедрения новых технологий (информационных и цифровых технологий, биотехнологий, нейротехнологий). Современный юридический конституционализм основывается на *культе писаной конституции*, своеобразной юридической библии

человечества с различными правовыми, территориальными, культурными и социально-политическими измерениями. В структуре современного конституционного права появляются относительно новые формы использования институтов делиберативного конституционализма и делиберативной демократии в процессе конституционных изменений современных государств [15; 16]. К таким новациям относятся *технологии конституционного краудсорсинга* (при разработке Конституции Исландии), *создание гражданских ассамблей с интернет-порталами для предварительного обсуждения поправок к Конституции* (из опыта Ирландии).

Культ писаной конституции порождает *дилеммы* современного конституционализма как нормативной системы, институционального механизма и совокупности этических и правовых ценностей в публичной и частной сферах жизнедеятельности человека, объединений граждан, общества, государства. Конституция может «работать» в правовом и политическом пространстве *без конституционализма* (пример Китая) и конституционализм может существовать *без писаной конституции* (пример Великобритании). Оправданной стала позиция, что «сегодня концепция конституционализма превратилась в институт, глубоко укоренившийся в своей письменной природе» [17, р. 377].

Первая дилемма порождается парным стремлением обеспечить *устойчивость и стабильность писаных конституций*, с одной стороны, и их *отзывчивость на изменения*, вызванные к жизни потребностями общества и государства, достижениями науки и технологий. Данная дилемма находится в состоянии *вечного решения*, и ни одна из позиций не может быть проигнорирована в процессе конституционного развития и конституционных изменений. *Чрезмерная стабильность* ведет к *стагнации* не только конституционного текста, но и реальной правовой и политической системы, которая перестает получать нормативные импульсы от действующей конституции, если последняя не обеспечивает своевременное регулирование общественных отношений. *Постоянная изменчивость* опасна деградацией конституционных принципов правления, политический ветер быстрых перемен может привести к их выхолащиванию, нивелировке конституционных принципов и лежащих в их основе ценностей. *Авторитарной или авторитарической тенденции* в конституционных изменениях противостоит процедура демократического вовлечения, участие граждан в создании и осуществлении конституции.

Вторая дилемма связана с фактором участия в конституционных изменениях. С одной стороны, действующие конституции ориентируются на государственно-правовую традицию XVIII–XIX вв. в части установления субъектов права инициировать конституционные поправки и пересмотр конституции, в перечень которых входят преимущественно органы государственной власти (общенационального уровня, в федеративных государствах – и органы государственной власти субъектов федерации как государственных образований). Вместе с тем новейший опыт конституционного развития государств на европейском континенте (Ирландия, Исландия, Швеция), в странах Латинской Америки (Бразилия, Чили и др.), в странах СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия) показывает, что усиливается и распространяется на географической карте мира тенденция вовлечения народа, институтов гражданского общества, института профессионального и экспертного мнения в процесс конституционных изменений. Постепенно раздвигаются границы делиберативной демократии: «важнейшие публично-властные решения принимают органы власти, граждане же участвуют в механизме согласования интересов посредством голосований» [18, с. 115].

Появляется субдисциплина (относится к стратегической юриспруденции), которая определяет опыт и перспективы конституционных преобразований и конституционных изменений, какие бы способы и методы проведения в жизнь не использовались. Международная группа ученых сформировала комплексное представление о сравнительных конституционных изменениях как субдисциплины сравнительного конституционного права и сравнительного конституционного дизайна [19]. Появилась научная серия книг, объединенных общей темой «сравнительные конституционные изменения»². Особое место в исследовании сравнительных конституционных изменений занимает институт участия граждан, народа в процессе подготовки проектов поправок или конституций, их обсуждения и принятия. Вопросы повышения роли народа в конституционных изменениях занимают одно из ключевых мест в парадигме конституционного дизайна [20, р. 1, 2–6].

Существуют различные пути вовлечения граждан в процесс создания и изменения конституций. Важно обеспечивать демократические процедуры

обсуждения и принятия поправок, а следовательно, необходимо привлекать граждан, профессиональное и экспертное сообщество на ранних стадиях подготовки, а не только на завершающем. Представляется важным урегулировать вопрос на федеральном уровне (возможно, в форме федерального конституционного закона) об использовании форм делиберативного и императивного участия граждан в процессе подготовке проектов поправок к Конституции РФ, проекта новой Конституции (через гражданские ассамблеи, конституционный мониторинг, обсуждение через интернет-порталы и специально созданный сайт интерактивной конституции).

Третья дилемма возникает вследствие возникновения новых технологических возможностей конституционализма [21, с. 19], влияния цифровых технологий на трансформацию конституционных основ российского государства [22, с. 25]. Стоит задуматься над расширением применения информационных и цифровых технологий в сфере обсуждения, принятия поправок к Конституции, возможной разработки проекта новой Конституции, а также в сфере осуществления конституционного мониторинга (нарушений конституции, её норм и положений в сфере отраслевого правового регулирования и практики правоприменения). В этом случае необходимо создание интернет-портала «Открытая конституция», создание гражданской ассамблеи (с участием обычных граждан), использование делиберативных инструментов для обсуждения возможных конституционных изменений в интернет-пространстве. Целевая направленность российского конституционализма, несомненно, должна быть связана с расширением социальной опоры и народного участия в обсуждении и решении вопросов конституционного характера. Конституция как «среда для правовых инноваций» [23, с. 209] предполагает появление новых форм цифрового и информационного участия граждан и экспертов в разработке и принятии поправок к Конституции.

Четвертая дилемма вызревает в недрах конституционных и правовых ценностей, отраженных в писаном тексте конституции и продуцируемых в правовое и политическое пространство национальной юрисдикции. В качестве официально признаваемой идеологии в демократическом и правовом государстве, каким провозглашается в своих целевых ориентирах Российская Федерация, может быть

² См.: URL: <https://www.routledge.com/Comparative-Constitutional-Change/book-series/COMPCONST> (дата обращения: 26.10.2023).

идеология прогрессивного конституционализма. Она является разновидностью конституционной идеологии, соединяющей *верность исконным ценностям* свободы, равноправия, социальной справедливости, демократического участия и *правового и политического прогресса* на основе экономического роста и повышения уровня социального благополучия, социальной защиты и социальной обеспеченности граждан страны. По нашему мнению, *идея конституционного прогресса* важна для преодоления застойных и инертных явлений в публично-правовой сфере, которые могут приводить к аномии юридической жизни, к росту абсентеизма и политической инертности граждан.

С начала XXI в. обращение к демосу не только как к источнику власти, но и как к участнику процесса конституционного развития страны становится важным научным подходом для институционализации социальной опоры конституционализма. Конституционная реформа 2020 г. в России в контексте сравнительного конституционного анализа показала близость некоторых постсоветских новых независимых государств в решении вопросов конституционных преобразований (России, Беларуси, Казахстана, Киргизии) и некоторую общность государственно-правовой традиции в подготовке и осуществлении конституционных изменений.

В европейских государствах реализуется международный исследовательский проект, результаты которого нашли отражение в коллективной монографии «Делиберативное создание конституций: Возможности и вызовы» [24]. В ней оценивается роль делиберативных процедур в создании конституций, анализируется характер связей между участием, представительством и легитимностью; рассматриваются процедуры *делиберативного конституционализма в качестве политической тенденции в различных частях мира* (как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения). Делиберативный конституционализм, как показывает опыт, проникает и работает не только в устоявшихся демократиях с хорошо известными случаями участия народа или отдельных граждан в разработке конституций, но, что более важно, подобная практика применяется (с неоднозначным результатом) в авторитарных и менее консолидированных демократических условиях [24, р. XV–XVI].

Диалог между гражданами и органами публичной власти, между институтами гражданского обще-

ства, институтом профессионального и экспертного мнения и организационными формами конституирующей власти – важный социальный и юридический инструмент для поддержки доверия в обществе, которое стоит перед проблемой конституционных изменений. Такой диалог ведет к определенной трансформации отношений между конституирующей и конституционной властью в части внесения поправок и изменений в конституции.

Единая система публичной власти в России имеет ряд важных проблемных областей нормативного регулирования, на которые обращают внимание исследователи [25]. С позиций конституционного принципа народного суверенитета и доктринальных основ делиберативного конституционализма следует отметить необходимость закрепления в Федеральном законе от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и принципа народного суверенитета среди принципов деятельности органов публичной власти, и форм делиберативного участия народа на уровне субъектов Российской Федерации. Например, ст. 1 данного закона («Организация публичной власти в субъектах Российской Федерации») не содержит указаний на источник публичной власти (многонациональный российский народ); в такой же степени в число принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации (их всего 13, среди которых принцип распространения суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию), не включен принцип народного суверенитета.

6. Выводы

Кульٹ писаной конституции, характерный для современного конституционализма, сочетается с инклюзивной конституционной парадигмой развития демократических государств, которая предполагает развитие делиберативных и императивных форм участия граждан, гражданского общества и экспертного мнения в конституционных изменениях. Российский конституционализм нуждается в дальнейшем расширении народного участия в вопросах разработки, обсуждения принятия решений конституционного характера (в том числе по вопросам поправок к Конституции или разработки проекта новой Конституции).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). – М. : Изд. «Русской мысли», 1905. – VI, 359 с.
2. Elster J. The Optimal Design of a Constituent Assembly / J. Elster // *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms* / ed. by H. Landemore, J. Elster. – New York, NY : Cambridge University Press, 2012. – P. 148–172.
3. Limbach J. The Concept of the Supremacy of the Constitution / J. Limbach // *The Modern Law Review*. – 2001. – Vol. 64, no. 1. – P. 1–10.
4. Gritsenko E. Direct Effect of the Constitution: Specific Features of the Russian Model from a Comparative Perspective / E. Gritsenko // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2021. – Т. 30, № 5. – С. 76–117.
5. Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления / А. Н. Медушевский // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 1. – С. 39–60.
6. Макарец А. А. Конституционные реформы в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительно-правовой анализ / А. А. Макарец, Э. С. Юсубов // *Гражданин. Выборы. Власть*. – 2021. – № 2 (20). – С. 11–24.
7. Contiades X. Constitutional change engineering / X. Contiades // *Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA* / ed. by X. Contiades. – 1st ed. – London : Routledge, 2012. – P. 1–5.
8. Gouda M. Islamic constitutionalism and rule of law: a constitutional economics perspective / M. Gouda // *Constitutional Political Economy*. – 2013. – Vol. 24. – P. 57–85. – DOI: 10.1007/s10602-012-9132-5.
9. Mériau E. Establishing the King as the Source of the Constitution: Shifting ‘Bricolaged’ Narratives of Buddhist Kingship from Siam to Thailand / E. Mériau // *Buddhism and comparative constitutional law* / ed. by T. Ginsburg, B. Schonthal. – Cambridge, UK ; New York, NY : Cambridge University Press, 2022. – P. 181–197.
10. Кравец И. А. Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности / И. А. Кравец // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2020. – Т. 11, вып. 4. – С. 813–851. – DOI: 10.21638/spbu14.2020.402.
11. Landemore H. Collective Wisdom. Old and New / H. Landemore // *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms* / ed. by H. Landemore, J. Elster. – New York, NY : Cambridge University Press, 2012. – P. 1–20.
12. Kong H. L. Deliberative Constitutionalism / H. L. Kong, R. Levy // *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy* / ed. by A. Bächtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge, M. Warren. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – P. 625–639.
13. Eisenstadt T. When Talk Trumps Text: The Democratizing Effects of Deliberation during Constitution-Making, 1974–2011 / T. Eisenstadt, A. LeVan, T. Maboudi // *American Political Science Review*. – 2015. – Vol. 109, iss. 3. – P. 592–612.
14. Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality / ed. by M. Belov. – Cambridge, UK : Intersentia, 2021. – 379 p.
15. Worley J. J. Deliberative Constitutionalism / J. J. Worley // *BYU Law Review*. – 2009. – Iss. 2. – P. 431–480.
16. *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism* / eds. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 384 p.
17. Albert R. The Cult of Constitutionalism / R. Albert // *Florida State University Law Review*. – 2012. – Vol. 39, no. 2. – P. 373–416.
18. Руденко В. Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека / В. Н. Руденко // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 115–127. – DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.4.115127.
19. *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change* / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. – London : Routledge, 2020. – 468 p.
20. *Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution* / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. – Abingdon ; New York : Routledge, 2017. – 224 p.
21. Кравец И. А. Цифровой конституционализм: методологические и правовые аспекты / И. А. Кравец // *Государство и право*. – 2022. – № 1. – С. 19–33. – DOI: 10.31857/S102694520018430-4.

22. Костюков А. Н. Влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации / А. Н. Костюков, Т. С. Черепанова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 25–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32.

23. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) / И. А. Кравец // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 439. – С. 202–215. – DOI: 10.17223/15617793/439/28.

24. *Deliberative Constitution-making: Opportunities and Challenges* / ed. by M. Reuchamps, Y. Welp. – 1st ed. – London : Routledge, 2023. – XVI, 220 p.

25. Кожевников О. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации / О. А. Кожевников, А. Н. Костюков, А. А. Ларичев // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 49–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49-62.

REFERENCES

1. *Plan of state transformation of Count M.M. Speransky* (Introduction to the Code of State Laws of 1809). Moscow, "Russkaya mysl'" Publ., 1905. VI + 359 p. (In Russ.).

2. Elster J. The Optimal Design of a Constituent Assembly, in: Landemore H., Elster J. (eds.). *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms*, New York, NY, Cambridge University Press, 2012, pp. 148–172.

3. Limbach J. The Concept of the Supremacy of the Constitution. *The Modern Law Review*, 2001, vol. 64, no. 1, pp. 1–10.

4. Gritsenko E. Direct Effect of the Constitution: Specific Features of the Russian Model from a Comparative Perspective. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2021, vol. 30, no. 5, pp. 76–117.

5. Medushevsky A. Constitutional reform in Russia: substance, directions and implementation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and contemporary world*, 2020, no. 1, pp. 39–60. (In Russ.).

6. Makartsev A.A., Yusubov E.S. Constitutional reforms in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*, 2021, no. 2 (20), pp. 11–24. (In Russ.).

7. Contiades X. Constitutional change engineering, in: Contiades X. (ed.). *Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA*, 1st ed., London, Routledge Publ., 2012, pp. 1–5.

8. Gouda M. Islamic constitutionalism and rule of law: a constitutional economics perspective. *Constitutional Political Economy*, 2013, vol. 24, pp. 57–85. DOI: 10.1007/s10602-012-9132-5.

9. Mérieau E. Establishing the King as the Source of the Constitution: Shifting 'Bricolaged' Narratives of Buddhist Kingship from Siam to Thailand, in: Ginsburg T., Schonthal B. (eds.). *Buddhism and comparative constitutional law*, Cambridge, UK; New York, NY, Cambridge University Press, 2022, pp. 181–197.

10. Kravets I.A. The rule of law as a universal value and the diversity of constitutional identity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, iss. 4, pp. 813–851. DOI: 10.21638/spbu14.2020.402. (In Russ.).

11. Landemore H. Collective Wisdom. Old and New, in: Landemore H., Elster J. (eds.). *Collective Wisdom. Principles and Mechanisms*, New York, NY, Cambridge University Press, 2012, pp. 1–20.

12. Kong H.L., Levy R. Deliberative Constitutionalism, in: Bächtiger A., Dryzek J.S., Mansbridge J., Warren M. (eds.). *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*, Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 625–639.

13. Eisenstadt T., LeVan A., Maboudi, T. When Talk Trumps Text: The Democratizing Effects of Deliberation during Constitution-Making, 1974–2011. *American Political Science Review*, 2015, vol. 109, iss. 3, pp. 592–612.

14. Belov M. (ed.). *Populist constitutionalism and illiberal democracies. Between constitutional imagination, normative entrenchment and political reality*, Cambridge, UK, Intersentia Publ., 2021. 379 p.

15. Worley J.J. Deliberative Constitutionalism. *BYU Law Review*, 2009, iss. 2, pp. 431–480.

16. Levy R., Kong H., Orr G., King J. (eds.). *The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 384 p.

17. Albert R. The Cult of Constitutionalism. *Florida State University Law Review*, 2012, vol. 39, no. 2, pp. 373–416.

18. Rudenko V. Deliberative democracy in axiology of human rights' protection. *Nauchnyi Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Research Yearbook Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 115–127. DOI: 10.17506/ry-ipl.2016.17.4.115127. (In Russ.).

19. Contiades X., Fotiadou A. (eds.). *Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change*. London, Routledge Publ., 2020. 468 p.

20. Contiades X., Fotiadou A. (eds.). *Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution*. Abingdon, New York, Routledge Publ., 2017. 224 p.

21. Kravets I.A. Digital constitutionalism: methodological and legal aspects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 1, pp. 19–33. DOI: 10.31857/S102694520018430-4. (In Russ.).

22. Kostyukov A.N., Cherepanova T.S. The impact of digital transformation on the constitutional and legal foundations of the Russian Federation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 25–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32.

23. Kravets I.A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 202–215. DOI: 10.17223/15617793/439/28. (In Russ.).

24. Reuchamps M., Welp Y. (eds.). *Deliberative Constitution-making: Opportunities and Challenges*, 1st ed. London, Routledge Publ., 2023. XVI + 220 p.

25. Kozhevnikov O.A., Kostyukov A.N., Larichev A.A. Unified system of public authority: debatable aspects of legal regulation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 49–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирский государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
Scopus AuthorID: 57224000209
SPIN-код РИНЦ: 7272-5729

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Igor A. Kravets – Doctor of Law, Professor;
Acting Head, Department of Constitutional and Municipal Law; Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk State University
2, Pirogova ul., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
Scopus Author ID: 57224000209
RSCI SPIN-code: 7272-5729

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кравец И.А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма / И.А. Кравец // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 33–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kravets I.A. The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional changes: scientific approaches and practice of deliberative constitutionalism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 33–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42. (In Russ.).

В ПОЛЕ ГРАВИТАЦИИ: СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

А.А. Ларичев¹, О.А. Кожевников^{2,3}

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

² *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия*

³ *Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

08 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Публичная власть, публичный интерес, структурные элементы, частные субъекты

Описываются подходы к определению категории публичной власти, а также рассматриваются варианты ее структуры и элементов в различных юрисдикциях, включая Российскую Федерацию. Авторы подчеркивают, что универсальных подходов к формированию структуры публичной власти не существует – на нее оказывают влияние исторические, социокультурные, правовые особенности развития того или иного государства, при этом в большинстве юрисдикций базисом («локусом гравитации») публичной власти являются органы власти (как государственного, так и муниципального уровня), в орбиту которых, в зависимости от потребности в реализации публичных функций, включаются иные субъекты права, в том числе частные хозяйствующие субъекты (этот тезис справедлив и для России). Расширение властного домена за счет дополнительных субъектов, по мнению авторов, тесно связано с категорией «публичного интереса» и эволюцией участия государства в различных сферах общественных отношений.

IN THE FIELD OF GRAVITY: THE STRUCTURE AND ELEMENTS OF PUBLIC POWER

Alexander A. Larichev¹, Oleg A. Kozhevnikov^{2,3}

¹ *HSE University, Moscow, Russia*

² *Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia*

³ *Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia*

Article info

Received –

2023 December 08

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Public power, public interest, structural elements, private subjects

The subject of this study includes the approaches to the definition of the category of public power, as well as variants of its structure and elements.

The goal of the article is to compare the experience of various jurisdictions, including Russia, in the construction of public power, and to establish contemporary determinants of its structure and consequences of its expansion. Comparative and formal legal methods are mainly used to produce the results of the research.

Main results. The authors notice, that in most jurisdictions legislative attempts to give a definition of the structure of public power and to indicate the circle of its subjects entail indeterminacy and the inevitable expansion of the corresponding subject composition. That, apparently, is caused by the dynamics of the functions of public power, which determines the institutional evolution. It is not a secret that since the beginning of the 20th century the volume of functions entrusted to the state, and accordingly, to its bodies of power and management, has grown significantly. Since there are plenty of tasks and functions that correspond to the public interest, the state involves in the process not only its structural units - the bodies of state power, but also private subjects. Private entities, mobile and adapted to competition and social-economic changes, are capable of more effective implementation of tasks, performance of functions and provision of services that can be administratively outsourced. In the USA, for example, this phenomenon becomes so large-scale that it sometimes referred to as "mixed administration" in academic literature. In Russia, the possible forms and limits of the involvement of private subjects in the implementation of public tasks continue to remain under question, both from a theoretical and a practical point of view.

Conclusions. Formation of the structure of public power is influenced by historical, sociocultural, and legal features of the development of states. In most jurisdictions the basis

("locus of gravity") of public power is comprised of the authorities (both of state and municipal level), in the orbit of which, depending on the need for the implementation of public functions, other subjects of law – public and private companies and even NGO's – are included. Therefore, functional unity is the main determinant of the structure of public power mechanism.

1. Проблема субъектного состава публичной власти

Феномен публичной власти является предметом многочисленных научных исследований уже не одно десятилетие. При этом, как отмечает британский ученый Алекс де Вааль, в современных условиях все теории политической власти так или иначе увязаны с теорией государства. За небольшими исключениями, эти теории предполагают единое поле гравитации, с центром, вокруг которого вращаются другие элементы, – таким источником является государство, которое может представляться и как Левиафан, суверен, центральный источник генерации власти, и как срединная точка совпадения интересов различных групп [1, р. 123]. Никто не отрицает того, что государство является олицетворением, продуцентом и носителем власти *per se*, однако проблемой является структурное соотношение власти с теми элементами внутри государства, которые ею обладают.

Когда в 2020 г. в Конституцию РФ были внесены изменения, обусловившие появление категории «единая система публичной власти», моментально возник вопрос о том, какие органы либо даже субъекты – носители власти в эту систему входят. В Заклучении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3¹, в котором суд дал конституционно-правовую оценку рассматриваемой категории, подчеркивалось, что принцип единой системы публичной власти не нашел своего буквального закрепления в Конституции РФ, но может быть выявлен из целого ряда взаимосвязанных положений Основного закона, из которых очевидно, что категория «единая система публичной власти» функционирует как единое системное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ (ст. 5, 10, 11 и 12). Надо отметить, что круг этих организационных форм в конституционном тексте четко именован: Президент РФ, Федеральное Собрание

(Совет Федерации и Государственная Дума) РФ, Правительство РФ, суды Российской Федерации, органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Однако уже в первом же акте текущего законодательства, который был призван конкретизировать конституционные новеллы – Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», – под единой системой публичной власти были определены федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, *иные государственные органы*, органы местного самоуправления в их совокупности (ч. 1 ст. 2). Далее, в ч. 2 ст. 2 указанного закона среди субъектов, уполномоченных на координацию деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, помимо Президента РФ, Правительства РФ, Государственного Совета, указывались и *другие органы публичной власти*. Таковые, как известно, формально на настоящее время функционируют только в федеральной территории «Сириус», и возникает вопрос о том, обеспечивают ли они самостоятельную деятельность по координации функционирования единой системы публичной власти? Если же речь идет о любых других органах, относимых к органам публичной власти, то что это за органы и какую координирующую функцию они выполняют? [2].

Необходимо отметить, что проблема определения внутренней структуры публичной власти и составляющих ее элементов не эксклюзивна для России, в которой развитие соответствующего нормативно-правового регулирования фактически опережает формирование связанных концептуальных основ. Оно характерно и для многих юрисдикций как глобального Запада, так и Востока.

функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». Здесь и далее российские нормативные и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

¹ Заклучение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

Более того, если обратиться к примерам новейшего законодательного регулирования в зарубежных государствах, то можно увидеть немало удивительных подходов к определению структуры публичной власти. Причем эти подходы наиболее ярко раскрываются не в базовых конституционных установлениях, которые могут не содержать информации о системе публичной власти, и не в специализированном законодательстве о соответствующей системе, которое может в принципе отсутствовать, а в актах отраслевого законодательства, принимаемых для тех или иных нужд функционирования публично-властного механизма.

Так, довольно широкое освещение в научной литературе получил индийский Акт о праве на информацию, принятый в 2005 г. Данный акт был призван решить довольно простую задачу – конкретизировать порядок осуществления конституционного права, предусматривающего предоставление информации субъектами публичной власти по запросу граждан. Однако в ходе определения круга субъектов, обязанных обеспечивать предоставление соответствующей информации, законодатель поступил нетривиально, указав, помимо «конституционно обозначенных органов» (*constitutional bodies*): Парламента, Верховного суда, иных судов, Избирательной комиссии и других государственных и муниципальных органов, – также *иные органы и организации* (в том числе некоммерческие), которые созданы, контролируются либо *существенным образом финансируются* органами государственной власти федерации либо штатов.

Таким образом под определение «публичного органа» (*public authority*) в контексте предмета регулирования рассматриваемого закона попали как органы власти, так и организации и даже НКО – в том случае, если они получают государственное финансирование, а значит, осуществляют деятельность, поддерживаемую государством. Как отмечает индийский исследователь П. Саксена, в самом Акте не конкретизируются объемы такого финансирования, однако в более ранних разъяснениях Центральной комиссии по вопросам информации указывалось, что сумма государственного финансирования не может быть менее 2,5 млн рупий и составлять менее 75 % от общих расходов соответствующей организации [3, р. 13].

В Великобритании, в Акте о защите информации 2018 г. (*UK Data Protection Act 2018*), указывается такой критерий отнесения субъекта к публичным органам, как «выполнение функций в публичных интересах» (s. 7(2), Pt. 2, Ch. 2). Под этими функциями понимается осуществление правосудия, полномочий Парламента, полномочий Короны, министерства либо правительственного департамента. Это, казалось бы, классические функции органов государственной власти. Однако список дополняется «осуществлением функций, передаваемых субъекту законодательством либо обычаем», а также «осуществлением мероприятий по развитию демократического участия». Реципиентом соответствующих функций, сформулированных весьма широко, могут, по всей видимости, быть и иные субъекты, отличные от классических органов власти.

Еще одним примером расширительного толкования субъектного состава публичной власти можно считать норму Свода законов США (*US Code*), относящуюся к вопросам строительства и содержания дорог, в которой под публичным органом понимается правительство, орган власти федерации, штата, округа, муниципалитета либо *иное образование*, обладающее полномочиями по финансированию, строительству, управлению либо содержанию платной либо бесплатной инфраструктуры (23 USC § 101(a)(22))².

Примеры возложения публичных функций на субъектов, не относящихся напрямую к категории публичной власти, но в отдельных случаях ассоциированных с ней, имеются и в российской правовой системе. Так, еще в 2012 г. Конституционный Суд РФ, рассматривая отдельные положения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», установил, что установление обязанности рассматривать обращения граждан и их объединений в том же порядке, что и для органов публичной власти, применительно к организациям, не входящим в систему органов публичной власти, является прерогативой законодателя и не является какого-либо рода выходящим за пределы конституционного регулирования случаев³.

При этом Конституционный Суд РФ усмотрел подобную практику возложения публичных функций на субъектов, не относящихся напрямую к категории

² US Code. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/23/101#a_22.

³ См. также постановления Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П, от 23 декабря 1999 г. № 18-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П, Определение от 1 июня 2010 г. № 782-О-О и др.

публичной власти, и в многочисленной практике Европейского Суда по правам человека при рассмотрении вопросов об ответственности государства за действия негосударственных организаций в случае, если такие организации выполняют публичную функцию (Постановления от 23 ноября 1983 г. по делу «Ван дер Мюсселе (*Van der Mussele*) против Бельгии», от 25 марта 1993 г. по делу «Костелло-Робертс (*Costello-Roberts*) против Соединенного Королевства», от 16 июня 2005 года по делу «Шторк (*Storck*) против Германии» и др.).

С другой стороны, в российской практике существуют примеры, когда государство в лице его уполномоченных органов, наоборот, выступает против возложения отдельных публичных функций на созданные им же (Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями) хозяйствующих субъектов и должностных лиц. Так, в 2018 г. Законодательным собранием Челябинской области в Государственную Думу был внесен на рассмотрение законопроект «О внесении изменения в статью 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривающий возможность наделения должностных лиц муниципальных учреждений полномочием по составлению протоколов об административных правонарушениях. Отклоняя данный законопроект уже в первом чтении, Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления в заключении от 21 июня 2018 г. отмечал, что по своему статусу, целям и задачам деятельности муниципальные учреждения не ориентированы на участие в процессе осуществления административного производства, поскольку являются участниками гражданских правоотношений, в связи с чем возложение на должностных лиц муниципальных учреждений полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъекта Российской Федерации, представляется излишним и неэффективным разделением функций между разными по статусу субъектами административных и гражданско-правовых правоотношений. Такую же позицию в данном вопросе отразил в своем заключении к упомянутому законопроекту и Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству.

Таким образом, российский законодатель весьма избирательно подходит к возложению публичных полномочий и последующему отождествлению с системой публичной власти хозяйствующих субъектов даже в тех случаях, когда они создаются для реализации государственных и муниципальных полномочий.

2. Функциональное содержание как детерминант структуры публичной власти

В этой связи вполне резонным становится вопрос о том, почему попытки современного законодателя дать определение структуры публичной власти и обозначить круг ее субъектов влекут за собой неопределенность и неизбежное расширение соответствующего субъектного состава. Ответом на него, по всей видимости, является динамика функций публичной власти, детерминирующая эволюцию институциональную. Не секрет, что с начала XX в. объем функций, возложенных на государство, а соответственно, на его органы власти и управления, существенно вырос. Этот рост был обеспечен, прежде всего, расширением социальной политики и связанных обязательств, а также более широким участием государства в развитии публичной инфраструктуры и регулировании экономических процессов.

Надо отметить, что не везде увеличение этих функций проходило прямолинейно и бесконфликтно – особенно это видно по юрисдикциям, в которых государственно-правовое развитие проходило поэтапно и эволюционно, без резких изменений. Например, в США в 1936 г. Апелляционный суд штата Нью-Йорк подтвердил конституционность принятого ранее Закона о государственном жилье, который позволял местным властям создавать организации строительства жилья для малоимущих⁴. Несмотря на наличие более ранних прецедентов, в данном решении было впервые четко установлено, что соответствующее строительство может осуществляться государством напрямую, с применением финансовых и юридических инструментов, а не только частными субъектами в тех рамках, которые задавало административно-правовое регулирование.

Как отмечал американский исследователь Г. Фетнер, решение по делу *Muller v. New York* вызвало 15-летнюю ожесточенную борьбу между теми группами, которые считали, что дешевое жилье может быть лучше всего обеспечено с помощью эконо-

⁴ *Muller v. New York City Housing Authority*, 270 NY 333 (1936).

мического планирования, т. е. с помощью корпоративного инструментария государства, и теми, кто, опасаясь любой формы вмешательства государства, утверждал, что частные предприятия оснащены всем необходимым для того, чтобы обеспечить среднего по достатку гражданина достойными условиями проживания. Этот конфликт был одним из проявлений растущих дебатов в Соединенных Штатах после Первой мировой войны о роли государства в жилищном строительстве, поощрении коммерческой деятельности между штатами, гидроэнергетике и о том, является ли государственное экономическое планирование лучшим методом, чем регулирование соответствующих частных инициатив [4, р. 15–16].

Несмотря на споры как в США, так и в других странах, присутствие государства в самых различных сферах общественных отношений под влиянием внешних и внутренних факторов продолжало увеличиваться. Соответственно, рос и государственный аппарат, прежде всего та его часть, которая отвечала за правоприменительную деятельность, предоставление публичных услуг. Во многих юрисдикциях появились не только новые органы власти, но и иные организации, на которые возлагались соответствующие публичные полномочия.

Здесь, как представляется, и возник зазор между традиционным пониманием системы публичной власти и ее разворачиванием в новых условиях. В рамках классического государства функциональный набор властных функций был ограничен, сводился преимущественно к полицейским, военным и финансово-экономическим задачам, соответственно, не возникало и проблем с определением субъектов принадлежности связанных полномочий (суверен – глава государства, органы государственной власти). С усложнением и расширением задач расширяется и круг субъектов, которые могут осуществлять отдельные властные функции.

В этих новых широких рамках перестало быть исчерпывающим и классическое определение власти как возможности принуждения кого-либо к поведению, придерживаться которого они в иных условиях бы не стали [5]. Точнее, это определение сохраняет свое действие в отношении органов государственной власти, которые обладают возможностью определения публичной политики и правового регулирования. Такие органы, как парламент, президент, правительство, – статус которых определяется кон-

ституционно, – становятся ядром системы публичной власти. Вместе с тем в нее, в зависимости от специфики правовой системы, государственного устройства, формы правления, могут входить также муниципальные органы, государственные фонды и корпорации и даже (как показывает опыт правового регулирования Индии) аффилированные с государством НКО, не относящиеся к властным субъектам государства в их традиционном понимании. Органы государственной власти, находящиеся в ядре системы, при этом призваны осуществлять координационную роль, определяя параметры функционирования единого механизма публичной власти и взаимодействия его элементов.

Таким образом, функциональное содержание публичной власти детерминирует ее внешнюю форму в лице элементов и структуры. Не случайно и в России основной единой системы публичной власти Конституционный Суд РФ признаёт функциональное единство, которое позволяет объединить в рассматриваемую систему «нестыкующиеся» в контексте ст. 12 Конституции РФ органы государственной власти и местного самоуправления⁵.

Изменения в ч. 2 ст. 132 Конституции РФ в 2020 г. включили органы местного самоуправления и органы государственной власти в единую систему публичной власти в целях осуществления взаимодействия, направленного на наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Взаимодействие уровней публичной власти связано как с решением вопросов местного значения, так и с участием органов местного самоуправления в выполнении тех или иных имеющих государственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории⁶. Базовые конституционные характеристики единой системы публичной власти как объединения государственной и муниципальной властей, таким образом, дополняются целевым предназначением указанной системы, четко определенным конституционным текстом.

3. Привлечение частных субъектов к реализации функций публичной власти

Императив в виде критерия «функционального единства» как основы системы публичной власти безусловно влечет за собой вопрос о составе и содержании публичных функций, которые это единство детерминируют. Если для России основным

⁵ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2018 г. № 33-П.

предметом споров является та функциональная основа, в рамках которой происходит объединение органов государственной власти и местного самоуправления, то для многих юрисдикций, включающих в публичную власть неклассические субъекты (компании, НКО), вопрос ставится гораздо шире: что в принципе делает определенные функции публичными, относящимися к сфере регулирования и менеджмента со стороны государства, и что детерминирует подключение дополнительных акторов к их реализации?

В научной литературе на этот вопрос довольно часто дается простой, казалось бы, ответ: публичными те или иные функции делает наличие в их содержании, форме реализации либо результатах публичного интереса, т. е. заинтересованности широких слоев общества либо отдельных, но значимых в масштабе социума групп. Самый простой пример – в поддержании правопорядка и общественной безопасности заинтересовано само общество, и государственный интерес в данном случае полностью совпадает с чаяниями населения. Согласно определению, даваемому в Юридической энциклопедии американского права Уэста, публичный интерес – это общая забота граждан об управлении и делах местного правительства, правительства штата и национального правительства. Деятельность объектов общественной инфраструктуры регулируется в публичных интересах, поскольку частные лица полагаются на них в предоставлении жизненно важных услуг⁷.

Ю.А. Тихомиров определяет публичный интерес как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит гарантией ее осуществления и развития» [6, с. 55].

В.Л. Кулапов вообще определяет основное функциональное назначение государства – выявлять, закреплять и обеспечивать общезначимые, публичные интересы [7, с. 74]. Однако представленные подходы, несмотря на их простоту и логичность, создают неопределенность границ публичных интересов, за которой может следовать излишнее вмешательство государства в общественные отношения. В этих условиях может ставиться под сомнение самостоятельность и инициатива как социальных групп, так и отдельных индивидуумов, которые реализуют свои частные интересы вне границ публично-право-

вого регулирования и правоприменения, в то время как именно частную инициативу следует считать основным драйвером социального и экономического роста. Этой проблеме, в том числе в отраслевом аспекте, посвящены различные исследования как в зарубежной [8; 9], так и отечественной литературе [10].

При этом большинство авторов настаивает на соблюдении баланса между разумным вмешательством государства и сохранением частных интересов, реализуемых без такого вмешательства.

Государство, выступая гарантом защиты и реализации публичных интересов, создает связанный организационный и функциональный механизм, представленный в том числе институциональным элементом в лице субъектов публичной власти. Поскольку корреспондирующих публичным интересам задач и функций достаточно много, возникает вопрос о привлечении к их реализации не только структурных единиц государства – органов государственной власти и учреждений, находящихся в государственной собственности, но также частных субъектов.

Последнее позволяет достичь так называемой «структурной экономии», при которой реализация дополнительного объема задач не влечет за собой излишнее разрастание бюрократического аппарата и связанные с этим издержки. Частные субъекты, более мобильные и приспособленные к конкуренции и изменениям социально-экономических условий, также способны к более эффективной реализации задач, выполнению функций и предоставлению услуг, которые могут быть отданы на административный «аутсорсинг». Таким образом, в «орбиту» публичной власти в отдельных юрисдикциях попадают иные субъекты, помимо органов государственной и муниципальной власти.

В США, например, это явление становится настолько масштабным, что получило в научной литературе название «смешанной администрации» [11, р. 40, 52]. Анализируя американский опыт участия частных субъектов в деятельности публичной администрации, Дж. Фриман [12] приводит примеры не только правоприменительной, но и нормотворческой деятельности с их участием. Так, в США некоторую популярность получила разработка и принятие различных общеобязательных технических стандартов на основе так называемых *reg-negs* – консенсусных решений по итогам переговоров с

⁷ Public Interest // West's Encyclopedia of American Law. Ed. 2. URL: <https://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Public+Interest> (дата обращения: 14.02.2024).

частными стейкхолдерами и компаниями. Нормативный акт, принимаемый на основе этой процедуры, предполагает обязательное достижение соответствующего компромисса с привлекаемыми к участию частными субъектами [13, р. 455, 462]. Не следует забывать и о многочисленных примерах саморегулирования, например саморегулирование в химической промышленности, которое касается стандартов менеджмента, внутреннего аудита и взаимодействия компаний с дистрибьюторами [12, р. 832].

В России возможные формы и пределы привлечения частных субъектов к осуществлению публичных задач продолжают оставаться под вопросом как с теоретической, так и практической точки зрения, хотя с начала 2000-х гг. принято разнообразное законодательство по связанной тематике⁸.

Рассматривая теоретические проблемы взаимодействия государственных структур и частных субъектов при реализации публичных задач, следует отметить наличие конституционных ограничений подобного сотрудничества в некоторых вариантах трактовки возможных форм его реализации.

Как указывает Е.В. Гриценко, задачи, реализуемые в публичных интересах, находятся в ведении публично-правовых образований (государства, государственного или муниципального образования), создаваемых и действующих для достижения общего блага. Что касается иных участников свободного рынка – субъектов частного права, то их участие в решении публичных задач также не исключается, однако оно осуществляется с учетом целей таких субъектов и предполагает необходимость сочетания частных и публичных интересов [14].

Публичные задачи как предметы ведения государства и вопросы местного значения сами по себе не подлежат передаче или делегированию частным субъектам, хотя последние и могут привлекаться к их решению. На недопустимость передачи и перераспределения государственных задач как важнейших

элементов конституционно-правового статуса публичного субъекта неоднократно обращал внимание и Конституционный Суд РФ⁹.

С другой стороны, действующая трактовка Конституции РФ не содержит как такового запрета на механизм делегирования отдельных публичных полномочий частному сектору. Конституционный Суд РФ, например, выражал поддержку механизму саморегулируемых организаций, определяя, что процесс разгосударствления деятельности по осуществлению публичных задач является отражением процессов становления гражданского общества, начал самоуправления и автономии в экономической сфере¹⁰.

Вместе с тем, исходя из правовой позиции Суда, речь идет о наличии либо приобретении субъектом делегируемых задач публичного статуса в объеме передаваемых полномочий, и возможность полной «приватизации» делегируемых задач исключается. По мнению Конституционного Суда РФ, «соответствующая деятельность... во всяком случае подконтрольна государству, определяющему исходя из баланса конституционно защищаемых ценностей правовые основы и процедуры ее осуществления, с тем чтобы исключить возможность нарушений прав... других лиц»¹¹.

С учетом этого, в последнее десятилетие активно реализуется возложение публичных функций «на коммерческие организации, учрежденные в форме акционерных обществ, держателем контрольного пакета акций в которых является государство или отдельные его органы. Примерами может служить деятельность ПАО «Сбербанк России», ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Росгеология» и т. д.» [15, с. 300]. Федеральным законом от 29 июня 2018 г. № 171-ФЗ в акционерное общество была преобразована и «Почта России», при этом в соответствии с ч. 1 ст. 9 данного закона «полномочия единственного акционера Общества осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществля-

⁸ См. федеральные законы от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

⁹ Абз. 6 п. 10 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу

о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева».

¹¹ Там же.

ующий функции по управлению федеральным имуществом в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации».

Необходимо тем не менее понимать, что широкое привлечение частных субъектов к реализации публичных функций, грозящее включением их в «смешанную администрацию», «расширенную» публичную власть, влечет существенные риски для системы демократического управления. Частные субъекты не выборны, поэтому за пределами надзора за законностью недостаточно подотчетны в своей деятельности. В отличие от органов публичной власти, такие субъекты в принципе не создаются для обеспечения публичных интересов, поэтому могут в своей деятельности не руководствоваться общепринятыми в соответствующей сфере принципами открытости, справедливости и беспристрастности. Во избежание этих рисков необходимо как лимитировать административный аутсорсинг, выработав четкие критерии ситуаций и условий, при которых он действительно необходим, так и распространять нормы и принципы, регулирующие деятельность органов публичной власти, на частные субъекты – в той части, которая предполагает возложение на них публичных функций.

4. Заключение

Подводя в целом итоги анализа объема и содержания структуры публичной власти в различных государствах, в том числе и в России, следует конста-

тировать тот факт, что единых, универсальных подходов к формированию структуры публичной власти в мире в настоящее время не существует. На публичную власть и ее структуру оказывают влияние многочисленные исторические, социокультурные, правовые особенности развития того или иного государства, при этом совершенно очевидно, что большинство стран юрисдикций как глобального Запада, так и Востока в качестве базисной основы публичной власти указывают именно органы публичной власти (как государственного, так и муниципального уровня), дополняя их субъектами права, наделенными возможностью участвовать в реализации публичных функций и выполнять роль публичных субъектов в определенных правоотношениях.

В России непосредственное нормативное упоминание о структуре единой системы публичной власти появилось только в 2020 г., поэтому то, как будет развиваться в дальнейшем законодательство о данной конституционно-правовой категории, – покажет время. Можно при этом с уверенностью констатировать, что действующая структура единой системы публичной власти вряд ли будет устойчивой и постоянной, о чем свидетельствует отсутствие единства между положениями ст. 132 Конституции РФ и нормами текущего федерального законодательства – это касается как ядра системы единой публичной власти – конституционно определяемых элементов, так и других, находящихся в орбите интересов и функционально привязанных к данному «локусу гравитации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. De Waal A. Power / A. De Waal // Words and Worlds: A Lexicon for Dark Times / ed. V. Das, D. Fassin. – Durham : Duke University Press, 2021. – P. 123–142.
2. Кожевников О. А. Единая система публичной власти: дискуссионные аспекты нормативной регламентации / О. А. Кожевников, А. Н. Костюков, А. А. Ларичев // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 49–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49-62.
3. Saxena P. Public Authority and the RTI / P. Saxena // Economic and Political Weekly. – 2009. – Vol. 44, no. 16. – P. 13–16.
4. Fetner G. Public Power and Professional Responsibility: Julius Henry Cohen and the Origins of the Public Authority / G. Fetner // The American Journal of Legal History. – 1977. – Vol. 21, no. 1. – P. 15–39.
5. Dahl R. A. The Concept of Power / R. A. Dahl // Behavioral Science. – 1957. – Vol. 2. – P. 201–215. – DOI: 10.1002/bs.3830020303.
6. Тихомиров Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – М., 1995. – 485 с.
7. Кулапов В. Л. Теория государства и права : учеб. / В. Л. Кулапов – Саратов : СГЮА, 2011. – 1 CD-ROM.
8. McGinnis C. Balancing Private And Public Interests In Historic Preservation: It May Be Constitutional, But Is It Right? / C. McGinnis // The Georgetown Journal Of Legal Ethics. – 2022. – Vol. 35. – P. 933–951.
9. Jackson V. C. Constitutional Comparisons: Convergence, Resistance, Engagement / V. C. Jackson // Harvard Law Review. – 2005. – Vol. 119, no. 1. – P. 109–128.

10. Кондрашев А. А. Баланс частных и публичных интересов в контексте международных стандартов и конституционного законодательства Российской Федерации / А. А. Кондрашев, В. В. Терешкова // Государство и право. – 2018. – № 9. – С. 52–63. – DOI: 10.31857/S013207690001513-6.
11. Aronson M. A Public Lawyer's Response to Privatization and Outsourcing / M. Aronson // *The Province of Administrative Law* / ed. M. Taggart. – Oxford : Hart, 1997. – P. 40–71.
12. Freeman J. Private Parties, Public Functions And The New Administrative Law / J. Freeman // *Administrative Law Review*. – 2000. – Vol. 52, no. 3. – P. 813–858.
13. Hamilton R. W. The Prospects for the Nongovernmental Development of Regulatory Standards / R. W. Hamilton // *American University Law Review*. – 1982. – № 32. – P. 455–471.
14. Гриценко Е. В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе / Е. В. Гриценко // Закон. – 2013. – № 2. – С. 113–128.
15. Полторацкая К. Б. Структура публичной власти как основа государственного и муниципального управления в Российской Федерации / К. Б. Полторацкая // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : материалы всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Омск, 28 апр. 2022 г.). – Омск, 2022. – С. 298–302.

REFERENCES

1. De Waal A. Power, in: Das V., Fassin D. (eds.). *Words and Worlds: A Lexicon for Dark Times*, Durham, Duke University Press, 2021, pp. 123–142.
2. Kozhevnikov O.A., Kostyukov A.N., Larichev A.A. Unified system of public authority: debatable aspects of legal regulation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 49–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).49-62.
3. Saxena P. Public Authority and the RTI. *Economic and Political Weekly*, 2009, vol. 44, no. 16, pp. 13–16.
4. Fetner G. Public Power and Professional Responsibility: Julius Henry Cohen and the Origins of the Public Authority. *The American Journal of Legal History*, 1977, vol. 21, no. 1, pp. 15–39.
5. Dahl R.A. The Concept of Power. *Behavioral Science*, 1957, vol. 2, pp. 201–215. DOI: 10.1002/bs.3830020303.
6. Tikhomirov Yu.A. *Public law*. Moscow, 1995. 485 p. (In Russ.).
7. Kulapov V.L. *Theory of state and law*, Textbook. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2011. 1 CD-ROM. (In Russ.).
8. McGinnis C. Balancing Private And Public Interests In Historic Preservation: It May Be Constitutional, But Is It Right?. *The Georgetown Journal Of Legal Ethics*, 2022, vol. 35, pp. 933–951.
9. Jackson V.C. Constitutional Comparisons: Convergence, Resistance, Engagement. *Harvard Law Review*, 2005, vol. 119, no. 1, pp. 109–128.
10. Kondrashev A., Tereshkova V. Balance private and public interests in the light of international standards and the Russian constitutional law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 9, pp. 52–63. DOI: 10.31857/S013207690001513-6. (In Russ.).
11. Aronson M. A Public Lawyer's Response to Privatization and Outsourcing, in: Taggart M. (ed.). *The Province of Administrative Law*, Oxford, Hart Publ., 1997, pp. 40–71.
12. Freeman J. Private Parties, Public Functions and The New Administrative Law. *Administrative Law Review*, 2000, vol. 52, no. 3, pp. 813–858.
13. Hamilton R.W. The Prospects for the Nongovernmental Development of Regulatory Standards. *American University Law Review*, 1982, no. 32, pp. 455–471.
14. Gritsenko E.V. Constitutional foundations and legal forms of attracting private subjects to the solution of municipal tasks in Russia in a comparative perspective. *Zakon*, 2013, no. 2, pp. 113–128. (In Russ.).
15. Poltoratskaya K.B. The structure of public authority as the basis of state and municipal governance in the Russian Federation, in: *Potentsial rossiiskoi ekonomiki i innovatsionnye puti ego realizatsii*, Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of students and postgraduates, Omsk, April 28, 2022, Omsk, 2022, pp. 298–302. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларичев Александр Алексеевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета права, профессор департамента публичного права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3

E-mail: alarichev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6452-6787

Scopus AuthorID: 56204898300

SPIN-код РИНЦ: 5047-7453

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры конституционного права, ²профессор кафедры конституционного и международного права

¹ *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева*

² *Уральский государственный экономический университет*

¹ 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

² 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

SPIN-код РИНЦ: 1494-4895; AuthorID: 346061

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ларичев А.А. В поле гравитации: структура и элементы публичной власти / А.А. Ларичев, О.А. Кожевников // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 43–52. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).43-52.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander A. Larichev – Doctor of Law, Associate Professor; Deputy Dean for Research, Faculty of Law; Professor, Department of Public Law

HSE University

3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia

E-mail: alarichev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6452-6787

Scopus AuthorID: 56204898300

RSCI SPIN-code: 5047-7453

Oleg A. Kozhevnikov – Doctor of Law, Professor;

¹Professor, Department of Constitutional Law; ²Professor, Department of Constitutional and International Law

¹ *Ural State Law University*

² *Ural State University of Economics*

¹ 21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

² 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

RSCI SPIN-code: 1494-4895; AuthorID: 346061

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Larichev A.A., Kozhevnikov O.A. In the field of gravity: the structure and elements of public power. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 43–52. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).43-52. (In Russ.).

УРОВНИ (ЦЕНТРЫ) ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ*

А.В. Блещик, Е.Г. Калинина, С.Э. Несмеянова

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

17 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Публичная власть, уровни публичной власти, единая система публичной власти, публичное управление, компетенция, принцип субсидиарности, глобализация, глокализация

Предметом исследования является теория и практика организации и взаимодействия уровней публичной власти после конституционной реформы 2020 г. Авторы демонстрируют витальность теории, предопределившей происходящие изменения, и анализируют подходы к понятию публичной власти и ее уровням. На основании анализа решений Конституционного Суда РФ раскрывается эволюция взаимодействия уровней публичной власти друг с другом. Отдельные элементы централизации государственного управления противопоставлены принципу субсидиарности, раскрытию которого посвящена центральная часть статьи. Также внимание уделено раскрытию потенциала местного самоуправления в единой системе публичной власти.

LEVELS (CENTERS) OF PUBLIC AUTHORITY: MODERN INTERPRETATION OF THEORY AND PRACTICE**

Aleksandr V. Bleshchik, Ekaterina G. Kalinina, Svetlana E. Nesmeyanova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –

2023 December 17

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Public authority, levels of public authority, unified system of public authority, public administration, competence, principle of subsidiarity, globalization, glocalization

The subject of the study is the legal relations arising from the public authority's organization and its levels' interaction after the constitutional reform of 2020. The organized interaction of the public authority levels determines the effectiveness of this system itself. Nowadays the issue of coordinated interaction between levels (centers) of public authority has become important, especially considering new global challenges in the different spheres. Therefore, the public authority and its levels as well as its organization and interaction become the subject of the legal theory and serve as a catalyst for legal changes, including constitutional one.

The purpose of this paper is to examine the concept of public authority and analyze different approaches to the levels of it in theory and practice, paying the attention to the municipal level and its twofold role.

Methodology. Formal-logical, comparative-legal, analysis methods were used. The interaction of levels of public authority is considered from the point of view of dialogism. This approach allows to establish that the interaction between levels of the public authority can be regarded as full only if they are organizationally isolated and financial and decision-making independent.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0202/23 «Трансформация конституционно-правовых институтов в условиях развития цифровых технологий и вызовов глобализации».

** The research was made with the financial support of Ural State Law University as part of the implementation of the scientific group project No. 0202/23 "Transformation of constitutional and legal institutions in the context of the development of digital technologies and the challenges of globalization".

Main results. The authors demonstrate the vitality of the theory that predetermined the ongoing changes in the Russian legal system, and examine approaches to the concept of public authority and its levels. It is however apparent that the created system does not include the level of community public authority. Based on the analysis of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the evolution of levels of public authority in their interaction with each other is revealed. Besides, certain elements of centralization of public administration are essentially opposed to the principle of subsidiarity, the analysis of which is also presented in the paper since it determines the scope of competence of public legal entities and allows achieving maximum freedom and efficiency of the activities of bodies. At last, the authors give characteristics to the municipal level by two opposing trends: globalization and glocalization.

Conclusions. In Russia the practice of organizing public authority does not fully comply with the principle of subsidiarity as well as the new legal term of the system of public authority does not include all the variety of elements that the constitutional scientists mentioned, including the community public authority. This one along with the municipal authority level assessed as a potential matter for further reforms necessary for the formation of a trust of public authorities and for the population's participation in state affairs.

1. Введение

Качество публичного управления «напрямую зависит от выполнения функций, возложенных на органы власти, от согласованного взаимодействия различных ветвей и уровней власти» [1, с. 48]. Именно согласованное взаимодействие элементов системы публичной власти определяет эффективность, устойчивость самой системы и доверие к ней со стороны общества. Поскольку вопрос согласованного взаимодействия уровней (центров) публичной власти приобрел такую важность (особенно в наше время, когда публичная власть постоянно сталкивается с новыми глобальными вызовами социального, экономического и природного характера), он не может не привлечь внимания правовой науки.

Повышенный интерес к теме обусловлен также конституционной реформой 2020 г., когда понятие публичной власти было включено в гл. 3 и 8 Конституции РФ. Заметим, что включение этой категории в текст основного закона государства не является отечественным конституционным новаторством. Это понятие встречается, в частности в текстах конституций Франции и Польши, причем в обоих случаях публичная власть упоминается в первых главах конституции, устанавливающих то, что традиционно именуется основами конституционного строя. В России проводимая реформа рассматривается как оптими-

зация публичной власти. В 2023 г. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин оценил внесенные поправки в Конституцию с точки зрения баланса властей, отмечая, что сегодня все власти находятся в неконфликтном сотрудничестве и единстве¹. Вместе с тем такое сотрудничество или взаимодействие может считаться полноценным только при условии организационной обособленности, ресурсной и компетенционной самостоятельности каждого уровня публичной власти.

2. Публичная власть: общие понятия. Уровни публичной власти

Судьба понятия «публичная власть» в науке конституционного права весьма любопытна. Это понятие прошло путь от научной, теоретической конструкции до легального термина и категории действующего законодательства, легло в основу идеологии нового российского конституционализма.

Надо оговориться, что термины «публичная власть» и «органы публичной власти» активно использовались и продолжают использоваться в практике Конституционного Суда РФ. И хотя словосочетание «публичная власть» встречается впервые в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П², раскрытие самой концепции публичной власти в правовых позициях Конституционного Суда произошло позднее. В частности, уже в

¹ Встреча с судьями Конституционного Суда. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72989> (дата обращения: 16.12.2023).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности

Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента РФ от 9 декабря 1994 г. № 2166

Постановлении по «Удмуртскому делу»³ Конституционный Суд приходит к выводу, что публичная власть может быть и муниципальной: «на уровне города районного подчинения, других городских и сельских поселений в районах, а также прочих городских поселений публичная власть осуществляется посредством местного самоуправления и его органов, не входящих в систему органов государственной власти». В Определении от 2 ноября 2006 г. № 540-О⁴ Конституционный Суд более обстоятельно раскрыл структуру публичной власти в России, обозначив в ней три базовых уровня: «конституционными характеристиками местного самоуправления как формы публичной власти обуславливаются особенности его правосубъектности, сопоставимые с особенностями правосубъектности иных публичных образований – Российской Федерации и субъектов РФ».

Естественно, как научная категория «публичная власть» была известна задолго до конституционной реформы 2020 г. А.Н. Кокотов, анализируя философские основания социальной власти, указывает, что одним из ее видов является «массовая социальная власть с участием крупных объединений людей, т. е. публичная власть, отличающаяся легитимностью возникновения и правовым характером функционирования» [2, с. 7]. По мысли А.Н. Кокотова, к организационно-правовым формам объективирования публичной власти относятся прямая публичная власть, т. е. власть, осуществляемая через институты непосредственной демократии, публичная государственная власть, публичная муниципальная власть, публичная корпоративная власть – власть институтов гражданского общества и их постоянно действующих органов и надгосударственная (международно-правовая) публичная власть [2, с. 11].

Если А.Н. Кокотов рассматривает публичную власть как нечто имманентное крупному объединению людей, то В.Е. Чиркин усматривает в публичной

власти свойство территориального публичного коллектива и устанавливает связь между властью и территорией, что сопровождается следующей классификацией уровней публичной власти: суверенная государственная власть (как «самое мощное и концентрированное выражение публичной власти»), публичная власть субъектов федерации («не государственная, но государствовподобная несuverенная публичная власть» [3, с. 94, 96]), негосударственная муниципальная публичная власть, общинная публичная власть (публичная власть, существующая в общинах коренных народов).

С.А. Авакьян замечает, что совокупность граждан государства, обладающих способностью осуществлять публичную власть и осуществляющих ее (участвующих в осуществлении), именуется «народ» [4, с. 96]. Так от термина «публичная власть» совершается переход к более широкому и менее научно специализированному понятию «власть народа», под которой понимается самоорганизация народа в целях управления своими делами и использования механизмов для участия в осуществлении властных функций, именуемая также цивилизационным саморегулированием [5, с. 33]. Власть народа в России, по мнению С.А. Авакьяна, осуществляется в трех основных формах: государственная власть, общественная власть и власть местного самоуправления как смешанная общественно-государственная власть [6, с. 59, 76]. Более сдержанные позиции о власти народа как составляющей части правового порядка представлены в работах Б.С. Эбзеева [7].

Реформирование отечественного законодательства в сфере государственной власти и местного самоуправления и введение в правовой оборот терминов «публичная власть» и «единая система публичной власти» поставило законодателя перед необходимостью определиться с их содержанием. Частичную ясность внес Федеральный закон от 8 де-

“О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства РФ от 9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины РФ”».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности За-

кона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике”».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2006 г. № 540-О «По запросу Правительства Самарской области о проверке конституционности статьи 1, частей 6 и 8 статьи 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ” и статьи 50 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

кабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»⁵, раскрывший понятие единой системы публичной власти. Публичная корпоративная или общественная власть оставлена законодателем за рамками данного понятия [8]. С одной стороны, это можно считать упущением, которое приводит к разделению теоретического знания и конституционно-правовой практики и, как следствие, искажению понимания сути публичной власти, поскольку общественная власть напрямую влияет на становление корпоративной демократии – архиважного элемента для формирования доверия между гражданами и органами в государстве [9, с. 29].

С другой стороны, в условиях унификации конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации и стирания различий между государственной властью и местным самоуправлением публичная корпоративная (общественная) власть может таким образом сохранить за собой определенную степень автономии, что оставляет надежду на построение в России полноценного гражданского общества.

С позиций диалогического дискурса, становление местного самоуправления как самостоятельного элемента системы публичной власти требовало в определенный исторический момент его дистанцирования от системы государственной власти, что также подтверждает анализ законодательства о местном самоуправлении с момента его становления [10]. Установление правовых механизмов, постепенно элиминировавших самостоятельность и организационную обособленность местного самоуправления [11], и фактическое превращение муниципальной власти в «низовое звено» государственной власти ликвидировали дистанцию между двумя этими публично-властными подсистемами. Формальное закрепление в Конституции концепции единой публичной власти ознаменовало собой новый этап этого превращения, которое сегодня, как и в последнее десятилетие, контролируется законодателем посредством правового регулирования организационных основ муниципальной власти [12, с. 71]. Реформа публичной власти, юридически оформляющая единый статус органов государственной власти и местного самоуправления, придает новое качество взаимодействию этих органов. Характер диалога в конечном счете будет определяться

его интертекстуальным наполнением, а именно тем, как на практике будут реализовываться полномочия органов публичной власти. Не малую роль сыграет и расширение числа органов публичной власти, входящих в систему институционально [13] или территориально [14].

3. Теория и практика реализации принципа субсидиарности как принципа государственного управления

Полномочия и подходы к определению компетенции различных элементов системы публичной власти базируются на теории и практике реализации принципа субсидиарности. Суть принципа субсидиарности заключается в том, что управленческие меры должны приниматься тем уровнем власти, который сможет обеспечить наиболее эффективное достижение целей принятия подобных мер. Осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Передача какой-либо функции какому-либо другому органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии.

Л.А. Оноприенко отмечает: «Субсидиарность как принцип государственного управления, согласно которому управление и принятие решений должно осуществляться на наиболее низком из возможных уровней, получил свое теоретическое обоснование в социальной доктрине католической церкви. Для католиков субсидиарность является некой вариацией принципа солидарности с поправкой на сферу ее применения» [15, с. 179].

При изучении реализации принципа субсидиарности исследователи выявляют общие закономерности, обозначают критерии применимости рассматриваемого принципа, всегда презюмируя равный правовой и фактический статус подуровней публичной власти. Практика конституционно-правового диалога внутри системы публичной власти в России (в том числе между государственной властью и местным самоуправлением) убеждает нас, однако, в неравенстве уровней публичной власти и глубокой системной диспропорции их политических ролей. И.В. Выдрин и В.В. Руденко (Эмих) замечают: «Предметы ведения муниципалитетов всех типов определяются исключительно федеральной властью... Финансовые источ-

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50. Ст. 8039.

ники, наполняющие местные бюджеты, регулируются государством. И таких примеров, свидетельствующих о том, что якобы бесконтрольное местное самоуправление существует по правилам, диктуемым государством, достаточно» [16, с. 84].

Если принять в качестве исходного пункта утверждение о том, что субсидиарность – это «принцип, в соответствии с которым даже самые маленькие территориальные, социальные и политические единицы могут иметь все права, в которых они нуждаются, для того чтобы регулировать свои собственные дела свободно и эффективно» [17, с. 38], придется столкнуться с вопросом: что понимается под свободным и эффективным регулированием собственных дел? Как определить объем компетенции публично-правовых субъектов, чтобы достичь максимальной свободы и эффективности такого регулирования? Опыт зарубежных стран предлагает систему тестов, позволяющую на практике применять принцип субсидиарности. Как отмечает О.И. Пименова, действие теста требует одновременного применения двух критериев: критерия достаточности средств, находящихся в распоряжении, и критерия лучшего достижения цели предполагаемого действия [18, с. 12].

Возможно, в практике реализации принципа следует обращать внимание не столько на готовность публично-правового субъекта низшего порядка своими силами эффективно решать объем публично-властных задач, сколько на готовность публично-правового субъекта высшего порядка (федеративного или регионального государства – в нашем случае) предоставить эти права (полномочия) без ущерба для себя.

Также незаслуженно лишен изучения фактор стабильности субъекта высшего порядка. В период формирования новой системы федеративных отношений в России, когда субъекты Российской Федерации оказались в нестабильном с точки зрения разграничения компетенции и политического влияния положении, систематическими стали попытки региональных органов включить местное самоуправление в систему государственной власти или установить над ним абсолютный контроль (например, Курское дело [19], Удмуртское дело [20, с. 33–34]). Нестабильность также может обуславливать сокращение организационной обособленности местного самоуправления.

Для сохранения равновесия между централизацией и субсидиарностью в общении между уровнями публичной власти могут применяться различ-

ные средства, обеспечивающие мобильность их компетенции. В России такими средствами выступают наделение органов власти или местного самоуправления отдельными государственными полномочиями [21, с. 454–461], переданными с другого уровня власти, или перераспределение полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти. Несмотря на то, что упомянутые инструменты в целом обеспечивают гибкость системы публичной власти, они не лишены недостатков: ввиду неполной определенности в сфере компетенции уровень местного самоуправления вынужден постоянно изыскивать финансовые ресурсы для решения задач [22].

4. Глокализация и потенциал местного самоуправления

Глобальные ценности и ориентиры не могут доминировать во всех сферах в полном объеме. На местном уровне наблюдается тяга к сохранению традиций, правил в сфере образования, семейных ценностей, культуры, языка. В этой связи местное самоуправление может стать барьером всеобщей глобализации, местом сохранения локальных интересов и традиций, развития глокализации как явления, способного обеспечить учет различных интересов.

Роль местного самоуправления в преобразовании современных государств следует оценивать объективно, с учетом целей и задач, которые стояли при формировании этого уровня власти и при развитии самоорганизации граждан в настоящее время. В России местное самоуправление было заявлено «сверху» в качестве инициативы федерального уровня власти. Такой способ учреждения местного уровня власти безусловно определяет необходимость законодательного оформления организационной обособленности органов местного самоуправления и органов государственной власти, наделения предметами ведения (при условии, что ранее они относились к сфере органов государственной власти). Государство не только должно обеспечить местное самоуправление властными полномочиями, но и создать гарантии и условия [23, с. 241–245] для возможного решения соответствующих вопросов самим населением через реализацию самоуправления. Можно ли жестко отделить местное самоуправление от государственной власти? Ответ очевиден. Учитывая, что местное самоуправление является неким продолжением государственной власти, только на низшем территориальном уровне, принципиально недопустимо говорить об отделении местного самоуправления от государственной власти.

Современные государства выбирают разные модели внутренней организации местного самоуправления и разные варианты взаимодействия с органами публичной власти [24, р. 7]. Допуская разнообразие на местном уровне, следует признать, что почти во всех странах сегодня наблюдается тенденция к унификации управления на уровне муниципалитетов.

В поисках оптимального варианта развития местного самоуправления не стоит рассматривать формирование данного уровня власти, организацию конкретных органов в политической системе, разграничение функций между ними, формирование демократических институтов как окончательную цель с учетом проводимых преобразований всей публичной власти и глобальных изменений. После денонсации Европейской Хартии местного самоуправления говорить о необходимости соблюдения европейских стандартов отпала необходимость. При этом сегодня пришло осознание необходимости в первую очередь обеспечивать высокий уровень жизни граждан, наделять органы местного самоуправления финансовыми и организационными ресурсами, позволяющими совершенствовать управление муниципальными образованиями. Это может быть обеспечено только при укреплении взаимодействия органов разных уровней публичной власти.

Следует согласиться с Г.Н. Чеботаревым, настаивающим на том, что направления эффективного взаимодействия органов публичной власти должны быть прописаны в основах государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления и в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [25]. Представляется, что в названных актах должны быть прописаны и те принципы, которые установлены международными стандартами.

Современные тенденции развития технологий, изменения климата, увеличения количества вооруженных конфликтов, возникновения территорий, непригодных для качественного проживания, глобализации в экономической, политической, социальной сферах безусловно ставят вопросы перед публичной властью в части преодоления кризисов. Не малую роль в этом придется сыграть местному самоуправлению. Ситуация осложняется возникновением отношений, требующих экстренного правового регулирования, что нередко приводит к сверхчастому внесению поправок в действующие законы, возникно-

вению в большом количестве подзаконных актов, принимаемых в упрощенной процедуре без участия населения, противоречиям и коллизиям в праве.

Признавая потенциал местного самоуправления, федеральный уровень публичной власти принимает усилия по развитию отдельных видов территорий, сфер совместной ответственности с органами местного самоуправления. Так, федеральными органами публичной власти уделяется внимание развитию сельских территорий, где проживает более 30 млн чел., заявляются новые подходы к социально-экономическому развитию этих территорий (здравоохранение, культура, образование). С 2020 г. работает государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», в рамках которой идет постоянный поиск развития системы государственной поддержки. Планируется создание сельских агломераций. Значимым является развитие комфортной городской среды в малых городах. Для обеспечения комфортных условий жизни населения этих городов инициирован федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и др.

По итогам работы Совета по развитию местного самоуправления 20 апреля 2023 г. в целях развития муниципального управления разрабатываются единые стандарты организации работы местных администраций с учетом лучших региональных практик оптимизации управленческих процессов и внедрению таких стандартов.

Предложено рассмотреть варианты внедрения дополнительных нормативов отчислений в местные бюджеты от федеральных и региональных налогов и сборов. Минэкономики подготовило концепцию внедрения инвестиционного стандарта для муниципалитетов – разработка и контроль показателей эффективности (количество запущенных и планируемых проектов, объем инвестиций и др.).

Приостановлены процедуры по преобразованию унитарных предприятий в акционерные общества или общества с ограниченной ответственностью до 15 января 2025 г. В связи с этим перспективным видится развитие муниципально-частного партнерства, развития рынка коммунальных услуг.

Одновременно рекомендовано определить федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере координации разработки, согласования, утверждения и реализации мероприятий, предусмотренных долгосрочными планами социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих территорий, установить

правила разработки, согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития опорных населенных пунктов и прилегающих территорий. Несколько иначе эти же вопросы прозвучали на заседании Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания 6 июня 2023 г., где было дано поручение определить федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития местного самоуправления, а также координацию мероприятий по государственной поддержке муниципальных образований. Совет Федерации предлагает вернуться к некой вариативности и установить воз-

можность закрепления в уставе муниципального образования права представительного органа муниципального образования на участие в формировании местной администрации, в том числе в утверждении или согласовании назначения на должность заместителей главы местной администрации, руководителей отраслевых (функциональных) и территориальных органов местной администрации.

Таким образом, хотя конституционная реформа 2020 г. прочно заложила фундамент для теории в части понимания уровней публичной власти, практическая часть реализации реформы в части взаимодействия уровней еще только набирает обороты, привнося дополнения в российское законодательство и, как следствие, новое видение единой системы публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова Н. Ф. Необходимость цифровизации государственного управления в РФ / Н. Ф. Попова // Административное право и процесс. – 2020. – № 2. – С. 48–53.
2. Вопросы теории и практики публичной власти : коллектив. моногр. / отв. ред. А. Н. Кокотов. – Екатеринбург : Изд-во УргЮА, 2005. – 232 с.
3. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование / В. Е. Чиркин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 336 с.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – Т. 2. – 912 с.
5. Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С.А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» / Н. М. Добрынин // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 22–33.
6. Современные проблемы организации публичной власти : коллектив. моногр. / под ред. С. А. Авакьяна. – М. : Юстицинформ, 2014. – 596 с.
7. Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 32–44.
8. Мигущенко О. Н. Народовластие и единая система публичной власти / О. Н. Мигущенко // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2022. – № 2. – С. 5–10.
9. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право : моногр. / А. Н. Кокотов. – репр. изд. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 192 с.
10. Киреева Е. Ю. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти / Е. Ю. Киреева, Л. А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 62–67.
11. Авакьян С. А. Местное самоуправление как форма публичной власти: конституционные ожидания и реальные конструкции / С. А. Авакьян // Юридический мир. – 2020. – № 1. – С. 15–20.
12. Кожевников О. А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации / О. А. Кожевников // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 1. – С. 69–73.
13. Романенко К. Е. Государственный Совет в системе публичной власти Российской Федерации / К. Е. Романенко // Закон и право. – 2022. – № 11. – С. 49–55.
14. Чуклин А. В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории / А. В. Чуклин // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 11–14.
15. Оноприенко Л. А. Принцип субсидиарности и его отражение в социальной доктрине католической церкви / Л. А. Оноприенко // PolitBook. – 2014. – № 3. – С. 178–191.

16. Выдрин И. В. Принцип субсидиарности в организации местного самоуправления в России и Польше / И. В. Выдрин, В. В. Эмих // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2017. – Т. 17, вып. 2. – С. 71–99.
17. Пименова О. И. Субсидиарность как нравственная, философская и правовая категория / О. И. Пименова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 11 (84). – С. 37–47.
18. Пименова О. И. Федерализм и субсидиарность в системе внутригосударственных отношений: некоторые теоретико-практические аспекты их взаимодействия (на примере Российской Федерации) / О. И. Пименова // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 5–16.
19. Малышева А. Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации. Дело о проверке конституционности отдельных положений Устава Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав Курской области» / А. Малышева // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 4 (33). – С. 212–213.
20. Витрук Н. Конституционный принцип «верности федерации» в практике Конституционного Суда Российской Федерации / Н. Витрук // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 3 (44). – С. 22–38.
21. Шугрина Е. С. Муниципальное право : учеб. / Е. С. Шугрина. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 576 с.
22. Выдрин И. В. Эффективная работа муниципальной власти требует четко очерченных функций и полномочий: интервью с А. М. Чернецким / И. В. Выдрин // Муниципалитет: экономика и управление. – 2019. – № 3 (28). – С. 5–10.
23. Шайхуллин М. С. Конституционно-правовые гарантии развития местного самоуправления и основные критерии их классификации / М. С. Шайхуллин // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2021. – № 3 (7). – С. 237–249.
24. Local government in Europe: trends and developments (Government Beyond the Centre) / ed. by B. Richard, J. Stoker. – Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 1991. – 253 p.
25. Чеботарев Г. Н. Муниципальная власть в единой системе публичной власти / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 1. – С. 57–60.

REFERENCES

1. Popova N.F. The need for digitization of public administration in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2020, no. 2, pp. 48–53. (In Russ.).
2. Kokotov A.N. (ed.). *Issues of theory and practice of public authority*, Collective monograph. Yekaterinburg, Ural State Academy of Law Publ., 2005. 232 p. (In Russ.).
3. Chirkin V.E. *Public legal formation*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 336 p. (In Russ.).
4. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia. Educational course, Teaching aid*, in 2 volumes, 5th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020. 912 p. (In Russ.).
5. Dobrynin N.M. The people's governance and the sovereignty within the contemporary paradigm of the Russian constitutionalism: to the 10th anniversary of publication of “the starting point is the nation” by professor S.A. Avakyan. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 7, pp. 22–33. (In Russ.).
6. Avak'yan S.A. (ed.). *Modern problems of organizing public authority*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 596 p. (In Russ.).
7. Ebzeev B.S. The People, popular sovereignty and representation: doctrinal basis and constitutional practice. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2016, no. 4, pp. 32–44. (In Russ.).
8. Miguschenko O.N. The rule of the people and the unified public government system. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal Service: legal issues*, 2022, no. 2, pp. 5–10. (In Russ.).
9. Kokotov A.N. *Confidence. Mistrust. Law*, Monograph, reprint. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2023. 192 p. (In Russ.).
10. Kireeva E.Yu., Nudnenko L.A. Constitutional law grounds for the interaction between local self-government authorities and government authorities in the public government system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 3, pp. 62–67. (In Russ.).

11. Avakyan S.A. Local self-government as a form of public authority: constitutional expectations and real structures. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2020, no. 1, pp. 15–20. (In Russ.).
12. Kozhevnikov O.A. Local self-government bodies in the new structure of the unified system of public authority: issues of regulatory regulation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 1, pp. 69–73. (In Russ.).
13. Romanenko K.E. The state council in the system of public authority of the Russian Federation. *Zakon i pravo = Law & Legislation*, 2022, no. 11, pp. 49–55. (In Russ.).
14. Chuklin A.V. On the issue of arrangement of public authority in the federal territory. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 10, pp. 11–14. (In Russ.).
15. Onoprienko L.A. The principle of subsidiarity and its reflection in the social doctrine of the Catholic Church. *PolitBook*, 2014, no. 3, pp. 178–191. (In Russ.).
16. Vydrin I.V., Emikh V.V. Principle of subsidiarity in organization of self-government in Russia and Poland. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk = Research Yearbook Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 71–99. (In Russ.).
17. Pimenova O.I. Subsidiarity as a moral, philosophical and legal category. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2017, no. 11 (84), pp. 37–47. (In Russ.).
18. Pimenova O.I. Federalism and subsidiarity in the system of internal government relations: certain theoretical and practical aspects of their interaction (using the example of the Russian Federation). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 4, pp. 5–16. (In Russ.).
19. Malysheva A. Review of cases considered by the Constitutional Court of the Russian Federation. The case on checking the constitutionality of certain provisions of the Charter of the Kursk Region as amended by the Law of the Kursk Region of March 22, 1999 "On Amendments and Additions to the Charter of the Kursk Region". *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie = East European Constitutional Review*, 2000, no. 4 (33), pp. 212–213. (In Russ.).
20. Vitruk N. The constitutional principle of "loyalty to the federation" in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie = East European Constitutional Review*, 2003, no. 3 (44), pp. 22–38. (In Russ.).
21. Shugrina E.S. *Municipal Law*, Textbook, 5th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 576 p. (In Russ.).
22. Vydrin I.V. "Efficient performance of the municipal government requires clearly defined functions and powers": interview with A.M. Chernetsky. *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: economics and management*, 2019, no. 3 (28), pp. 5–10. (In Russ.).
23. Shaikhullin M.S. Constitutional and legal guarantees for the development of local self-government and the main criteria for their classification. *Ufimskii gumanitarnyi nauchnyi forum = Ufa humanitarian scientific forum*, 2021, no. 3 (7), pp. 237–249. (In Russ.).
24. Richard B., Stoker J. (eds.). *Local government in Europe: trends and developments (Government Beyond the Centre)*, Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan Publ., 1991. 253 p.
25. Chebotarev G.N. Municipal government in the single public government system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2022, no. 1, pp. 57–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блещик Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: bleszczyk@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9166-4432

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandr V. Bleshchik – PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional law
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: bleszczyk@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9166-4432
RSCI SPIN-code: 2386-2700; AuthorID: 1105849

SPIN-код РИНЦ: 2386-2700; AuthorID: 1105849

Калинина Екатерина Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: catherinekalinina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6483-9556

SPIN-код РИНЦ: 7007-3940; AuthorID: 961063

Несмеянова Светлана Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7640-9839

SPIN-код РИНЦ: 5954-0751; AuthorID: 394566

Ekaterina G. Kalinina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional law

Ural State Law University

21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

E-mail: catherinekalinina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6483-9556

RSCI SPIN-code: 7007-3940; AuthorID: 961063

Svetlana E. Nesmeyanova – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Constitutional law

Ural State Law University

21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7640-9839

RSCI SPIN-code: 5954-0751; AuthorID: 394566

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Блещик А.В. Уровни (центры) публичной власти: современное прочтение теории и практики / А.В. Блещик, Е.Г. Калинина, С.Э. Несмеянова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 53–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Levels (centers) of public authority: modern interpretation of theory and practice. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 53–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62. (In Russ.).

БЮДЖЕТНЫЙ МЕТОД ВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА: НОРМОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СВЕТЕ РАСШИРЕНИЯ СОСТАВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Х.В. Пешкова (Белогорцева)

Воронежский институт ФСИН России, г. Воронеж, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
02 августа 2023 г.
Дата принятия в печать –
04 октября 2023 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Бюджетный метод ведения
государственного хозяйства,
бюджетное устройство,
государственное устройство,
федерация, субъекты
Российской Федерации,
бюджетное регулирование,
доходы бюджета, расходы
бюджета

Рассмотрены процессы, происходящие в сфере бюджетного метода ведения государственного хозяйства – категории, характеризующей статус государства в сфере публичных финансов. Содержание предмета исследования раскрыто с позиции обновления состава субъектов Российской Федерации – вхождения в ее состав новых субъектов, а именно Республики Крым, города федерального значения Севастополя, Донецкой и Луганской народных республик. Обосновано, что процессы, связанные с модификацией состава территориальных образований, влияют на подходы к организации власти, нормотворчество и правоприменительную практику в сфере публичных финансов. Показано влияние военной обстановки на законодательное регулирование бюджетного метода ведения государственного хозяйства.

THE BUDGETARY METHOD OF STATE GOVERNANCE: RULE-MAKING AND LAW ENFORCEMENT IN THE LIGHT OF THE EXPANSION OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Christina V. Peshkova (Belogortseva)

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russia

Article info

Received –
2023 August 02
Accepted –
2023 October 04
Available online –
2024 June 20

Keywords

Budgetary method of state
governance, budgetary structure,
state structure, federation,
constituent entities of the Russian
Federation, budget regulation,
budget revenues, budget
expenditures

The subject of the article. In this article, the processes observed in the sphere of the budgetary method of conducting the state economy – the most important category characterizing the status of the state and territorial entities descending into its composition in the field of public finance are considered. The essence of this category is considered in relation to the budgetary structure of the state and the state structure. The budgetary method of state governance is investigated as a category corresponding to the financial and legal status of the modern Russian state – the Russian Federation. The content of the constituent entities of the study is disclosed from the position of updating the composition of the constituent entities of the Russian Federation – the entry of new constituent entities of the Federation into its composition over the last period, namely the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic.

Purpose. The influence of the military situation at the domestic and international levels on the legislative support of the modification of the budgetary method of state governance in the Russian Federation is shown, which was the main goal set by the author in this work.

The methodological basis of the article consists of general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and private scientific research methods (formal legal, comparative legal, concrete sociological, technical-legal, systemic-structural, historical-legal, logical, etc.).

Main results. The influence of the processes taking place in the sphere of the state structure of the Russian Federation, the administrative-territorial division of the state on the trends

and possible prospects of modification of the budgetary method of state governance – in terms of changing the approaches of rulemaking to the implementation of financial legal relations corresponding to the budget method and law enforcement practice in this area is considered. Special attention is paid to the modification of approaches to the organization of inter-budgetary relations in the renewed Russian Federation, the ways dictated by the legislator of the formation of budget revenues of new subjects of the Federation and the implementation of public expenditures.

Conclusions. The author substantiates that the processes associated with the modification of the composition of territorial entities within the Russian state have an impact not only on the approaches to the organization of power and management, the expansion of the structure of state bodies, but also on legal regulation and law enforcement practice in the field of public finance, the formation, redistribution and use of which is based on the implementation of the budgetary method of state governance.

1. Постановка проблемы и категориальный анализ

Бюджетный метод ведения государственного хозяйства, точнее, его нормативные основы и правоприменение в соответствующей сфере – явления, складывающиеся, наряду с развитием государства, постепенно, отнюдь не стихийно. Вместе с этим наблюдающиеся в российском государстве и обществе, на мировой арене процессы молниеносно внесли в финансово-правовое регулирование и практику немало новшеств. Это позволяет по-новому взглянуть на содержание категории «бюджетный метод ведения государственного хозяйства». К ее сущности автор уже обращался в своих работах [1; 2]. Однако российские и мировые реалии выступают объективным основанием не столько возвращения «обратно» к уже обоснованным выводам, сколько углубления подходов исследования названной категории вслед за последними событиями, предпринимаемая попытки прогнозировать перспективы ее модификации. Остро в современный период стоят вопросы вхождения в состав Российской Федерации территорий Украины, обуславливающие модификацию общественных отношений в сфере государственного устройства и связанных с ним сферах.

Бюджетный метод ведения государственного хозяйства («бюджетный метод») представляет собой организационно-правовой подход к реализации правоприменительной практики в области бюджета, основанный на финансово-правовом регулировании обслуживающих формирование и использование бюджета отношений. Как метод, применимый в финансовой деятельности государства, он носит комплексный характер: подразумевает ряд элементов, которым соответствуют самостоятельные, но не обособленные, а взаимосвязанные группы бюджетных и иных финансовых правоотношений (налоговых,

банковских, обслуживающих счет бюджета). Содержание бюджетного метода складывается из таких элементов, как, например, бюджеты бюджетной системы, имеющие двойкий статус – нормативно утверждаемые в режиме бюджетного процесса финансово-плановые акты и централизованные денежные фонды; формирование доходов бюджета (из налогов и иных источников) и расходы бюджета и др.

Элементы бюджетного метода связаны с пониманием бюджетного устройства государства. Оно представляет собой характеристику государства, основанную на нормативном правовом регулировании и управлении бюджетными ресурсами государства и территориальных образований в его составе, предполагающую установление их финансовой компетенции в связи с формированием доходов бюджета и использованием бюджетных средств в режиме расходов бюджета, поиском источников финансирования бюджетного дефицита, осуществлением бюджетного процесса и бюджетного контроля [2, с. 101].

В силу связанности с финансово-правовыми интересами как государства, так и территориальных образований в основу построения бюджетного устройства и подразумеваемых им требований к реализации бюджетного метода положено государственное устройство. Понятие государственного устройства связано с государственным суверенитетом, формированием органов власти с учетом административно-территориальной структуры государства [3, с. 20; 4, с. 10]. Традиционно по типу государственного устройства государства делятся на федерации и унитарные государства (выделяются и конфедерации как государства смешанного типа), различающиеся по степени самостоятельности территориальных образований, перспективами того, делит ли государство государственный суверенитет, в том

числе в области бюджета, между территориальными образованиями [5; 6, с. 20–34]. Поэтому между бюджетом как таковым и соответствующими свойствами государства имеют место взаимообратные связи. Как констатируется в литературе, любые изменения сущности государства, его характеристик, неизбежно оказывают влияние на государственный режим, форму правления и форму государственного устройства [5].

Подробно к типологии государственного устройства мы обращаться не будем, этой теме посвящено немало успешных исследований ученых разных периодов [6; 7, с. 87; 8; 9]. Обращено внимание и на тенденции и перспективы модификации конституционного статуса федеральных территорий применительно к российскому государству в связи с реалиями современных событий [10]. Автор также обратил внимание на указанную тему в исследовании становления бюджетного устройства государства [2, с. 124]. Однако уместно заметить, что от типа государственного устройства зависят правовой статус и степень свободы, усмотрения в принятии нормативных и иных юридически значимых решений территориальными образованиями; говоря в финансово-правовом ключе – бюджетная компетенция территориальных образований, развитие межбюджетных отношений между государственным «центром» и территориями, содержание принципов бюджетной системы, значимых для управления финансами. Как следствие, затрагивающие государственное устройство процессы – происходящие как внутри государства, так и на международном уровне, – неизбежно сказываются на бюджетном методе ведения государственного хозяйства, приводя к необходимости модифицировать финансово-правовое регулирование расширением системы государственных доходов и расходов (налогово-правовые нормы о новых видах обязательных платежей, усиливающие доходную базу бюджета; бюджетно-правовые нормы о новых видах расходов бюджета, перераспределении доходов и расходов между бюджетами разных уровней и т. д.), изменением подходов к бюджетному регулированию в связи с усиленной финансовой поддержкой территорий, расширением государственного финансового контроля и т. д.

В ответ на тенденции нормотворчества в сфере бюджетного метода развивается и правоприменительная практика. Иными словами, нормотворче-

ство и правоприменительная практика – явления, для которых характерны взаимообратные связи, и надо заметить, такое качество (взаимосвязи, прямые и обратные связи) присуще многим значимым для финансов понятиям и категориям, на что незамедлительно отреагировали политика, общественность, юридическая наука [11, с. 78–214]. (В данном случае мы имеем ввиду ту ситуацию, что, например, криптовалюта и электронные расчеты, получив применение в зарубежных государствах, приобретая мировое значение, в России также стали применяться, причем российское законодательство определило их правовой режим уже в ответ на тенденции и ожидаемые перспективы финансовой практики. И подобных примеров, когда национальное законодательство должно поспевать за реалиями складывающейся практики, в том числе приходящей в конкретное государство извне как полезный финансовый и организационный инструмент, немало.)

2. Влияние международной обстановки на государственное устройство России, бюджетный метод ведения государственного хозяйства: принципиальные перемены

Возвращаясь к начатым рассуждениям, что сущность бюджетного устройства государства predetermined государственным устройством, а модификация государственного устройства неизбежно влияет на нормотворчество и правоприменение в сфере бюджетного метода ведения государственного хозяйства, заметим, что российские реалии вновь подтверждают данный вывод. Начало XXI в. знаменовалось изменениями в государственном устройстве России. Принятые федеральные конституционные законы от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФКЗ 2014 № 6)¹, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (далее – ФКЗ 2022 № 5)² и от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» (далее – ФКЗ 2022

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 12. Ст. 1201; 2022. № 29. Ч. I. Ст. 5200.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6930.

№ 6)³ знаменовали модификацию российского государственного устройства в контексте изменения количества субъектов Российской Федерации, расстановки приоритетов в основах государственного строя и политики.

Увеличение количества субъектов в составе Российской Федерации неизбежно привело к расширению бюджетного и иного ориентированного на финансы отраслевого законодательства, формирующего нормативные основы бюджетного метода ведения государственного хозяйства в пределах новых территорий и на территории России, оказавшейся в условиях диверсификации бюджетной и финансовой системы. Так, названными федеральными конституционными законами Правительству РФ предписано со дня принятия новых субъектов Российской Федерации отрегулировать особенности реализации в их пределах такого элемента бюджетного устройства, как бюджетный процесс – в части установления требований к разработке проектов территориальных бюджетов, исполнению бюджетов, подготовке бюджетной отчетности для обеспечения применимости инструментария государственного контроля над ними.

Возложение на Правительство РФ задачи отрегулировать, как и смещение регулятивной роли в отношении соответствующей сферы на законодательство России в целом (вместо договоров международного характера), объясняется вполне обоснованным убеждением, что «государственные финансы – это чувствительная и сложная область для вмешательства наднациональных норм или международных соглашений» [12, с. 92].

Заметим, нормативные акты, в силу прямого указания федеральных конституционных законов адресованные новым субъектам федерации, Правительством РФ, как и органами государственной власти новых субъектов Российской Федерации, принимаются постепенно – в силу необходимости провести громоздкую по времени и трудовым усилиям работу, учесть объективно значимые территориальные нюансы. При этом от степени лояльности федеральных властей и внимания к территориальным потреб-

ностям и традициям зависит качество вновь принятых нормативных актов, их исполнимость. Притом что на «ошибки» региональных органов государственной власти в законодательстве Россия реагирует уже давно, подтверждение тому – развитая практика высших судов, и прежде всего Конституционного Суда РФ, по нормоконтролю (установление им несоответствия законов субъектов Российской Федерации Конституции РФ⁴ и т. д.), подобное мгновенное реагирование, всецело легитимное, в адрес новых субъектов Российской Федерации может привести к сложностям во взаимоотношениях федерального центра и субъектов, поэтому представляется недопустимым.

3. Новшества бюджетного нормотворчества в связи с расширением состава субъектов Российской Федерации

С учетом указанных моментов Правительством РФ в отношении новых субъектов федерации принят ряд постановлений бессрочного и срочного действия, нацеленных на разрешение проблем реализации бюджетного метода. В числе названных актов, например, постановления от 10 сентября 2014 г. № 922 «Об особенностях исполнения бюджета Республики Крым, бюджета г. Севастополя и местных бюджетов на 2015–2017 годы»⁵, от 22 декабря 2022 г. № 2377 «Об особенностях составления, рассмотрения и утверждения проектов бюджетов Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области, проектов бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов и местных бюджетов, а также исполнения указанных бюджетов и формирования бюджетной отчетности на 2023–2025 годы»⁶. В адрес субъектов Российской Федерации предусмотрены особенности бюджетно-правового регулирования в части сроков действия бюджетов «новых» республик, областей, территориальных внебюджетных фондов, а также расположенных в пределах «новых» субъектов Российской Федерации муниципальных образований. Например, проекты бюджетов Донецкой (далее – ДНР), Луганской (далее – ЛНР) народных республик, Запорожской и Хер-

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6931.

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области “О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области” в связи с запросом

Челябинского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46. Ч. II. Ст. 4509.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 38. Ст. 5063. (Утратил юридическую силу.)

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9638.

сонской областей, проекты бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов должны составляться и утверждаться на один год. Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2022 г. № 2377 (пп. «б» п. 1) предписано «не составлять проекты местных бюджетов», расходы же муниципальных бюджетов должны выступать в качестве «составной части в проектах бюджетов» ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области.

Указанные вновь принятые на федеральном уровне нормативные акты содержат бюджетно-правовые нормы, которые, с одной стороны, противоречат сложившимся на данный момент «реалиям» российского бюджетного метода ведения государственного хозяйства, уже отлаженного и проверенного временем – нормативному принятию трехлетнего бюджета (однако для местных бюджетов возможно утверждение бюджета на один финансовый год – ст. 169 Бюджетного кодекса (далее – БК) РФ). Но, с другой стороны – продиктованы объективными потребностями практики формирования и использования бюджетов новых субъектов Российской Федерации и бюджетов расположенных в их пределах муниципальных образований с молниеносным реагированием на ситуацию извне, в условиях затруднительности долгосрочного планирования в нестабильной финансовой обстановке. Что немаловажно, федеральное правило России «не составлять проекты местных бюджетов», адресованное муниципальным образованиям, расположенным в пределах ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, отчасти навеяно наследием украинского государства, в состав которого ранее входили данные территориальные образования. Финансово-правовое регулирование в Украине, отвечая потребностям и реалиям Украины как унитарного государства, такой существенной бюджетной самостоятельности для территориальных образований в его составе не предполагает, и в силу внутренних политических и финансовых противоречий затрудняло ориентироваться на «качественные» и «наполненные» территориальные бюджеты.

Изменения правового статуса территориальных образований и их органов власти в разных ас-

пектах и прежде всего по линии вхождения в состав иного государства не могут пройти безболезненно. В связи с этим, говоря в ракурсе заявленной темы, нельзя не заметить, что преобразования финансово-правовой составляющей статуса новых субъектов Российской Федерации в связи с подчинением новому для них законодательству осуществляются постепенно.

Так, ФКЗ 2014 № 6 предписывает, что до 1 января 2015 г. предусмотренные нормативными актами Крыма и Севастополя бюджетные доходы, включая налоговые и неналоговые платежи, подлежат зачислению в бюджет Республики Крым, бюджет города федерального значения Севастополь и местные бюджеты (ст. 13). До этой же даты в пределах названных территорий практика реализации государственного финансового контроля (а именно его вида – налогового контроля) основывалась на законах Крыма и Севастополя. После этой предусмотренной законом даты реализация бюджетного метода в Крыму и Севастополе должна подчиняться законодательным актам России, в том числе в части установления системы доходов бюджетов, их перераспределения между бюджетами в порядке бюджетного регулирования, подходов к государственному финансовому контролю и привлечения к ответственности и т. д. Этому корреспондирует правило, что, например, законодательство России о налогах и сборах применяется на новых территориях с 1 января 2015 г. в силу прямого указания закона (ч. 1 ст. 15 ФКЗ 2014 № 6). При этом указанные территориальные образования вошли в состав Российской Федерации на основании Договора от 18 марта 2014 г.⁷, ратифицированного Федеральным законом от 21 марта 2014 г. № 36-ФЗ⁸, т. е. до указанной выше даты.

Тем самым имеет место временной разрыв (с марта 2014 г. до января 2015 г.) между принятием в состав Российской Федерации новых субъектов и моментом начала применения на их территории законодательства Российской Федерации о бюджете и налогообложении. Это позволяет в Крыму и Севастополе постепенно отладить ведение бюджетного метода на основании подходов, отвечающих традициям и реалиям России. И надо заметить, такой пе-

⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. Подписан 18 марта 2014 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6.

⁸ Федеральный закон от 21 марта 2014 г. № 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 12. Ст. 1202.

риод снижает риск последствий быстроты принятия решений относительно модификации регионального законодательства, связанный с его возможным недостаточно высоким уровнем отлаженности, неучетом территориальных потребностей и особенностей. Заметим, что федеральное законодательство России стоит на подходах учета национальных традиций и территориальных особенностей разных территориальных образований в составе российского государства уже давно, позволяя « народам самоопределяться », на региональном уровне вносить коррективы в регулирование отраслей, но в конституционно очерченных пределах нормотворчества для субъектов Российской Федерации [13; 14].

Для сравнения, ФКЗ 2022 № 5 (ст. 15), в сравнении с ситуацией с законодательством в Крыму, не предусматривает существенных временных отсрочек в применении на территории ДНР законодательства Российской Федерации, например о налогах и сборах, налоговом контроле и налоговой ответственности, — оно подлежит применению уже с 1 января 2023 г. (названный закон вступил в силу со дня вступления в силу Договора между Российской Федерацией и ДНР о принятии в Российскую Федерацию ДНР и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, подписанного 30 сентября 2022 г.⁹ и ратифицированного Федеральным законом от 4 октября 2022 г. № 372-ФЗ¹⁰). Однако названный закон предусматривает временные особенности применения на территории ДНР законодательства России, регулирующего взимание платы за негативное воздействие на окружающую среду и экологического сбора — с 1 января 2026 г. (ст. 26). Это отвечает тенденциям внимания к национальным особенностям ведения деятельности предприятиями и организациями.

Таким образом, нормотворчество в сфере финансов, бюджета и налогообложения идет по тому пути, что дается время для модификации правового регулирования в новых субъектах Российской Федерации, чтобы обеспечить соответствие практики реализации в них финансовых и иных правоотношений единству юридических подходов в реализации бюджетного метода в пределах территории Российской Федерации.

Заметим, что применительно к модификации бюджетного метода на территории ДНР в условиях

ее включения в состав России ФКЗ 2022 № 5 предписывает применение с 1 января 2023 г. на территории нового субъекта федерации бюджетного законодательства Российской Федерации в целом, без уточнения и привязки к конкретным элементам бюджетного устройства — будь то доходам бюджета, расходам бюджета и т. д. (ст. 16). Это объясняется усилением напряженности международной обстановки, требующей незамедлительных коренных преобразований в ДНР.

4. Расширение состава субъектов Российской Федерации и модификация нормативных подходов к базовым финансово-правовым категориям и практике в сфере публичных финансов

Для модификации денежного обращения на территориях новых субъектов Российской Федерации с учетом его устоявшейся российской юридической основы отведено значительно меньше времени, нежели на регламентацию бюджетных и налоговых отношений. На территориях Республики Крым и Севастополя разрешалось обращение денежной единицы Украины для осуществления расчетов лишь до 1 июня 2014 г. (ст. 16 ФКЗ 2014 № 6). В ДНР с 1 января 2023 г. расчетные отношения, денежное обращение должны быть организованы в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 19 ФКЗ 2022 № 5). Денежное обращение, не будучи в буквальном виде элементом бюджетного устройства, тем не менее имеет прямое отношение к бюджетному методу ведения государственного хозяйства, выступая гарантом платежной и финансовой дисциплины в целом.

Принятие в состав Российской Федерации новых субъектов послужило фактором развития и межбюджетных отношений в целях оказания им финансовой поддержки из федерального бюджета. Межбюджетные отношения традиционно понимаются как вид финансовых правоотношений, обеспечивающих распределение бюджетных ресурсов между территориальными образованиями, а также урегулирование формирования и использования бюджетов, бюджетного процесса с учетом интересов и потребностей территориальных образований разных уровней [15 с. 4–29; 16, с. 32; 17, с. 142; 18, с. 5–78]. Соответственно, в нормотворческой практике в сфере бюджетного метода возникла необходимость формулирования инструментария оказания финан-

⁹ Бюллетень международных договоров. 2022. № 12.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6934. (Начало применения закона — 5 октября 2022 г.)

совой поддержки Крыму и Севастополю, ДНР, ЛНР из федерального бюджета, уточнения этого инструментария при уже отлаженных за много лет подходах российского законодательства к организации межбюджетных отношений между Российской Федерацией и ее субъектами (гл. 16 БК РФ). И это уточнение осуществлено не БК РФ как главным актом бюджетного законодательства, а федеральными конституционными законами о принятии новых субъектов в состав Российской Федерации (ст. 14 ФКЗ 2014 № 6; ст. 35 ФКЗ 2022 № 5; ст. 35 ФКЗ 2022 № 6). Такой подход оправдан вновь возникшими реалиями и не характерен для юридических основ бюджетного метода ведения государственного хозяйства в России: до принятия названных федеральных конституционных законов и возникновения такой, по сути, экстремальной ситуации во взаимоотношениях со странами ближнего зарубежья указанные вопросы унифицированно регулировались именно БК РФ, обезличенно, без привязки к конкретным субъектам федерации. Но реалии политики в сфере государственного устройства продиктовали свое, и России пришлось отчасти уйти от подходов унифицированной регламентации межбюджетных отношений с новыми субъектами федерации, дабы поддержать федеральными финансами новые территории и проживающее на них население.

В соответствии с потребностями нормотворческой практики финансового планирования на конкретный период, регулирование межбюджетных отношений между Российской Федерацией и Крымом, Севастополем, ДНР, ЛНР осуществляется федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и двухгодичный плановый период (например, приложение 12 Федерального закона от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»¹¹). Закон о бюджете базируется на БК РФ и положениях федеральных конституционных законов о принятии в состав России новых субъектов. Учет в данном случае положений БК РФ в дополнение к все-таки базовым в конкретном случае положениям названных федеральных конституционных законов объясняется тем, что подходы российского законодательства к регламентации финансовых отношений отличаются единообразием и отлаженностью, допускается отступление от них в условиях ситуаций, оправданных чрезвычайными обстоятельствами, которые имеют

место в конкретный период. Более того, в ст. 14 ФКЗ 2014 № 6 закреплена, по сути, норма срочного действия о финансовой поддержке Крыма и Севастополя в 2014 г. Соответственно, за пределами данного года есть необходимость к названным субъектам федерации применять уже отлаженное законодательство России.

Что касается межбюджетных отношений Российской Федерации и ДНР, ЛНР, то ФКЗ 2022 № 5 (ст. 35) и № 6 (ст. 35) также закрепляют норму срочного действия, согласно которой Россия оказывает финансовую поддержку республикам из средств федерального бюджета до 1 января 2026 г. На наш взгляд, такие нормы носят, скорее, гарантийный характер в адрес конкретных субъектов Российской Федерации. Как показывают тенденции межбюджетных отношений между Российской Федерацией и входящими в ее состав субъектами, подобная поддержка в режиме бюджетного регулирования оказывается ежегодно в формах и на условиях, предусмотренных БК РФ.

Возвращаясь к рассуждениям о срочном характере норм, предусматривающих финансовую поддержку новых субъектов федерации, отметим, что такие правила, хотя и идут вразрез с устоями бюджетного метода ведения государственного хозяйства России с уже стабильными подходами к организации межбюджетных отношений, тем не менее служат юридическим основанием — возможностью срочного реагирования на потребности новых территорий. И такой реалии во взаимоотношениях федерального центра и новых регионов вторит норма и о модификации бюджетного процесса на федеральном уровне: в течение переходного периода Правительство РФ вправе вносить изменения в показатели сводной бюджетной росписи федерального бюджета без внесения изменений в закон о бюджете на текущий год в случае оказания финансовой поддержки ДНР (ч. 2 ст. 35 ФКЗ 2022 № 5). Если руководствоваться соображениями законодательной техники [19, с. 19], подобное правило было бы уместным включить в БК РФ. Но в условиях военного времени перераспределение норм между БК РФ и федеральными конституционными законами не является следствием неразберихи и хаоса в законодательстве, а служит показателем быстрого реагирования законодателя на ситуацию.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 50. Ч. I. Ст. 8760.

5. Заключение

Модификация бюджетного метода ведения государственного хозяйства и бюджетного устройства находится в прямой зависимости от процессов, происходящих в государственном устройстве. И не только по линии того неоспоримого факта, что реформирование государственного устройства, административно-территориального деления меняет структуру бюджетной системы, но и по линии пересмотра подходов государственного хозяйства к финансовым и иным отношениям. Необходимо на ближайшую перспективу урегулировать вопросы изыскания бюджетных средств для поддержки территорий, логичной и возможной экономии бюджета в ситуации неоспоримых затрат на функции государства (в условиях, когда бюджет России приобрел черты военного бюджета [20]). Проведенное исследование

подтвердило применительно к конкретной сфере – публичным финансам, – что конфликты сказываются на нормотворчестве и правоприменительной практике, требуя разрешить их в правовом поле [21].

Расширение бюджетной системы Российской Федерации включением бюджетов новых субъектов федерации поставило не только немало вопросов, требующих незамедлительного разрешения, но и открыло новые перспективы для модификации подходов бюджетного метода ведения государственного хозяйства в связи развитием межбюджетных отношений, учитывающих нюансы правового положения и сложных условий хозяйствования в новых субъектах федерации, необходимость финансовой поддержкой создать экономические и финансово-правовые гарантии защиты граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пешкова Х. В. Бюджетный метод ведения государственного хозяйства как фундаментальная категория науки финансового права / Х. В. Пешкова // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 44–55.
2. Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства / Х. В. Пешкова. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 315 с.
3. Румянцев О. Р. Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления / О. Р. Румянцев. – М. : Юрист, 1994. – 285 с.
4. Чертков А. Н. Территориальное устройство РФ. Правовые основы / А. Н. Чертков. – М. : ИЗСП, 2009. – 344 с.
5. Дмитриев Ю. А. Классификация форм государственного устройства: методологический аспект / Ю. А. Дмитриев // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 13–21.
6. Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Грачев. – Волгоград, 2009. – 540 с.
7. Жилин А. А. Теория союзного государства / А. А. Жилин. – Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1912. – 359 с.
8. Касаткина Н. А. Формы государственного устройства современности: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Касаткина. – Белгород, 2015. – 199 с.
9. Снетков В. Н. Факторы, влияющие на становление форм государственного устройства / В. Н. Снетков, Н. А. Фомина // Terra Linguistica. – 2011. – Вып. 4. – С. 61–65.
10. Васильева Н. В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования / Н. В. Васильева, С. В. Паскова, Ю. В. Пятковская // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 124–140. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).124-140.
11. Горбунова О. Н. Избр. / О. Н. Горбунова. – М. : РГУП, 2017. – 543 с.
12. Шохин С. О. «Институты вместо правил»: механизм проведения единой финансовой политики в Европейском Союзе / С. О. Шохин // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 92–99.
13. Задорин М. Ю. Базовые элементы права на самоопределение коренных народов и их отражение в международных кейсах / М. Ю. Задорин, Е. Ф. Гладун // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 121–138. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).121-138.
14. Платонов В. М. Об опережающей роли законотворчества субъектов РФ / В. М. Платонов // Современное право. – 2009. – № 9. – С. 34–36.
15. Бочкарева Е. А. Финансовая помощь субъектам РФ и муниципальным образованиям: вопросы теории и правового регулирования / Е. А. Бочкарева. – Краснодар : Перспективы образования, 2007. – 176 с.

16. Вершило Т. А. Муниципальное образование как субъект межбюджетных отношений / Т. А. Вершило. – М. : РАП, 2010. – 184 с.
17. Селюков А. Д. Правовое регулирование межбюджетных отношений в РФ / А. Д. Селюков. – М. : Нац. ин-т бизнеса, 2003. – 432 с.
18. Ткаченко Р. В. Бюджетное регулирование в Российской Федерации / Р. В. Ткаченко. – М. : НОРМА, 2022. – 400 с.
19. Керимов Д. А. Законодательная техника / Д. А. Керимов. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 122 с.
20. Комягин Д. Л. К вопросу о понятии военного бюджета / Д.Л. Комягин // Финансовое право. – 2008. – № 2. – С. 12–16.
21. Ветренко И. А. Политические конфликты и современные методы их разрешения в правовом поле: потенциал и ограничения / И. А. Ветренко, А. А. Ковалев // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 33–48. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).33-48.

REFERENCES

1. Peshkova H.V. Budgetary method of conducting state economy as a fundamental category of the science of financial law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 6, pp. 44–55. (In Russ.).
2. Peshkova Kh.V. *Theoretical and legal foundations of the budgetary structure of the state*. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 315 p. (In Russ.).
3. Rumyantsev O.R. *Fundamentals of the constitutional system of Russia: the concept, content, issues of formation*. Moscow, Yurist Publ., 1994. 285 p. (In Russ.).
4. Chertkov A.N. *Territorial structure of the Russian Federation. Legal foundations*. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2009. 344 p. (In Russ.).
5. Dmitriev Yu.A. Classification of forms of government: methodological aspect. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2011, no. 6, pp. 13–21. (In Russ.).
6. Grachev N.I. *State structure and sovereignty in the modern world: issues of theory and practice*, Doct. Diss. Volgograd, 2009. 540 p. (In Russ.).
7. Zhilin A.A. *Theory of the Union state*. Kyiv, I.I. Chokolov Publ., 1912. 359 p. (In Russ.).
8. Kasatkina N.A. *Forms of the state structure of modernity: theoretical and legal research*, Cand. Diss. Belgorod, 2015. 199 p. (In Russ.).
9. Snetkov V.N., Fomina N.A. Factors influencing the formation of forms of government. *Terra Linguistica*, 2011, iss. 4, pp. 61–65. (In Russ.).
10. Vasilyeva N.V., Praskova S.V., Pyatkovskaya Yu.V. The constitutional status of federal territories in Russia: theoretical foundations of legislative regulation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 124–140. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).124-140.
11. Gorbunova O.N. *Selected*. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2017. 543 p. (In Russ.).
12. Shokhin S.O. "Institutions instead of rules" the mechanism for conducting a unified financial policy in the European Union. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 1, pp. 92–99. (In Russ.).
13. Zadorin M.Yu., Gladun E.F. Basic elements of the right to self-determination of indigenous peoples and their reflection in international cases. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 121–138. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).121-138.
14. Platonov V.M. On the leading role of lawmaking in the subjects of the Russian Federation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2009, no. 9, pp. 34–36. (In Russ.).
15. Bochkareva E.A. *Financial assistance to the subjects of the Russian Federation and municipalities: issues of theory and legal regulation*. Krasnodar, Perspektivy obrazovaniya Publ., 2007. 176 p. (In Russ.).
16. Vershilo T.A. *Municipal formation as subjects of inter-budgetary relations*. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2010. 184 p. (In Russ.).
17. Selyukov A.D. *Legal regulation of inter-budgetary relations in Russian Federation*. Moscow, National Business Institute Publ., 2003. 432 p. (In Russ.).
18. Tkachenko R.V. *Budget regulation in the Russian Federation*. Moscow, Norma Publ., 2022. 400 p. (In Russ.).
19. Kerimov D.A. *Legislative technique*. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. 122 p. (In Russ.).

20. Komyagin D.L. On the question of the concept of the military budget. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2008, no. 2, pp. 12–16. (In Russ.).

21. Vetrenok I.A., Kovalev A.A. Political conflicts and modern methods of their resolution in the legal field: potential and limitations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 33–48. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6 (3).33-48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешкова (Белогорцева) Христина Вячеславовна
– доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовно-процессуальных и администра-
тивно-правовых дисциплин

Воронежский институт ФСИН России
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1а
E-mail: peshkova1@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 9250-3868; AuthorID: 664983

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Christina V. Peshkova (Belogortseva) – Doctor of Law,
Associate Professor; Professor, Department
of Criminal Procedure and Administrative Legal
Disciplines

*Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia*
1a, Irkutskaya ul., Voronezh, 394072, Russia
E-mail: peshkova1@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 9250-3868; AuthorID: 664983

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пешкова (Белогорцева) Х.В. Бюджетный метод ве-
дения государственного хозяйства: нормотворче-
ство и правоприменение в свете расширения со-
става субъектов Российской Федерации / Х.В. Пеш-
кова (Белогорцева) // Правоприменение. – 2024. –
Т. 8, № 2. – С. 63–72. – DOI: 10.52468/2542-1514.
2024.8(2).63-72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Peshkova (Belogortseva) Ch.V. The budgetary
method of state governance: rule-making and law
enforcement in the light of the expansion of the
constituent entities of the Russian Federation.
Pravoprimerenie = Law Enforcement Review, 2024,
vol. 8, no. 2, pp. 63–72. DOI: 10.52468/2542-1514.
2024.8(2).63-72. (In Russ.).

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО: В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Е.Л. Васянина

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
27 июля 2023 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Финансовое право, отрасль
права, интегративная концепция
права, экономика, финансы,
доходы, расходы, бюджет,
банки, кредит

Предпринята попытка формирования современного подхода к пониманию природы финансового права, отвечающего экономическим вызовам. Сделаны выводы о том, что обновленная правовая модель финансовых отношений формируется посредством активизации процесса взаимопроникновения частного и публичного права, развитие которого оправдывается задачами юридической техники. Отказ от отраслевого подхода к праву, сформированного в 1930-е гг., в пользу интегративной модели строения права позволяет рассматривать финансовое право как систему регулятивных комплексов в юридическом отношении опосредствующих финансово-кредитный механизм национальной экономики. Правовыми инструментами, обеспечивающими достижение целей функционирования финансово-кредитного механизма государства, являются: принципы государственного управления; административные процедуры, а также конструкция финансового обязательства.

FINANCIAL LAW: SEARCHING ANSWERS TO CONTEMPORARY ECONOMIC CHALLENGES

Elena L. Vasyanina

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –
2023 July 27
Accepted –
2024 March 20
Available online –
2024 June 20

Keywords

Financial law, branch of law,
integrative concept of law,
economics, finance, income,
expenses, budget, banks, credit

The subject. Scientists face a serious task related to the formation of a modern model of financial law that will ensure the financial sovereignty of the state.

The purpose. The author attempts to form a modern approach to understanding the nature of financial law that meets economic challenges.

Methodology. The use of general logical research methods, including analysis and synthesis, the formal legal method.

Main results. The updated legal model of financial relations, aimed at creating a full-fledged mechanism of financial and legal regulation, can be formed by activating the process of convergence of private and public law, the development of which is justified by the tasks of legal technology. The rejection of the sectoral model of law, formed in the 1930s, in favor of the integrative structure of law allows us to consider financial law as a system of regulatory complexes that legally mediate the financial and credit mechanism of the national economy. The unifying basis for the formation of regulatory complexes covered by financial law are such key aspects as: the independent object and purpose of legal regulation of the relevant group of financial relations; the range of subjects of legal relations arising in the sphere of functioning of the financial and credit mechanism of the state; management tools used by the state and means used by participants in civil turnover to protect the right to dispose of finances.

Conclusions. The legal instruments that ensure the achievement of the goals of the functioning of the financial and credit mechanism of the contemporary state are: principles of public administration; administrative procedures, as well as the construction of a financial obligation.

1. Введение

Сегодня перед представителями юридической науки стоит серьезная задача, связанная с формиро-

ванием современной модели финансового права, основанной на выработанных в правовой доктрине теориях понимания права, способной урегулировать

процесс структурной трансформации экономики и обеспечить укрепление финансового суверенитета государства.

Потребность в разработке обновленной правовой модели финансовых отношений вызвана прежде всего ростом антироссийской риторики, появлением новых закономерностей, условий и факторов развития финансовой системы государства.

В условиях беспрецедентного санкционного режима в отношении России в финансовое законодательство вносится огромное количество поправок. Однако проведенный анализ позволяет констатировать, что создание правовых условий развития современной финансовой архитектуры, как правило, происходит посредством принятия законодательных актов под конкретные экономические потребности и политические решения государства. А в отдельных случаях положения финансового права не находят своей реализации в сфере функционирования финансовой системы, что, как справедливо отмечается в юридической литературе, превращает право в ничто [1], уничтожает его.

Усложнение проблем, возникающих в сфере правового регулирования финансовых отношений, ведет к повышению роли науки в их изучении. Однако сформированные в финансово-правовой доктрине противоречивые представления ученых о природе финансового права не способствуют выработке правового инструментария, обеспечивающего финансовую стабильность государства.

На основе анализа финансового законодательства и практики его применения, с учетом разработанных теорий понимания права в рамках настоящей статьи предпринята попытка определить направления развития обновленной модели финансового права, отвечающей современным экономическим вызовам.

2. Влияние отраслевого подхода к праву на развитие механизма финансово-правового регулирования

Серьезное влияние на развитие современного финансово-правового механизма оказал сложившийся в 1930-е гг. отраслевой подход к праву [2], сопровождающийся развитием «...предложенного А.Я. Вышинским позитивистского типа правопонимания, в основе которого лежит отождествление права и закона» [3, с. 657]. В результате в юридической литературе активное развитие получила точка зрения об отраслевой самостоятельности финансового права. Однако, поскольку в отраслевую модель права некоторые отрасли права, включая финансовое право, не укладывались, правовая доктрина

была дополнена положениями о комплексных интегративных образованиях [4, с. 105], а одна из выработанных учеными позиций состояла в признании финансового права в качестве комплексного правового образования [5, с. 81].

Сегодня становится очевидно, что приверженность на протяжении нескольких десятилетий отраслевому подходу к праву привела к обособленному правовому регулированию отдельных элементов финансового механизма государства, к числу которых относятся денежная эмиссия, бюджет, налоги, кредит, финансирование, ценообразование и т. д. Это не позволяет задать параметры сбалансированного применения мер денежно-кредитной, бюджетной, фискальной, таможенно-тарифной политики и, как следствие, не способствует созданию необходимого уровня гарантий финансовой устойчивости Российской Федерации.

Следование отраслевой модели права не дает возможности сформировать единый понятийный аппарат и фундамент для систематизации законодательства, обеспечивающего регулирование финансовой сферы, а также приводит к необоснованным выводам и сомнительным, с точки зрения законности и обоснованности, решениям правоприменительных органов. Применение данного направления в праве привело к увеличению в актах финансового законодательства числа административных процедур [6], нивелирующих обязательственный характер финансовых правоотношений, а также к усложнению механизма финансово-правового регулирования, выразившемуся в появлении параллельных правовых институтов в области фискального обложения, осуществления контрольно-надзорной деятельности и применения мер принуждения за финансовые правонарушения. Так, на сегодняшний день за нарушение законодательства Российской Федерации о налогах и сборах применяются меры принуждения, закрепленные одновременно в пяти отраслевых законах, к числу которых относятся: 1) Налоговый кодекс (далее – НК) РФ, закрепляющий составы налоговых правонарушений; 2) Кодекс РФ об административных правонарушениях, устанавливающий административную ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах; 3) Уголовный кодекс (далее – УК) РФ, закрепляющий составы уголовных преступлений в налоговой сфере; 4) Гражданский кодекс (далее – ГК) РФ, устанавливающий механизм возмещения вреда, активно применяемый при взыскании недоимки, числящейся за организацией, с должностного лица этой

организации; 5) Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», применяемый в части привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих налогоплательщика лиц.

Параллельное правовое регулирование прослеживается в сфере реализации механизма фискального обложения. Об этом свидетельствует сформированная в государстве в обход НК РФ параллельная налоговая система, а число фискальных платежей, не регулируемых НК РФ, достигает нескольких десятков. Кроме того, параллельный массив нормативных правовых актов сформирован в сфере определения элементов юридического состава имущественных налогов, установленных НК РФ. Изложенное проявляется в том, что положения об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости, являющейся налоговой базой, закреплены не только в НК РФ, но и в Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» в Кодексе административного судопроизводства РФ, что приводит к нарушению принципа формальной определенности финансово-правовой нормы.

Развитие отраслевого подхода к праву послужило поводом для развертывания научной дискуссии о разграничении частных и публичных финансов, идентификации предмета финансового права [7]. Более того, в юридической науке сформировалась точка зрения, согласно которой финансовое право отождествляется с институтом частного права, содержание которого составляют нормы гражданского (предпринимательского) права [8]. Вряд ли подобного рода выводы могут иметь значения для развития юридической науки в нужном для правового обеспечения финансовых отношений ключе. А несостоятельность многолетней дискуссии о разграничении частных и публичных финансов состоит в том, что ее участников не смущает тот факт, что правовой режим бюджетных средств, помимо Бюджетного кодекса (далее – БК) РФ, установлен ст. 214 и 215 ГК РФ.

Заточенные на отраслевую модель права подходы к правовому регулированию финансовых отношений не позволяют сформировать соответствующий экономическим реалиям правовой режим финансово-кредитного механизма государства. Оче-

видно, что закрепление в ГК РФ правовых институтов, имеющих непосредственное отношение к функционированию денежно-кредитной системы (речь идет прежде всего о лизинге и кредите) отнюдь не означает, что они имеют частноправовую природу и их применение не должно быть синхронизировано с принципами и целями монетарной, бюджетной и фискальной политики. Закрепленный ГК РФ механизм банковского кредитования есть ни что иное, как опосредуемая банковской системой эмиссия кредитных денег, порядок осуществления которой должен быть сопряжен с инструментами реализуемой Центральным банком РФ денежно-кредитной политики, что свидетельствует о публично-правовой природе кредитных обязательств, условия исполнения которых детализируются в рамках договора банковского кредитования. В рассматриваемом случае конструкция кредитного договора выступает лишь технико-юридическим приемом воздействия на финансовые отношения в сфере осуществления эмиссии кредитных денег, регулятором которой является Банк России. Далеко не случайно в условиях резкого роста инфляции в 2014–2015 гг. в судебной практике начала формироваться концепция об удовлетворении требований заемщиков к банкам о прекращении кредитных обязательств в связи с неисполнением Банком России обязанностей по обеспечению устойчивости курса рубля [9]. Однако данный подход не получил развития и в дальнейшем, отказывая в удовлетворении подобных требований заемщиков, заявленных по таким же основаниям, суды, отвергая публично-правовую составляющую кредитных правоотношений, разрешали споры исключительно в соответствии с положениями ГК РФ об основаниях прекращения обязательств по требованию одной из сторон¹.

Применение отраслевого подхода не способствует созданию надлежащего правового обеспечения финансовых услуг. Например, лизинговые правоотношения образуют сложный юридический состав и распадаются на финансовое обязательство (заем, кредит – долговое финансовое обязательство) и имущественное гражданско-правовое обязательство (купля-продажа, аренда)². Иными словами, лизинг представляет собой специальную форму кредитования, поскольку он предоставляет актив на усло-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2016 г. № 18-КГ16-102; Апелляционное определение Пермского Краевого Суда от 6 июля 2016 г. по делу № 33-7338.

² Особое мнение Судьи Нешатаевой Т.Н. на Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. № СЕ-2/1/2-20-БК.

виях срочности, платности и возвратности³. Публично-правовая составляющая лизинга позволяет констатировать, что законодательство о финансовой аренде (лизинге) должно быть сопряжено с законодательством, обеспечивающим правовое регулирование кредитных обязательств, в том числе с положениями Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)».

Не укладывается в отраслевую модель права и требует устранения правовых барьеров развивающееся в рамках экспериментального правового режима партнерское финансирование в форме рас-срочки, лизинга, долевого финансирования, являющееся по своей природе особой формой денежной эмиссии, осуществляемой некредитными финансовыми организациями.

3. Финансовое право в условиях формирования интегративной модели строения права

Усложнение звеньев финансовой системы, развитие финансового рынка, появление новых субъектов экономической деятельности, к числу которых относятся государственные корпорации, операторы цифровых платформ, обеспечивающих функционирование финансовой системы, привело к многочисленным исследованиям, в рамках которых обосновывается необходимость формирования новых подотраслей и правовых институтов, охватываемых системой финансового права и «...обеспечивающих относительно законченное регулирование в пределах своего участка общественных отношений» [4, с. 105].

В целях обеспечения единого режима правового регулирования финансовых отношений, возникающих в сфере формирования, распределения и использования средств публичных денежных фондов, выделяют такие правовые институты, как фискальное право (право публичных доходов государства) [10], право государственных расходов [11], правовые институты деофшоризации [12], институт казначейского распределения бюджетных средств, институт казначейских платежей, институт негосударственных финансов, обремененных публичной функцией [13] и т. д.

Однако выделение институтов в рамках конкретной отрасли права означает применение правовых инструментов соответствующей отраслевой принадлежности, которых явно недостаточно для формирования полноценного механизма правового ре-

гулирования имущественных и контрольно-организационных отношений, возникающих в сфере функционирования финансовой системы государства. Очевидно, что подход, основанный на анализе правовых явлений и категорий в пределах самостоятельных отраслей права, неэффективен [14], поскольку существенно снижает регулятивный потенциал права. А потому выработка эффективных правовых средств воздействия на финансовые отношения должна базироваться на активизации процесса преодоления разрыва между отраслями права, на конвергенции теорий понимания права.

Сегодня в связи с расширением границ пространства финансового законодательства, связанным с экспансией предмета финансово-правового регулирования [15, с. 143], в правовой доктрине наметилась тенденция развития «...комплексного анализа правового функционирования социальных и экономических явлений» [16, с. 198]. В частности, используется междисциплинарный подход в исследовании финансово-правовых институтов [17], изучаются регулятивные комплексы публичного и частного права [18].

Развитие правового регулирования отношений, составляющих предмет финансового права, требует формирования интегративных комплексных образований, обеспечивающих конвергенцию подходов к правопониманию, «...позволяющих выйти за искусственно созданные рамки регулятивных возможностей, очерченных нормативными правовыми актами» [19, с. 168].

Но почему именно сейчас наблюдается потребность в формировании обновленной модели правового регулирования финансов, основанной на восстановлении расчлененного анализом единства всех сторон права, что, в частности, проявляется в усилении процесса взаимопроникновения частного и публичного права? Обозначенный подход в правовом регулировании не является новым. Так, теория синтетического права была сформирована еще на рубеже XIX и XX вв. [20], а жесткого водораздела между частным и публичным правом не существовало никогда, о чем свидетельствуют содержащиеся в финансовых законах многочисленные отсылки к актам гражданского законодательства.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд обстоятельств, способствующих развитию подхода,

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 586986-7 «О внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности специальных субъектов лизинговой деятельности».

нацеленного на преодоление разрыва между отраслями права. Во-первых, всё дело в цифровой трансформации государственного управления и отдельных отраслей экономики. Внедрение информационных систем в механизм финансового контроля и фискального администрирования приводит к сокращению административных процедур, в результате чего возникает потребность в применении альтернативных правовых инструментов воздействия на область соответствующих отношений. В сфере финансово-правового регулирования это проявляется в расширении рецепции универсальных юридических конструкций в финансовом законодательстве. Во-вторых, преодоление разрыва между отраслями права оправдывается задачами юридической техники. Лежащие в основе технического механизма права сквозные (универсальные) юридические конструкции позволяют обеспечить количественное и качественное упрощение права [21, с. 21], т. е. повысить эффективность механизма финансово-правового регулирования. В-третьих, отклонение от отраслевой модели права в пользу интегративного строения права позволит придать финансовым инструментам, традиционно относимым к так называемым «частным финансам», публично-правовую значимость [22] и тем самым предотвратить процесс легализации доходов, полученных преступным путем.

В-четвертых, имущественные и контрольно-организационные отношения, охватываемые сферой финансово-правового регулирования, нуждаются в комплексном правовом воздействии. Правовых инструментов, закрепленных в актах финансового законодательства, явно недостаточно. Например, правовое регулирование отношений, возникающих в сфере управления денежной массой, невозможно обеспечить только посредством инструментов денежно-кредитной политики, закрепленных в Федеральном законе от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Это связано с тем, что Банк России не является единственным регулятором денежной эмиссии. Управление денежной массой происходит посредством бюджетно-правового механизма, а также через финансовые институты развития, к числу которых относятся ДОМ.РФ, ВЭБ.РФ и др., распределяющие кредиты и бюджетные средства между хозяйствующими субъектами.

Помимо изложенного воздействие на денежное обращение осуществляется через такой инструмент, как цена. Далеко не случайно одной из ключевых целей реализуемой Банком России денежно-

кредитной политики является обеспечение ценовой стабильности, а правовому регулированию контроля за ценообразованием уделяется особое внимание в актах налогового, таможенного, антимонопольного и иных отраслях законодательства.

Развивающийся в праве процесс преодоления разрыва между его отраслями, проявляющийся в расширении рецепции универсальных юридических конструкций в финансовом законодательстве, требует определения ключевых регуляторов финансовых отношений, обеспечивающих достижение целей функционирования финансово-кредитного механизма. В связи с этим одно из основных направлений финансово-правовых исследований должно состоять не в изучении «...показателей, по которым принято выделять отрасли права» [23, с. 7], а в выработке правового инструментария, способствующего гармонизации публично-правовых и частноправовых методов регулирования [24].

Поскольку финансовое право имеет двуединый предмет правового регулирования, охватывающий как имущественные, связанные с движением денежных средств, так и контрольно-организационные отношения, правовыми средствами, обеспечивающими достижение целей функционирования финансового механизма, являются: *принципы государственного управления; административные процедуры, а также конструкция финансового обязательства.*

Отсутствие указанных регуляторов, их неполноценное законодательное закрепление приводит к дестабилизации финансово-кредитного механизма. Нарушение разработанного в теории административного права функционального подхода к правовому регулированию управления развитием экономики [25, с. 5], проявляющееся в необоснованном расщеплении функций в сфере управления денежно-кредитным механизмом, привело к активизации роли финансовых институтов развития в распределении кредитов и бюджетных средств между участниками гражданского оборота, что фактически спровоцировало развитие процесса передачи денег в экономику, минуя банковскую и бюджетную системы [26]. Смешение компетенций привело к появлению альтернативных, не предусмотренных НК РФ инструментов осуществления контролирующими органами контрольно-надзорной деятельности в фискальной сфере. А отсутствие в финансовом законе конкретизации условий исполнения финансовых обязательств явилось причиной многочисленных споров в сфере налогообложения, бюджетного

финансирования, кредитования и т. д. Например, проблемы в сфере функционирования денежно-кредитной системы вызваны тем, что закрепленные в ГК РФ элементы кредитного обязательства не синхронизированы с принципами и инструментами денежно-кредитной политики, осуществляемой Банком России. Несовершенство конструкции налогового обязательства не позволяет рассматривать налог в качестве эффективного регулятора денежного обращения, с помощью которого обеспечивается процесс легализации доходов, поступивших в распоряжение налогоплательщика. Поверхностное закрепление в БК РФ условий осуществления расходных финансовых обязательств влечет за собой многочисленные споры по поводу предоставления (возврата) субсидий, грантов и т. д.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил сформулировать ряд промежуточных выводов, который могут иметь значение для развития финансово-правовой науки и финансового законодательства:

1. Современная модель финансового права формируется в условиях активизации процесса преодоления разрыва между отраслями права, развитие которого оправдывается задачами юридической техники. Лежащие в основе технического механизма права сквозные юридические конструкции позволяют повысить эффективность правового регулирования финансовой системы государств.

2. Отказ от сформированного в 1930-е гг. отраслевого подхода к праву в пользу интегративной мо-

дели строения права позволяет рассматривать финансовое право как систему регулятивных комплексов в юридическом отношении опосредствующих финансово-кредитный механизм национальной экономики.

Объединяющей основой формирования охватываемых финансовым правом регулятивных комплексов служат такие ключевые аспекты, как: самостоятельные объект и цель правового регулирования соответствующей группы финансовых отношений; круг субъектов правоотношений, возникающих в сфере функционирования финансово-кредитного механизма; применяемые государством инструменты управления и используемые участниками гражданского оборота средства защиты права на распоряжение финансами.

3. Развитие интегративной модели строения права требует определения ключевых регуляторов финансовых отношений, обеспечивающих достижение целей функционирования финансово-кредитного механизма.

Поскольку финансовое право имеет двуединый предмет правового регулирования, охватывающий как имущественные, связанные с движением денежных средств, так и контрольно-организационные отношения, правовыми средствами, обеспечивающими достижение целей функционирования финансово-кредитного механизма государства, являются: *принципы государственного управления; административные процедуры, а также конструкция финансового обязательства.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костюков А. Н. О правоприменении в современной России / А. Н. Костюков // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 159–172. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172.
2. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права / А. Я. Вышинский // Социалистическая законность. – 1938. – № 8. – С. 2–35.
3. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М., 1996. – 736 с.
4. Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – Т. 2 : Специальные вопросы правоповедения. – 471 с.
5. Винницкий Д. В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики / Д. В. Винницкий. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 397 с.
6. Кобзарь-Фролова М. Н. Академическая наука отечественного административного права: от истоков к новым свершениям (к 85-летию сектора административного права и административного процесса ИГП РАН) / М. Н. Кобзарь-Фролова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3.1. – С. 21–36.
7. Карасева (Сенцова) М. В. Финансовое право – идентификация предмета / М. В. Карасева (Сенцова) // Финансовое право. – 2022. – № 8. – С. 2–6.
8. Попондопуло В. Ф. Финансовое право: понятие, природа, источники / В. Ф. Попондопуло // Финансовое право. – 2020. – № 1. – С. 8–14.

9. Трансформация финансового права в новых экономических условиях : моногр. / под ред. С. В. Запольского. – М. : КНОРУС, 2021. – 280 с.
10. Васянина Е. Л. Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Л. Васянина. – М., 2016. – 54 с.
11. Пятковская Ю. В. Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ю. В. Пятковская. – М., 2017. – 51 с.
12. Андрианова Н. Г. Деофшоризация как институт финансового права: основные тенденции формирования и развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Г. Андрианова. – М., 2022. – 28 с.
13. Карасева М. В. О предмете финансового права в современных условиях / М. В. Карасева // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 4. – С. 187–199.
14. Галузин А. Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: общая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Ф. Галузин. – Саратов, 1996. – 18 с.
15. Научные концепции развития российского законодательства : моногр. / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2024. – 656 с.
16. Публичный интерес в административном праве / под общ. ред.: д-ра юрид. наук, проф. С. В. Запольского, канд. юрид. наук, проф. Н. Г. Салищевой, канд. юрид. наук, проф., засл. юрист РФ В. В. Альхименко. – М. : Ин-т государства и права РАН : Акад. прав. ин-т, 2015. – 304 с.
17. Поветкина Н. А. Бюджетные субсидии: конфликт публичного и частного / Н. А. Поветкина, Ю. В. Леднева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 46–68.
18. Запольский С. В. О социальной ценности административного права / С. В. Запольский // Административное право и процесс. – 2023. – № 5. – С. 4–10.
19. Канищев В. П. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления / В. П. Канищев, Р. Р. Палеха // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 165–170.
20. Яценко А. С. Синтетическая точка зрения в юридических теориях / А. С. Яценко. – СПб. : Сенат. тип., 1912. – 17 с.
21. Иеринг Р. Юридическая техника / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типо-литография А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. – 130 с.
22. Запольский С. В. Финансирование национальных проектов – бюджетный аспект / С. В. Запольский // Финансовое право. – 2023. – № 3. – С. 10–15.
23. Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения / Д. М. Азми. – М. : Юстицинформ, 2014. – 391 с.
24. Запольский С. В. О соотношении публичного и частного в праве / С. В. Запольский // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 180–191.
25. Бачило И. Л. Функции органов управления: (Правовые проблемы оформления и реализации) / И. Л. Бачило. – М. : Юридическая литература, 1976. – 198 с.
26. Васянина Е. Л. Управление денежной эмиссией / Е. Л. Васянина // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 2. – С. 62–69.

REFERENCES

1. Kostyukov A.N. On law enforcement in modern Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 159–172. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).159-172.
2. Vyshinsky A.Ya. The main tasks of the science of Soviet socialist law. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, 1938, no. 8, pp. 2–35. (In Russ.).
3. Nersesyants V.S. (ed.). *History of political and legal doctrines*, Textbook for universities. Moscow, 1996. 736 p. (In Russ.).
4. Alekseev S.S. *Collected works*, in 10 volumes. Moscow, Statut Publ., 2010. Vol. 2: Special issues of jurisprudence. 471 p. (In Russ.).
5. Vinnitsky D.V. *Russian tax law: problems of theory and practice*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 397 p. (In Russ.).

6. Kobzar-Frolova M.N. Academic science of domestic administrative law: from the origins to new achievements (to the 85th anniversary of the sector of administrative law and administrative process of IGP RAS). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2021, no. 3.1, pp. 21–36. (In Russ.).
7. Karaseva (Sentsova) M.V. Financial law – identification of the subject. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2022, no. 8, pp. 2–6. (In Russ.).
8. Popondopulo V.F. Financial law: concept, nature, sources. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2020, no. 1, pp. 8–14. (In Russ.).
9. Zapol'sky S.V. (ed.). *Transformation of financial law in new economic conditions*, Monograph. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 280 p. (In Russ.).
10. Vasyanina E.L. *Theoretical foundations of legal regulation of public revenues in the Russian Federation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2016. 54 p. (In Russ.).
11. Pyatkovskaya Yu.V. *Legal regulation of budget expenditures of the subject of the Russian Federation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2017. 51 p. (In Russ.).
12. Andrianova N.G. *Deoffshorization as an institute of financial law : the main trends of formation and development*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2022. 28 p. (In Russ.).
13. Karaseva M.V. On the subject of financial law in modern conditions. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo = Bulletin of the VSU. Series: Law*, 2019, no. 4, pp. 187–199. (In Russ.).
14. Galuzin A.F. *Offenses in public and private law: general characteristics*, Cand. Diss. Thesis. Saratov, 1996. 18 p. (In Russ.).
15. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds.). *Scientific concepts of the development of Russian legislation*, Monograph, 8th ed. Moscow, Norma Publ., 2024. 656 p. (In Russ.).
16. Zapol'sky S.V., Salishcheva N.G., Al'khimenko V.V. (eds.). *Public interest in administrative law*. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., Academic Law Institute Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).
17. Povetkina N.A., Ledneva Yu.V. Budget subsidies: the conflict of public and private. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 46–68. (In Russ.).
18. Zapol'sky S.V. On the social value of administrative law. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*, 2023, no. 5, pp. 4–10. (In Russ.).
19. Kanishev V.P., Paleha R.R. An integrated approach to law understanding as a progressive type of legal thinking. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 2, pp. 165–170. (In Russ.).
20. Yashchenko A.S. *Synthetic point of view in legal theories*. St. Petersburg, Senate typography Publ., 1912. 17 p. (In Russ.).
21. Iering R. *Legal technique*, Translated from German by F.S. Shendorf. St. Petersburg, A.G. Rosen (A.E. Landau) Publ., 1905. 130 p. (In Russ.).
22. Zapol'sky S.V. Financing of national projects – budgetary aspect. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2023, no. 3, pp. 10–15. (In Russ.).
23. Azmi D.M. *The system of law and its structure: methodological approaches and solutions*. Moscow, YustitsInform Publ., 2014. 391 p. (In Russ.).
24. Zapol'sky S.V. On the relationship between public and private law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2023, no. 2, pp. 180–191. (In Russ.).
25. Bachilo I.L. *Functions of management bodies: (Legal problems of registration and implementation)*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1976. 198 p. (In Russ.).
26. Vasyanina E.L. Money issue management. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: journal of Law*, 2023, no. 2, pp. 62–69. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васянина Елена Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena L. Vasyanina – Doctor of Law, Associate Professor; Leading Researcher, Sector of Administrative Law and Administrative Process

*Институт государства и права Российской
академии наук*
119019, Россия, г. Москва, Знаменка, 10
E-mail: elenavasianina@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 3270-8010; AuthorID: 693777

*Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences*
10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia
E-mail: elenavasianina@yandex.ru
RSCI SPIN: 3270-8010; AuthorID: 693777

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Васянина Е.Л. Финансовое право: в поисках ответов на современные экономические вызовы / Е.Л. Васянина // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 73–81. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).73-81.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vasyanina E.L. Financial law: searching answers to contemporary economic challenges. *Pravoprime-*
nenie = Law Enforcement Review, 2024, vol. 8, no. 2,
pp. 73–81. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).73-
81. (In Russ.).

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО ФОНДА РОССИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОСНОВАННОСТЬЮ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

О.С. Курченко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
15 ноября 2023 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Полномочие, законодательство
о социальном обеспечении,
достоверность предоставляемых
сведений, информационные
системы, проверка, запрос о
предоставлении сведений,
излишне выплаченные суммы
пенсий

На основе анализа норм российского законодательства систематизированы полномочия органов Социального фонда России (СФР) по контролю за обоснованностью социального обеспечения и предложена их классификация по нескольким основаниям. Охарактеризованы особенности и отдельные недостатки правового регулирования отношений, возникающих в связи с реализацией указанных полномочий, и сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности соответствующих правовых норм. Отмечено существенное расширение возможностей органов СФР для контроля в рассматриваемой области в связи с развитием информационных технологий и высказаны сомнения в необходимости постепенного освобождения гражданина-получателя от обязанностей по информированию органов СФР о правопрекращающих юридических фактах.

THE POWERS OF THE BODIES OF THE SOCIAL FUND OF RUSSIA TO CONTROL THE VALIDITY OF SOCIAL SECURITY

Oleg S. Kurchenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –
2023 November 15
Accepted –
2024 March 20
Available online –
2024 June 20

Keywords

Powers, legislation on social
security, reliability of information
provided, information systems,
verification, request for
information, overpaid pension
amounts

The subject of the study is the norms of Russian legislation providing for the rights and obligations of the bodies of the Social Fund of Russia (SFR) to control the validity of social security. The variety of legal acts that regulate social security relations with the participation of SFR bodies makes it difficult to form a holistic view of the system of powers of these bodies to control the validity of social payments and services provided by the SFR.

The purpose of the study is to systematize knowledge about the powers of the SFR bodies to control the validity of social security, to assess the current legal regulation in this part for its integrity and sufficiency to ensure targeted spending of the SFR budget.

Methodology. Formal legal and comparative legal methods were used to achieve this goal. The research is based on the analysis of the norms of legislation on social security, which enshrine the rights of the SFR bodies to verify information and documents necessary for the appointment and payment of social security, and the practice of its application.

The main results. These rights, in fact, represent the powers of the SFR bodies. The author proposes a classification of the control powers of the SFR bodies in the field under consideration for various reasons. The shortcomings of the current legal regulation of the implementation of control powers by the SFR bodies have been identified.

Conclusions. In order to create a holistic legal framework for controlling the validity of social security provided by the SFR bodies, it is proposed to consolidate the powers of control in a generalized form in the Law on the Social Fund of Russia with the possibility of specifying them in other normative legal acts. At the same time, legal regulation should determine the actual basis for the use of the verification powers and the procedure for their implementation. As one of the directions of further research, the author identifies the question of the

relationship between the control powers of the SFR bodies and the obligations of the recipient citizen to inform the SFR body about the circumstances entailing the termination of the right to social benefits or a change in its size.

1. Введение

С 1 января 2023 г. в Российской Федерации появился новый субъект правоотношений по социальному обеспечению – Фонд пенсионного и социального страхования РФ (далее также – Социальный фонд России, Фонд, СФР), созданный посредством объединения Пенсионного фонда РФ (далее – ПФР) и Фонда социального страхования РФ (далее – ФСС).

Правовой статус ПФР на протяжении многих лет привлекал внимание представителей юридической науки, поскольку отличался недостаточной правовой определенностью. В научных публикациях отмечался его многоотраслевой характер, производный от многообразия осуществляемых ПФР функций [1, с. 24–25], и констатировалась необходимость его регулирования в специальном законодательном акте [2, с. 22]. Аналогичные вопросы возникали и применительно к правовому положению ФСС.

На устранение правовой неопределенности относительно статуса объединенного Фонда было направлено принятие Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (далее – Закон о Фонде), вызвавшее научную дискуссию о причинах создания СФР и его роли в отношениях по обязательному социальному страхованию (см., напр.: [3; 4]). Законом о Фонде были закреплены особенности правового положения СФР как юридического лица, определена система его органов и порядок их формирования, а также урегулированы некоторые иные организационные аспекты деятельности СФР.

Вместе с тем права и обязанности СФР как субъекта правоотношений по социальному обеспечению определяются многочисленными нормативными правовыми актами, регулирующими социально-обеспечительные отношения, участниками которых ранее выступали ПФР и ФСС. Важное место в деятельности Фонда как субъекта, предоставляющего целый ряд видов социальных выплат и услуг в рамках различных организационно-правовых форм социального обеспечения, занимают вопросы контроля за обоснованностью таких предоставлений. Последняя, по справедливому утверждению Е.А. Истоминой, означает не только подтверждение самого факта реализации в жизни индивида социального

риска, но и выполнения им условий для назначения социального обеспечения в целях минимизации злоупотреблений в указанной сфере [5, с. 555–556].

Полномочия Социального фонда России, а ранее – ПФР и ФСС, по контролю за обоснованностью предоставления социального обеспечения заслуживают того, чтобы быть предметом специального исследования, поскольку имеют «сквозной» характер для всех социально-обеспечительных правоотношений с участием СФР. Тем не менее объектом интереса представителей юридической науки выступали, главным образом, те контрольные полномочия ПФР и ФСС, которые были связаны с уплатой страховых взносов на обязательное социальное страхование (см., напр.: [6; 7]). В связи с этим целью настоящей статьи является систематизация тех прав и обязанностей, которые предоставлены органам СФР для контроля за обоснованностью социального обеспечения, а также оценка достаточности и целостности правового регулирования отношений, возникающих в процессе их реализации.

2. Общая характеристика норм российского законодательства, закрепляющих полномочия органов СФР по контролю за обоснованностью предоставления социального обеспечения

Часть 1 ст. 5 Закона о Фонде содержит открытый перечень осуществляемых Фондом функций и полномочий. Этот перечень охватывает основные направления деятельности СФР, которые, по всей видимости, одновременно рассматриваются законодателем и как его полномочия (назначение и выплата пенсий, организация и ведение индивидуального (персонифицированного) учета и др.). Полномочия по контролю за обоснованностью предоставляемого СФР социального обеспечения в указанном перечне не названы. Вероятно, с точки зрения законодателя, контроль является неотъемлемой частью процесса реализации функций и полномочий по назначению и предоставлению отдельных видов социального обеспечения. Соответственно, и правовые нормы, закрепляющие контрольные полномочия СФР в сфере социального обеспечения, рассредоточены по многочисленным нормативным правовым актам, регулирующим социально-обеспечительные отношения с участием СФР.

Так, сформулированное общим образом право проверять документы и сведения, связанные с назначением и выплатой страхового обеспечения, рассматривается законодателем в качестве одного из правомочий, образующих правовой статус СФР как страховщика в системе обязательного социального страхования¹. С незначительными текстуальными отличиями это право («проверять обоснованность выдачи документов, необходимых для установления и выплаты пенсии, а также достоверность содержащихся в них сведений») воспроизведено в пенсионном законодательстве². Наиболее развернутую регламентацию на законодательном уровне получили отношения, возникающие при проведении Фондом проверок полноты и достоверности сведений и документов, представленных для назначения и выплаты страхового обеспечения, в тех видах обязательного социального страхования, страховщиком в которых до 1 января 2023 г. выступал ФСС³. В отдельных, весьма немногочисленных, случаях порядок проведения органом СФР проверок детализируется в подзаконных нормативных правовых актах⁴.

Социальный фонд России, наряду с функциями страховщика, осуществляет также значительный объем полномочий в сфере социальной политики, реализуемых за счет бюджетных средств. Эта особенность правового положения была характерна ранее для ПФР (об этом см.: [8]) и в меньшей степени – для ФСС. Полномочия органов СФР по контролю за обоснованностью «нестраховых» видов социального обеспечения предусмотрены нормативными правовыми актами, регулирующими их предоставление. Правовая регламентация при этом зачастую ограничивается закреплением права органа СФР проверять достоверность представленных сведений путем направления запросов в иные органы и организации (см., напр., п. 25 Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и

воспитанием ребенка, в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»⁵ (далее – Правила назначения и выплаты ежемесячного пособия)), и иногда – корреспондирующей такому праву обязанностью органа-контрагента по предоставлению ответов в установленный срок (см., напр., ч. 4 ст. 5, ч. 1.2 ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ)).

3. Контроль за обоснованностью предоставления социального обеспечения: право, обязанность или полномочие?

Как было отмечено выше, проверка достоверности сведений, содержащихся в представленных для назначения социального обеспечения документах, в законодательных актах признаётся *правом* органов СФР. Квалификация определенного правовой нормой варианта поведения в качестве субъективного права, на первый взгляд, должна означать возможность его обладателя по собственному усмотрению выбирать, пользоваться такой возможностью или нет.

Механизм предоставления отдельных видов социального обеспечения, конкретизируемый, как правило, на уровне подзаконных нормативных актов, в ряде случаев предполагает обязательность проведения проверочных мероприятий. Так, в рамках введенного с 15 апреля 2020 г. беззаявительного порядка выдачи государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (далее – МСК) территориальный орган СФР после получения сведений о факте рождения ребенка запрашивает в государственных органах информацию об обстоятельствах, являющихся препятствием для возникновения права на МСК или влекущих его прекращение (например, сведения о лишении родителей родительских прав в

¹ См., напр., п. 1 ст. 11 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», п. 1 ст. 13 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

² См. ч. 9 ст. 21 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», ч. 11 ст. 9 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», п. 3 ст. 24 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

³ См. гл. IV.2 Федерального закона 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчаст-

ных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», ст. 4.7 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».

⁴ См., напр., Порядок осуществления Фондом социального страхования Российской Федерации проверки соблюдения порядка выдачи, продления и оформления листов нетрудоспособности, утвержденный Приказом Министерства здравоохранения РФ от 23 ноября 2021 г. № 1090н.

⁵ Утверждены Постановлением Правительства РФ от 16 декабря 2022 г. № 2330.

отношении ребенка (детей), см. ч. 1.2 ст. 5 Закона № 256-ФЗ). Однако и до перехода на преимущественно беззаявительную процедуру выдачи государственного сертификата на МСК выборочное направление запросов о предоставлении указанных сведений постепенно сменилось практикой обязательной их проверки при рассмотрении каждого заявления о выдаче сертификата на МСК [9, с. 72]. В результате предусмотренное ч. 4 ст. 5 Закона № 256-ФЗ *право* уполномоченного органа проверять представленные сведения трансформировалось в его обязанность.

Правоприменительной практике известны также случаи, когда обязанность территориальных органов ПФР проверять представленные гражданином сведения следовала из распоряжений вышестоящего органа (ПФР). Так, в рамках реализации Соглашения от 13 марта 1992 г. о гарантиях пенсионных прав граждан государств – участников СНГ в области пенсионного обеспечения территориальным органам ПФР было указано на необходимость *во всех случаях* первичного назначения пенсии гражданам, прибывшим из государств – участников указанного Соглашения, осуществлять подтверждение стажа и заработка, приобретенных на территориях таких государств, путем направления запросов в адрес компетентных учреждений иностранных государств [10, с. 51].

Вместе с тем даже в тех случаях, когда в соответствии с законом направление органом СФР запроса о проверке представленных сведений формально-юридически считается его *правом*, нельзя не учитывать следующее. В нормативных правовых актах, закрепляющих соответствующую возможность, по общему правилу, не указывается фактическое основание для направления такого запроса, под которым, очевидно, нужно понимать *наличие разумных сомнений в достоверности представленных сведений*. Возможные поводы для таких сомнений нередко обозначаются в методических рекомендациях Фонда для его территориальных органов (см., напр.: [11, с. 52]). По утверждению С.А. Чиркова, принцип объективной истины при осуществлении органами ПФР правоприменительной деятельности обязывает указанные органы принять все необходимые меры для всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств дела [12]. Может ли территориальный орган Фонда с учетом этого принципа воздержаться от направления запроса, если при рас-

смотрении представленных документов возникли сомнения в достоверности их содержания? Ответ на поставленный вопрос представляется очевидным. При таком подходе право проверять представленные сведения становится одновременно и обязанностью компетентного органа, что в теории права и практике управления именуется *полномочием* [13].

В обсуждаемом контексте следует упомянуть и о тех правах органов СФР, направленных на обеспечение целевого использования средств МСК, которые, несмотря на отсутствие формально-юридического закрепления (или в период, предшествовавший такому закреплению), признавались допустимыми средствами контроля – например, право органа ПФР получать информацию о пригодности приобретаемого жилого помещения для постоянного проживания [14, с. 960]. Подобного рода проверочные мероприятия не могут рассматриваться как обязательные для уполномоченного органа, а их непроведение не может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении полномочий при предоставлении МСК⁶.

4. Классификация контрольных полномочий органов СФР в области социального обеспечения

Несмотря на разную степень правовой регламентации, контрольные полномочия органов СФР в сфере социального обеспечения достаточно разнообразны и в целях их систематизации могут быть классифицированы на основе нескольких критериев.

Так, в зависимости от уровня их формально-юридического закрепления они могут быть разделены на две группы:

- предусмотренные нормами национального законодательства;

- закрепленные в нормах международных договоров в области социального (пенсионного) обеспечения; в частности, в административных соглашениях, заключаемых в целях реализации международных договоров в области пенсионного обеспечения, которые основаны на принципе «пропорциональности», как правило, фиксируются взаимные права компетентных учреждений (органов социального обеспечения) направлять запросы о предоставлении сведений об обстоятельствах, влекущих прекращение выплаты пенсии или влияющих на ее размер (об этом см.: [15, с. 58–59]).

В зависимости от этапа деятельности по социальному обеспечению, на котором органом СФР осу-

⁶ См., напр., кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2020 г. № 88А-15976/2020.

ществляется контроль за достоверностью представленных сведений, можно выделить проверочные мероприятия, проводимые:

– при рассмотрении документов в целях принятия решения о назначении (об отказе в назначении) того или иного вида социального обеспечения, в том числе тех, назначение которых осуществляется в беззаявительном порядке;

– после назначения социального обеспечения, в том числе в процессе предоставления тех социальных выплат, которые осуществляются в течение длительного периода (прежде всего пенсий, компенсационных выплат, отдельных видов пособий).

Применительно к пенсионным правоотношениям отдельными авторами отмечается, что достоверность представленных гражданином документов оценивается на всех этапах пенсионного процесса, в том числе в рамках так называемой заблаговременной работы с лицами, не достигшими пенсионного возраста [16, с. 28]. Представляется, что проверочные мероприятия, которые могут быть проведены на этом этапе, можно считать подгруппой полномочий, реализуемых в целях контроля за обоснованностью назначения пенсии.

Наличие или отсутствие необходимости взаимодействия с иными субъектами при осуществлении органами контрольных полномочий также может выступать основанием для их классификации. В большинстве случаев проверка органом СФР достоверности представленных сведений и документов предполагает взаимодействие с иными органами публичной власти или организациями (в том числе страхователями и медицинскими организациями). Тем не менее контроль за обоснованностью предоставления социального обеспечения может осуществляться и посредством использования тех информационных систем, оператором которых выступает СФР. Так, факт осуществления лицом трудовой деятельности, если он является основанием для прекращения социальной выплаты (например, социальной доплаты к пенсии), может быть выявлен посредством использования сведений индивидуального (персонифицированного) учета в системах обязательного социального страхования (об этом см., напр., [17]).

В свою очередь, контрольные полномочия, предполагающие взаимодействие органа СФР с иными субъектами, могут быть в зависимости от формы их реализации разделены на следующие группы:

– полномочия по проведению проверок (камеральных и выездных);

– полномочия по направлению (в том числе посредством системы межведомственного электронного взаимодействия) запросов в органы публичной власти и подведомственные им учреждения в целях подтверждения проверки сведений, содержащихся в представленных для назначения социального предоставления документах.

Специфической разновидностью проверочного мероприятия, осуществляемого специалистами органа СФР вне места его нахождения, можно считать и так называемое обследование, возможность проведения которого предусмотрена на подзаконном уровне⁷ в целях подтверждения факта осуществления гражданином ухода за нетрудоспособным лицом.

5. Некоторые проблемы правового регулирования отношений по реализации органами СФР контрольных полномочий в сфере социального обеспечения

Контрольные полномочия территориальных органов СФР в сфере социального обеспечения, как было показано выше, могут быть реализованы в разных формах. Степень детализации правового регулирования возникающих при этом общественных отношений может заметно отличаться. В частности, применительно к полномочию органа СФР по проведению у страхователей проверок документов, связанных с назначением и выплатой страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию, а также с представлением сведений индивидуального (персонифицированного) учета (п. 1 ст. 13 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации») без надлежащего правового регулирования остаются такие принципиальные аспекты его реализации, как основания для проведения документальных проверок, периодичность и продолжительность их проведения и др. Утвержденные ПФР более 20 лет назад методические рекомендации по проведению проверок⁸, не являющиеся нормативным

⁷ См., напр., п. 34 Правил подсчета и подтверждения страхового стажа, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015.

⁸ См.: Методические рекомендации по организации и проведению документальной проверки достоверности представленных страхователями индивидуальных сведений о трудовом стаже и заработке (вознаграждении), доходе за

правовым актом, обозначенную проблему решить не могут. Не получила правовой регламентации и процедура упоминавшегося выше *обследования* (основания его проведения, порядок, требования к форме и содержанию акта, составляемому по его завершении), которое может проводиться органом СФР в целях подтверждения факта осуществления гражданином ухода за нетрудоспособным лицом.

Важное практическое значение имеет вопрос о полномочиях органа СФР по установлению фактов, влекущих прекращение права на социальную выплату после ее назначения – например, по выявлению факта изменения получателем места жительства, если право на социальную выплату или ее размер обусловлены проживанием в определенной местности. Названные полномочия органов СФР, как правило, отдельно в нормативных правовых актах не упоминаются⁹. С какой периодичностью органом СФР должны направляться запросы о прекращающих юридических фактах (например, об изменении места жительства гражданина-получателя), если речь идет о социальных выплатах, предоставляемых в течение длительного периода? От ответа на этот вопрос зависит не только своевременное прекращение выплаты в случае выявления таких обстоятельств, но и – с учетом практики Верховного Суда РФ – возможность взыскания излишне выплаченных сумм пенсий и иных социальных выплат.

При рассмотрении дел о взыскании органами СФР (ранее – ПФР) излишне выплаченных сумм социальных выплат, если период «переплаты» составляет несколько лет, Верховный Суд РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на то, чтобы при определении начальной даты срока исковой давности (ст. 200 Гражданского кодекса РФ) выяснять, когда орган ПФР с учетом возложенной на него функции по контролю за правильным и рациональным расходованием денежных средств ПФР должен был узнать об утрате гражданином права на социальную выплату и почему соответствующая обязанность не была своевременно исполнена¹⁰.

Вывод о наличии у органа ПФР соответствующей обязанности был сделан Верховным Судом РФ на основании п. 3 Положения о ПФР¹¹. Даже оставив за

скобками вопрос о том, охватывается ли содержанием функции по контролю за правильным и рациональным расходованием денежных средств обязанность выявлять наступление влекущих прекращение выплаты обстоятельств, нельзя не отметить, что периодичность направления запросов в органы, располагающие такой информацией, нормативными правовыми актами не определена. Кроме того, с 1 января 2023 г. Положение о ПФР было признано утратившим силу. Несмотря на то, что функции ПФР, как правильно отмечалось специалистами, частично пересекались с его правами как страховщика [18, с. 408], среди которых есть и право осуществлять контроль за расходованием средств Фонда, последнее, очевидно, может быть реализовано только применительно к средствам обязательного пенсионного страхования, а значит, вопрос о том, имеется ли у органов СФР аналогичное полномочие в отношении нестраховых социальных выплат, остается открытым.

Направление органом СФР запросов, в том числе с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия, о подтверждении юридически значимых обстоятельств является одним из универсальных инструментов контроля за обоснованностью социального обеспечения. В случае, если такие запросы направлены в целях проверки сведений, представленных для назначения социальной выплаты, от своевременного получения ответов на них нередко зависит обоснованность принимаемого решения. Как отмечается в научных публикациях [19, с. 313], если запрошенные сведения предоставляются за пределами установленного срока, орган социального обеспечения нередко лишен возможности продлить срок для рассмотрения заявления и должен принимать решение на основании имеющихся в его распоряжении сведений и документов. В этом смысле положительной оценки заслуживает появление в законодательстве о социальном обеспечении правовых норм, позволяющих приостановить срок для вынесения решения до завершения проверки / представления запрошенных документов. К числу таких норм можно отнести, например, правило, содержащееся в ч. 7 ст. 23 Федерального закона «О страховых пенсиях», которое предлагается считать

страхованных лиц в системе государственного пенсионного страхования, утвержденные постановлением Правления ПФР от 30 января 2002 г. № 11п.

⁹ Одним из немногих исключений в этом плане можно считать п. 42 Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия.

¹⁰ См., напр., определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 августа 2019 г. № 15-КГ19-2 и от 7 октября 2019 г. № 15-КГ19-3.

¹¹ Утверждено Постановлением Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1.

одной из гарантий реализации права гражданина на пенсию [20, с. 43–44], а также положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 5 (в редакции от 30 октября 2018 г.) и ч. 1.4 ст. 8 Закона № 256-ФЗ (введена Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ).

6. Соотношение контрольных полномочий органов СФР в сфере социального обеспечения и обязанностей гражданина-получателя: постановка проблемы

Нормативные правовые акты о социальном обеспечении возлагают на гражданина, являющегося получателем социальной выплаты, обязанность извещать орган социального обеспечения об обстоятельствах, влекущих изменение размера указанной выплаты или прекращение права на нее (см., напр., ч. 5 ст. 26 Федерального закона «О страховых пенсиях»). Ненадлежащее исполнение такой обязанности, повлекшее излишнюю выплату пенсий и иных выплат, нередко выявляется в результате реализации органами СФР предоставленных им контрольных полномочий.

Развитие информационных технологий и систем, в том числе межведомственного электронного взаимодействия, открывает для органов социального обеспечения новые возможности по проверке юридически значимых обстоятельств как при определении права на тот или иной вид социального обеспечения, так и на этапе его предоставления (об этом см., напр., [21, с. 84–85]). По мнению некоторых авторов, в перспективе это приведет к тому, что у гражданина в правоотношениях по социальному обеспечению останутся только права, а вся необходимая для назначения и выплаты социального обеспечения информация будет аккумулироваться и использоваться органом СФР без участия гражданина [22, с. 25].

Действительно, уже сейчас значительная часть сведений, необходимых для вынесения правоприменительного решения, поступает в распоряжение органа СФР не от гражданина, а путем направления запросов в порядке межведомственного взаимодействия, а полномочия органов СФР по истребованию информации при таком подходе перестают быть «проверочными», поскольку гражданин не является источником соответствующих сведений. Тем не менее представляется, что освобождению граж-

данина-получателя от обязанности извещать орган СФР о юридически значимых обстоятельствах и от ответственности за ее неисполнение должно предшествовать тщательное осмысление предполагаемого законодательного решения. Возникающие при этом сомнения связаны не только с тем, что межведомственное информационное взаимодействие едва ли можно рассматривать как универсальное средство предотвращения злоупотреблений в сфере социального обеспечения, но и с тем, соответствует ли освобождение гражданина-получателя от обязанности по информированию органа СФР идее об осознанном восприятии гражданином ситуации социального риска и об ответственном отношении к реализации социально-обеспечительных прав.

7. Заключение

Анализ норм отечественного законодательства, предусматривающих полномочия органов СФР по контролю за обоснованностью социального обеспечения, показал, что правовое регулирование отношений, возникающих в процессе их реализации, не отличается системностью и целостностью, а в ряде случаев и достаточной степенью детализации. Такое положение дел обусловлено многообразием нормативных правовых актов, принятых в разное время и на разных уровнях правотворчества и регламентирующих отношения по предоставлению органами СФР отдельных видов социального обеспечения.

Представляется, что полномочия по контролю за обоснованностью социального обеспечения, реализуемые органами СФР как на этапе, который предшествует назначению того или иного вида социальных предоставлений, так и на этапе, следующем за принятием решения о его назначении, целесообразно в генерализованном виде закрепить в Законе о Фонде с указанием на возможность их дополнительной регламентации в иных нормативных правовых актах. Правовое регулирование должно предусматривать при этом не только само полномочие (провести проверку, направить межведомственный запрос и др.), но и фактическое основание и порядок его реализации. Широкое использование информационных технологий при предоставлении социального обеспечения в перспективе может повлечь за собой изменение роли так называемых контрольных полномочий органов СФР в указанной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутников О. В. Особенности правового статуса Пенсионного фонда Российской Федерации / О. В. Гутников // Адвокат. – 2014. – № 11. – С. 17–27.

2. Ерохина Т. В. Современные проблемы законодательного определения правового статуса Пенсионного фонда России / Т. В. Ерохина // Социальное и пенсионное право. – 2015. – № 3. – С. 17–23.
3. Малышева А. А. Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации: причины создания и особенности финансово-правового статуса / А. А. Малышева // Налоги. – 2023. – № 2. – С. 7–10.
4. Михайлова А. С. «Замаскированное налогообложение» или нет – к вопросу о создании Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и сути его деятельности / А. С. Михайлова // Налоги. – 2023. – № 1. – С. 36–41.
5. Истомина Е. А. Развитие способов подтверждение права на социальное обеспечение / Е. А. Истомина // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 554–565.
6. Бит-Шабо И. В. Государственные социальные внебюджетные фонды Российской Федерации в системе государственного финансового контроля в рамках обеспечения национальной безопасности / И. В. Бит-Шабо // Информационная безопасность регионов. – 2015. – № 2 (19). – С. 49–56.
7. Ерохина Т. В. Полномочия Пенсионного фонда России: правовой аспект / Т. В. Ерохина // Социальное и пенсионное право. – 2015. – № 4. – С. 15–20.
8. Хвостунцев А. М. Пенсионный фонд России: эволюция функций и проблемы административно-правового статуса / А. М. Хвостунцев // Вестник Омского университета. – 2007. – № 3. – С. 144–149.
9. Курченко О. С. Противодействие злоупотреблениям при предоставлении дополнительных мер государственной поддержки семьям, имеющим детей: возможности законодателя и опыт правоприменительной практики / О. С. Курченко // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 69–84. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).69-84.
10. Комарова С. В. О некоторых вопросах применения Соглашений Российской Федерации, основанных на принципе территориальности / С. В. Комарова // Пенсия. – 2017. – № 2. – С. 46–51.
11. Гусева В. В. Об организации работы по установлению периода ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет / В. В. Гусева // Пенсия. – 2019. – № 10. – С. 50–54.
12. Чирков С. А. О правоприменительной деятельности в сфере пенсионного обеспечения / С. А. Чирков. – 2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Мелехин А. А. Теория государства и права : учеб. / А. А. Мелехин. – 2-е изд., перераб. и доп. – 2009. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Курченко О. С. Полномочия органов Пенсионного фонда РФ по обеспечению целевого использования средств материнского (семейного) капитала / О. С. Курченко // Омские научные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 11–16 дек. 2017 г.). – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 959–961.
15. Курченко О. С. Правовые средства предотвращения необоснованной выплаты пенсий гражданам, проживающим за границей / О. С. Курченко // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 53–64. – DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).53-64.
16. Чирков С. А. К вопросу о презумпциях в пенсионном праве и их роли при осуществлении пенсионного обеспечения / С. А. Чирков // Пенсия. – 2017. – № 10. – С. 24–32.
17. Гусева В. В. Об использовании сведений о трудовой деятельности при установлении и выплате пенсий и иных выплат / В. В. Гусева, Г. Н. Кузменова // Пенсия. – 2020. – № 11. – С. 42–47.
18. Комментарий к законодательству о страховых взносах и пенсиях / отв. ред. Ю. В. Воронин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 1088 с.
19. Седельникова М. Г. О некоторых проблемах межведомственного взаимодействия при назначении социально-обеспечительных выплат / М. Г. Седельникова, А. А. Пузырёва // Сибирское юридическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 309–314. – DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-3-309-314.
20. Чирков С. А. О развитии процедурно-правовых гарантий реализации права на пенсию / С. А. Чирков // Пенсия. – 2017. – № 3. – С. 34–47.
21. Курченко О. С. Информационные системы и технологии как инструменты контроля за обоснованностью социального обеспечения / О. С. Курченко // За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении : материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 дек. 2021 г.) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. – Екатеринбург : Ур. гос. юрид. ун-т, 2021. – С. 84–88.

22. Чирков С. А. К вопросу об основных тенденциях в организации процесса пенсионного и социального обеспечения / С. А. Чирков // Пенсия. – 2022. – № 4. – С. 23–26.

REFERENCES

1. Gutnikov O.V. Features of the legal status of the Pension Fund of the Russian Federation. *Advokat*, 2014, no. 11, pp. 17–27. (In Russ.).
2. Yerokhina T.V. Contemporary issues of legislative definition of the legal status of the Pension Fund of Russia. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2015, no. 3, pp. 17–23. (In Russ.).
3. Malysheva A.A. The Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation: Establishment Reasons and Specifics of the Financial and Legal Status. *Nalogi = Taxes (Journal)*, 2023, no. 2, pp. 7–10. (In Russ.).
4. Mikhaylova A.S. "Disguised Taxation" or Otherwise: On the Establishment of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation and the Essence of Its Operations. *Nalogi = Taxes (Journal)*, 2023, no. 1, pp. 36–41. (In Russ.).
5. Istomina Y.A. Interaction of social security law and information law in the process of social risk personification. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm legal almanac*, 2021, no. 4, pp. 554–565. (In Russ.).
6. Bit-Shabo I.V. State social extra-budgetary funds of the Russian Federation in the system of state financial control within the framework of ensuring national security. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov = Information security of the regions*, 2015, no. 2 (19), pp. 49–56. (In Russ.).
7. Yerokhina T.V. Powers of the pension fund of Russia: Legal aspect. *Sotsial'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2015, no. 4, pp. 15–20. (In Russ.).
8. Khvostuntsev A.M. Pension Fund of Russia: evolution of functions and problems of administrative and legal status. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2007, no. 3, pp. 144–149. (In Russ.).
9. Kurchenko O.S. Countering abuses at the granting of additional measures of state support to families with children: the possibilities of the legislator and law enforcement practice experience. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 69–84. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).69-84. (In Russ.).
10. Komarova S.V. On some issues of the application of international agreements of the Russian Federation based on the principle of "territoriality". *Pensiya*, 2017, no. 2, pp. 46–51. (In Russ.).
11. Guseva V.V. About the organization of work to establish the period of care provided by an able-bodied person for a disabled person of group I, a disabled child or a person who has reached the age of 80 years. *Pensiya*, 2019, no. 10, pp. 50–54. (In Russ.).
12. Chirkov S.A. *On law enforcement activities in the field of pension provision*. 2017. Available at Consultant-Plus. (In Russ.).
13. Melekhin A.A. *Theory of State and Law*, Textbook, 2nd ed. 2009. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).
14. Kurchenko O.S. The powers of the bodies of the Pension Fund of the Russian Federation to ensure the target use of maternal (family) capital, in: *Omskie nauchnye chteniya*, Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, December 11-16, 2017), Omsk, Dostoevsky Omsk State University Publ., 2017, pp. 959–961. (In Russ.).
15. Kurchenko O.S. Legal Means to Prevent Unjustified Payment of Pensions to Citizens Living Abroad. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 53–64. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).53-64. (In Russ.).
16. Chirkov S.A. On the issue of presumptions in pension law and their role in the implementation of pension provision. *Pensiya*, 2017, no. 10, pp. 24–32. (In Russ.).
17. Guseva V.V., Kuzmenova G.N. On the use of information on employment in the establishment and payment of pensions and other payments. *Pensiya*, 2020, no. 11, pp. 42–47. (In Russ.).
18. Voronin Yu.V. (ed.). *Commentary on the legislation on insurance contributions and pensions*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2012. 1088 p. (In Russ.).
19. Sedelnikova M.G., Puzyreva A.A. About Some Problems of Interdepartmental Interaction when Appointing Socio-Security Payments. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 309–314. DOI: 10.19073/2658-7602-2019-16-3-309-314. (In Russ.).

20. Chirkov S.A. On the development of procedural and legal guarantees for the realization of the right to a pension. *Pensiya*, 2017, no. 3, pp. 34–47. (In Russ.).

21. Kurchenko O.S. Information systems and technologies as tools for controlling the validity of social security, in: Ivanchina Yu.V., Istomina E.A. (eds.). *Za prava trudyashchikhsya! Prioritetnye napravleniya razvitiya zakonodatel'stva o trude i sotsial'nom obespechenii*, Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, December 16–17, 2021), Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 2021, pp. 84–88. (In Russ.).

22. Chirkov S.A. On the issue of the main trends in the organization of the pension and social security process, *Pensiya*, 2022, no. 4, pp. 23–26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курченко Олег Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и социального права

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: olegpost2001@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 7480-6188; AuthorID: 1052946

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg S. Kurchenko – PhD in Law, Associate Professor, Department of Labour and Social Law

Dostoevsky Omsk State University

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: olegpost2001@mail.ru

RSCI SPIN-code: 7480-6188; AuthorID: 1052946

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Курченко О.С. Полномочия органов Социального фонда России по контролю за обоснованностью социального обеспечения / О.С. Курченко // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 82–91. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).82-91.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kurchenko O.S. The powers of the bodies of the Social Fund of Russia to control the validity of social security. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 82–91. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).82-91. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.971
DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).92-101

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ПРЕСТУПНОМ ПОВЕДЕНИИ ЖЕНЩИН С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Е.В. Кунц

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
08 января 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Женщина, преступление,
преступное поведение,
психика, психические
аномалии, психические
состояния, социальный фактор

Анализируется индивидуальное сознание женщины, которое позволяет ей адаптироваться к окружающей социальной действительности и органично включиться в ее структуру. Сознательные волевые потенции даны женщине от рождения. Изучение психических процессов личности необходимо для сотрудников правоохранительных органов и представителей судебной системы, чтобы логично и правильно оценить показания женщины-преступницы, поскольку без знания общих законов протекания психических процессов невозможно оценить специфику поведения, складывающегося при определенных внешних или внутренних влияниях. Отмечается, что их развитие зависит от самой женщины, ее взаимодействия с окружающим миром. Это подтверждает особое влияние социальных факторов на преступное поведение женщин с психическими аномалиями.

THE ROLE OF SOCIAL FACTORS IN THE CRIMINAL BEHAVIOR OF WOMEN WITH MENTAL ANOMALIES

Elena V. Kunts

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Article info

Received –
2024 January 08
Accepted –
2024 March 20
Available online –
2024 June 20

Keywords

Woman, crime, criminal
behavior, psyche, mental
abnormality, mental states,
social factor

The subject. The article analyzes the individual consciousness of a woman, which allows her to adapt to the surrounding social reality and to integrate into its structure. The purpose of the article is to confirm or disprove hypothesis that pathological features are not decisive in the criminal behavior of a sane woman, including those with mental abnormalities. They act in conjunction with the social content of her consciousness. The methods of the sciences of criminology, criminal law, penal enforcement law, sociology, psychiatry, legal psychology and jurisprudence were used. Main results. Her consciousness is not an externally introduced element of social nature, it is intrinsic to her as a way of her existence, it is the result of her own social existence. The level of consciousness of a woman is adequate to the richness of her social activity, thus, consciousness is, first of all, individual in nature. Whereas the individual consciousness of a woman is significantly influenced by the surrounding people, the experience of previous eras and generations. Conclusions. Consciously volitional potencies are given to a woman from birth. The study of mental processes of personality is necessary for law enforcement officials representatives of the judicial system to logically and correctly censor the testimony of a woman - a criminal, because without knowledge of the general laws of the course of mental processes, it is impossible to assess the specificity of behavior, formed under certain external or internal influences. It is noted that their development depends on the woman herself, her interaction with the surrounding world, which confirms the special influence of social factors on the criminal behavior of women with mental anomalies.

1. Введение

Поведение женщины, являясь детерминированным социальными условиями жизни, должно соответствовать основным требованиям. Общество диктует их с учетом исторического опыта, часть из них представлена законами и нормативными правовыми актами, некоторые существуют в виде социальных норм, но все они в совокупности регулируют поведение женщины, ее деятельность, нахождение в социуме [1, с. 519].

По данным как отечественных, так и зарубежных специалистов, среди женщин, совершивших противоправные деяния, доля лиц с психическими расстройствами значительно выше, чем среди мужчин. Ведется поиск соотношения биологических, социальных и психопатологических факторов, влияющих на формирование преступного поведения женщин с психическими аномалиями.

Существенный вклад в исследование проблемы внесли Ю.М. Антонян, В.Ю. Голубовский, И.В. Горшков, А. И. Долгова, Э. Дюркгейм, Р.М. Зулкарнеев, Н.Г. Иванов, А.В. Ильин, А.В. Ковалев, М.Ф. Костюк, Е.Б. Куркузкина, И.М. Мацкевич, А.Л. Репецкая, А.А. Чечулин и др.

Что касается научной проблемы социальных факторов в преступном поведении женщин с психическими аномалиями, такие исследования проводились крайне редко, выборочно и затрагивали узкие аспекты.

В основу исследования положены методологические принципы, выработанные на базе устоявшихся в исследованиях социально-гуманитарного профиля концептуальных основ и руководящих идей. Исследование имеет междисциплинарный характер, при его проведении использовались методы криминологии, уголовного, уголовно-исполнительного права, социологии, психиатрии, юридической психологии и юриспруденции.

Социальное и биологическое в человеке неразрывны, хотя первичным выступает биопсихофизиологическое его начало, «ибо первоначально человек развивался именно как биологический вид» [2, с. 12].

Первый, идеальный, вариант – когда сочетаются биологическое и социальное, когда нравственно здоровое социальное начало усиленно «сотрудничает» с психически здоровой основой. Главная социально-нравственная ценность данного состояния заключается в гармоничном сочетании процессов возбуждения и торможения.

Второй вариант соотношения биологического и социального – это взаимодействие глубоко пора-

женной психической системы человека с дезорганизованной социальной основой.

Третий вариант характеризуется взаимодействием нравственно ущербного социального базиса человека с его физически здоровой психической основой.

Четвертый вариант соотношения биологического и социального в человеке – это взаимодействие здоровой социальной его основы с психической системой, страдающей какими-либо отклонениями. Данное состояние, как правило, возникает вследствие эмоционального стресса. Для преступлений, совершенных в состоянии эмоционального взрыва, «характерны подавление хода материальных процессов и действие по типу короткого замыкания: непосредственный переход аффекта в действие, почти как при безусловном рефлекс» [3, с. 220].

К признанному виновным в совершении преступления лицу, которое характеризуется аномальным состоянием психики, наряду с наказанием следует применять меры медицинского характера [2, с. 13].

Некоторые аспекты проблемы долгое время оставались неразработанными, а теоретические вопросы преступного поведения женщин с психическими аномалиями – недостаточно исследованными. Криминологи склонны искать объяснение преступной личности и ее противоправного поведения не только в физиологии и психиатрии, а в социальной психологии и психологических теориях личности. Преступник, по их мнению, это не какая-то особенная дефектная личность, а одна из возможных линий развития событий, приводящих к противоправному поведению конкретной личности [4, с. 49].

Проблема преступного поведения женщин с психическими расстройствами сложна, многогранна и имеет несколько важных составляющих: клиническую, социальную, юридическую, судебно-психиатрическую, – каждая из которых требует глубокого изучения.

Таким образом, будет проверена научная гипотеза, что психические аномалии могут иметь противоправное значение, они не выступают причиной преступного поведения женщин, а страдающие ими женщины вовсе не обречены быть всегда преступницами. Эти расстройства предопределены субъективными условиями, с которыми непосредственно сталкивается женщина, фон, на котором в неблагоприятных социальных обстоятельствах могут возникнуть и реализоваться антиобщественные действия. Психические аномалии не могут полностью объяснить со-

вершение преступления. В поведении вменяемой женщины, в том числе имеющей аномалии в психике, патологические черты не являются определяющими. Они выступают в совокупности с социальным содержанием ее сознания.

2. Психические состояния личности и психические явления

Идея выявления особых психических состояний личности как ее внутренней позиции, как состояния, предшествующего реальному поведению человека, разрабатывалась многими отечественными учеными. Позиция личности – это устойчивая система взглядов, убеждений и отношений субъекта к окружающей действительности, к другим людям и к самому себе, проявляющаяся в соответствующем поведении и практической деятельности. С.Л. Рубинштейн выделял динамические тенденции как особые психические состояния, предшествующие реальному поведению индивида. Следовательно, динамические тенденции выступают как особые состояния сознания индивида, как идеальный план сознания, предшествующий его реальному поведению и реализующийся в нем [5, с. 89–90].

В.Н. Мясищев в разработанной им концепции психологии отношений рассматривает последние как особое состояние человека, как индивидуально целостную систему его субъективно-оценочных, сознательно-избирательных отношений к окружающей действительности, представляющую собой интериоризованный личный опыт его взаимоотношений с другими людьми [5, с. 90–91].

Поведение индивида зависит прежде всего от способности адаптироваться в меняющемся мире, установлением связи между отчуждением и гуманистическим понятием человеческой природы и душевного здоровья [6].

Б.Ф. Ломов, анализируя психический склад личности, определяет особые состояния сознания как «субъективные отношения личности», т. е. то, как личность относится к тем или иным действиям конкретных людей и к явлениям окружающего мира, в котором человек живет, – это его субъективная позиция в этом социальном окружении, его оценка этого окружения [5, с. 90]. В случае отклонений в процессах социализации и социальной адаптации, а также развития личности некоторые субъективные отношения начинают доминировать над общественными или групповыми, а ценности одних групп, например социальных или асоциальных, становятся доминирующими, что и способствует формированию психологической готовности к законоисполнительному или

преступному поведению. Без учета указанных выше особых психических состояний субъекта трудно или вообще невозможно объективное причинное понимание и объяснение его противоправных действий и поступков.

В структуре психики женщины необходимо выделить три взаимосвязанных психических явления: процессы, состояния и свойства.

Нормальная человеческая психика называется нормальной потому, что она является продуктом установленных и предписываемых правил и нормативов [7, с. 18].

Классификация психических процессов, как и всякая классификация, условна. В действительности различные психические явления органически связаны [5, с. 13].

К познавательным процессам, как правило, относят: ощущения – это процессы отражения как отдельных свойств и качеств внешнего мира, так и внутренней среды организма; восприятия как соотносительного отражения предметного мира; память как процесс запечатления и последующего воспроизведения объективного мира в форме образов и понятий; мышление как процесс опосредованного и обобщенного отражения действительности, обеспечивающий познание общего и существенного; воображение как процесс реконструирования образов и понятий, отражающих действительность.

К волевым процессам следует отнести постановку цели и мотивацию поведения и действия, т. е. обоснования их целесообразности с точки зрения нравственности или с позиций эгоистических наклонностей, корыстолюбия. Сюда же включается решение и исполнение. Исполнение – это сложный целостный акт, который включает ряд процессов: самоконтроль, волевое усилие, дополнительное самопобуждение к новому действию.

Эмоциональные процессы есть сложные переживания человеческой личности, которые делятся на стилистические, активизирующие личность, и астенические, снижающие тонус жизнедеятельности.

К основным процессам относят различные эмоции, например страх, гнев, радость, печаль, а также аффекты как сильные и бурно протекающие эмоции – ужас, ярость, гнев, отчаяние. Все психические явления органически связаны.

Изучение чувств женщины-преступницы с позиции моральных критериев имеет значение и в диагностике отклоняющегося поведения, и при выборе варианта поведения. Посредством полученной информации становится возможным сознательно

управлять процессом формирования разнообразных чувств, типичных для морально воспитанной женщины с активной гражданской позицией.

Наряду с процессами и свойствами женщины следует выделить особый вид психического явления – состояния, под которым понимается относительно устойчивый уровень психической деятельности, отражающий внутренние, органические или внешние воздействия среды. Психические состояния, согласно Н.Д. Левитову, нередко становятся типическими для данной личности, характерными для данного человека. В таком случае они как бы превращаются в свойства личности [8, с. 12–13].

Определенное состояние возникает в силу как сложившейся обстановки, так и применения специфических социальных мер воздействия, например общественной похвалы или порицания, постановки задачи.

3. Противоправное проявление психических явлений у женщин

Преступления, совершаемые женщинами, не только создают угрозу безопасности различных общественных отношений и интересов, но и значительно влияют на духовно-нравственное состояние общества, его культуру, уровень конфликтности в нем [9, с. 702].

Преступное поведение женщин претерпело на сегодняшний день ряд изменений, прежде всего значимо то, что оно стало более жестоким, увеличивается число преступлений, совершенных с применением насилия и группой лиц [10].

Примером могут послужить случаи из отечественной судебной практики.

В ходе ссоры А. со своим мужем нанесла ему два удара в область грудной клетки и живота. От полученных травм потерпевший скончался. В обоснование своей позиции А. указала, что ее супруг находился в состоянии алкогольного опьянения и вел себя агрессивно. В ходе произошедшей ссоры потерпевший нанес несколько телесных повреждений А., а применяемое ею насилие явилось способом обороны¹.

В другом случае: *Р., находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возник-*

ших неприязненных отношений к своему сожителю в результате произошедшей ссоры нанесла два резких удара клинком ножа в область живота. От полученных травм сожитель скончался².

Приведенные примеры подтверждают, что руководящей силой преступного поведения у женщин выступает эмоциональное состояние, сильное душевное потрясение. При этом большинство таких деяний следует относить к числу необдуманных, случайных.

Имеют место случаи, когда преступление совершает женщина, страдающая заболеванием психики, но признанная вменяемой. Любое психическое расстройство оказывает влияние на интеллектуально-волевую сферу женщины, порождает аномалии ее мышления и воли. В данном случае проблема состоит в определении параметров и глубины аномальных изменений психики женщины. Когда дефекты мышления и воли женщины достигают значительных размеров, она обоснованно признаётся невменяемой. Но если эти дефекты не столь существенны, то женщина, хотя и является психически нездоровой, несет ответственность на общих основаниях.

А.Н. Красилов под психическим расстройством, не исключающим вменяемости, понимает расстройства психики, вызванные родовым процессом и послеродовым периодом [11].

Некоторые женщины, страдающие депрессией, в той или иной форме употребляют психоактивные вещества или пристрастились к ним. При этом согласно статистическим данным, 85–90 % наркопреступников – мужчины, а женщины чаще совершают наркопреступления в составе группы [12].

К факторам, которые могут увеличить риск депрессии у женщин, включают прежде всего неравный статус, что может породить у женщины низкую самооценку и отсутствие ощущения контроля над своей жизнью. Также к числу факторов можно отнести рабочую перегрузку и сексуальное или физическое насилие [13, с. 31–32].

Причины возникновения тех или иных психических аномалий различны. Наказание должно способствовать их устранению, поэтому вид и размер наказания нужно избирать индивидуально, с учетом всех

¹ Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга Оренбургской области № 1-34/2020 1-533/2019 от 22 мая 2020 г. по делу № 1-34/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wga2bZNM1QHg/>. Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация источников.

² Приговор Московского районного суда г. Рязани Рязанской области № 1-26/2019 1-314/2018 от 15 января 2019 г. по делу № 1-26/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RDS2C9ZqzkNw/>.

признаков, характеризующих женщину. Эти обстоятельства вызывают необходимость выделения в рамках вменяемости категории «уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости», при наличии которой должна быть учтена неспособность субъекта в полной мере отдавать отчет в своих действиях или руководить ими.

В теории уголовного права данное состояние именуется ограниченной вменяемостью. Такое состояние проявляется в случаях психических расстройств: органическое поражение головного мозга и олигофрения легкой и средней степени, психопатия [14].

Для женщин, которые совершили насильственные преступления, характерна определенная повышенная эмоциональность, выражающаяся в повышенной возбудимости, плаксивости, раздражительности, неуверенности в себе, тревоге, эмоциональной зависимости, поэтому распространенными мотивами такого вида преступлений являются месть и ревность.

Психологические травмы, полученные женщинами в результате семейных и иных конфликтов, могут носить затяжной характер. В итоге такое долгое переживание какой-либо проблемы может получить выражение во взрывном, импульсивном, агрессивном поведении, способствующем принятию спонтанных, необдуманных решений противоправной направленности [15].

Р. умышленно причинила тяжкий вред здоровью, опасный для жизни ее сожителя Я., повлекшего его смерть с применением кухонного ножа, используемого в качестве оружия. Так, сожитель Я. ранее неоднократно избивал Р., в день совершения преступления они совместно распивали спиртные напитки. В процессе употребления алкогольной продукции между ними возник конфликт на бытовой почве, в ходе которого он схватил ее за волосы и ударил кулаком в лицо. Далее она ушла на кухню, чтобы сделать себе бутерброд. Когда Р., держала кухонный нож в руке, ее сожитель Я. подошел к ней со спины, испугавшись, что он опять начнет ее бить, она ударила его кухонным ножом в живот. В результате, полученной колото резаной раны брюшной полости он скончался через несколько дней в больнице³.

Снижению числа преступлений против личности способствуют меры по созданию надлежущей

правовой основы для предупредительной деятельности правоохранительных органов, обеспечение доступной помощи жертвам семейного насилия; информационное содействие реализации потерпевшими их прав на защиту [14, с. 77].

4. Клинические проявления психических расстройств

В истории психиатрии и права первоначальный научный интерес к изучению психопатий объяснялся востребованностью юридической практики в связи со склонностью к болезненному реагированию, сложностями экспертной оценки и повышенной криминогенностью психопатов. Впервые термин «психопатия» содержался в судебно-психиатрических экспертных заключениях В.Х. Кандинского, И.М. Балинского и О.А. Чечотта.

В клинической картине с раннего школьного возраста следует обратить внимание на расторможенность, пренебрежение авторитетами, главным образом учителями и их наставлениями. В подростковом возрасте они предпочитают общество себе подобных, с таким же поведением, круг интересов в таких компаниях достаточно определенный: алкоголь, наркотики, случайные сексуальные связи, хищения, вандализм, хулиганство.

У психопатических личностей со склонностью к конструктивным и особенно дефицитарным формам агрессивного поведения в конфликтных внутрисемейных ситуациях происходит длительное созревание агрессивного ответа и сильная зависимость этого процесса от неблагоприятных условий микро-среды, провоцирующего и нередко противоправного поведения будущих жертв. В этих случаях отчетливо прослеживается сдерживающая роль устоявшегося просоциального поведения.

Склонность к деструктивным формам агрессивного поведения у психопатических личностей разных патохарактерологических типов в связи с указанной сравнительно большей их патологичностью указывает на возможность применения к ним такой экспертной оценки, как ограниченная вменяемость. Формы агрессивного поведения могут служить существенным элементом единого криминологического, клинко-психиатрического и психологического принципа оценки психических расстройств у лиц, совершивших внутрисемейные и другие агрессивные противоправные деяния.

³ Приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-167/2021 от 7 июля 2021 г. по делу № 1-167/2021

// Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ai40QuiAE8xq/>.

Наиболее криминогенной и прогностически неблагоприятной является группа лиц со склонностью к деструктивным формам агрессивного поведения, у которых таковые сочетаются с более глубокими личностными расстройствами и антисоциальными установками, в отличие от двух других форм. Это определенно свидетельствует о патологическом характере деструктивной агрессивности.

У лиц с дефицитарными формами проявления агрессии при совершении рассмотренных правонарушений ситуационному фактору принадлежит определяющая роль. На это указывают данные о констатации всех случаев юридически значимых эмоциональных состояний, в том числе физиологического аффекта [17, с. 24].

5. Психотравмирующая ситуация при убийстве матерью новорожденного ребенка

Особое место среди преступлений, совершаемых женщинами, занимает непосредственно женское преступление – убийство матерью новорожденного ребенка. По мнению С.В. Бородина, нет необходимости выделять убийство матерью новорожденного ребенка в качестве самостоятельного привилегированного состава. Несомненно, есть случаи, когда детоубийство совершается лицом, находящимся в условиях, когда особое психическое состояние влияет на ее действия, однако такое нельзя относить ко всем случаям, известным практике.

К. родила жизнеспособного младенца мужского пола. Далее на почве имеющихся материальных трудностей у нее возник умысел на убийство своего новорожденного ребенка. Сразу же после родов, К. закрыв ладонью своей руки отверстия рта и носа ребенка, прекратила процесс поступления воздуха вследствие чего наступила смерть младенца⁴.

Приведенный выше пример четко показывает, что общественная опасность данного преступления не позволяет отнести его к числу привилегированных. Таким образом, действительно, точка зрения С.В. Бородина имеет место: как следует из примера, мать совершила преступление, находясь не под влиянием своего психического состояния, что не позволяет отнести его к привилегированному виду убий-

ства и смягчать ответственность. Такой же точки зрения придерживается и Н.Е. Алёнкин [18].

Количество реально совершенных преступлений превышает статистические показатели. Многие женщины, еще будучи беременными, готовятся к совершению детоубийства [19, с. 68]. По мнению В.В. Русиной, из 55 случаев убийств матерями своих детей только один регистрируется правоохранительными органами [20, с. 71].

В судебной практике встречаются случаи, когда при покушении или даже убийстве новорожденного ребенка мать оставалась безнаказанной в связи с примирением с потерпевшим в соответствии со ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ.

Так, женщина совершила убийство своего новорожденного ребенка, а ее супруг, в качестве представителя потерпевшего обратился в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении его супруги на основании, предусмотренном ст. 25 УПК РФ, в связи с примирением с подсудимой. Женщина полностью раскаялась в содеянном, принесла извинения, загладила причиненный преступлением моральный вред. Супруг никаких претензий к подсудимой не имел и настаивал на прекращении уголовного дела⁵.

Суд удовлетворил ходатайство потерпевшего. Данная позиция суда находит свое подтверждение и в постановлении суда Кемеровской области, однако преступление не было окончено по независящим от подсудимой обстоятельствам⁶.

В вышеприведенном примере налицо прямой сговор между виновным лицом и потерпевшим, к числу которого относятся близкие родственники подсудимой: муж, мать, отец. Стороны понимают, что решение суда оспаривать не будут.

Ситуацию можно отнести к психотравмирующей только после тщательного анализа взаимодействия индивида и ситуации, в которой психологическое значение имеет воздействие на сознание субъекта [21, с. 94].

В результате проведения экспертизы будет дана оценка эмоциональному состоянию женщины, вызванной психотравмирующими обстоятель-

⁴ Приговор Богдановичевского городского суда Свердловской области № 1-118/2018 от 10 сентября 2018 г. по делу № 1-118/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ceXt73hJnNVQ/>.

⁵ Постановление Динского районного суда Краснодарского края № 1-58/2018 от 22 марта 2018 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/33311222>.

⁶ Постановление Юргинского городского суда Кемеровской области № 1-113/2017 от 17 мая 2017 г. // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/27319684>.

вами, которые впоследствии оказали существенное влияние на ее сознание и поведение.

Существенным упущением законодателя является то, что действующий Уголовный кодекс (далее – УК) РФ не содержит понятия «психотравмирующая ситуация». Необходимо дополнить УК РФ ст. 22.1 «Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в условиях психотравмирующей ситуации», с учетом того, что лицо подлежит уголовной ответственности, изложив понятие психотравмирующей ситуации как состояние смешанного характера, состоящего из проблем семейно-бытового и социального характера.

С учетом нестабильной экономической ситуации в стране и постоянными стрессовыми ситуациями, ежедневно присутствующими в жизни человека, не все бытовые и социальные ситуации, происходящие в жизни, могут быть признаны психотравмирующими.

В действующем законодательстве субъектом данного состава преступления может быть мать, достигшая 16-летнего возраста, в связи с чем возникает вопрос о понижении возраста уголовной ответственности по рассматриваемому составу преступления [22, с. 5].

6. Заключение

Для понимания преступных действий, их источников и мотивов необходимо знание не только внешних обстоятельств, сложившихся ситуаций, но и духовного облика целостной личности. Значительная часть преступлений совершается женщинами в состоянии сильного эмоционального потрясения. В этой связи следует признать, что такие деяния не имеют предварительной подготовки.

Противоправное проявление психических аномалий у женщины обусловлено социально-психологическими различиями и выражается в особой значимости переживаний личного и внутрисемейного характера. Объективно трудные и индивидуально значимые ситуации, затрагивающие наиболее уязвимые стороны системы ценностей женщин, оказывают определенное влияние на развитие у них психических заболеваний, что проявляется в содержании психопатологических переживаний, отражающих нарушения межличностных и внутрисемейных отношений с соответствующей направленностью агрессивных действий на лиц ближайшего окружения, в основном, членов семьи, близкого окружения.

Следует особо отметить психологическое и нервное напряжение женщин, которые уже отбывали наказание в виде лишения свободы. Конфликты в сфере общежития, желание подорвать доверие к системе исполнения наказания, попытки повысить свой авторитет среди осужденных, сама обстановка изоляции человека от общества становится благоприятной почвой для преступных действий [23, с. 87], проявления психических аномалий у женщин.

Уголовное правосудие должно быть направлено на совершенствование мер реагирования на преступные действия, жертвами которых становятся женщины и дети, с позиций профилактики и предупреждения их противоправного поведения. Отечественная правовая система должна быть направлена на устранение барьеров на пути к освобождению женщин от криминального влияния [24, с. 87].

В настоящее время рассматривается вопрос о создании федерального регистра людей с тяжелыми психическими расстройствами, которые могут быть потенциально опасны для общества. Действенными будут такие меры: вовлечение таких граждан в сферу общественно полезного труда; повышение уровня культуры и правосознания; особо тщательный контроль за ранее судимыми лицами; своевременное выявление лиц с психическими расстройствами, склонными к агрессивному поведению; помощь в бытовой сфере; поддержка сохранения и укрепления семьи [25, с. 133].

Расстройства психической деятельности способствуют формированию женщины-преступницы только при определенных неблагоприятных социальных условиях, к ним можно отнести: неблагоприятную среду, отсутствие общественно полезных контактов; плохое, недостаточное воспитание со стороны семьи, родственников; недостаточный уровень образования и степень развития сознания; отсутствие привитых моральных и духовных ценностей; унижения, негативное отношение со стороны общества.

Настоящее исследование направлено на решение социальной проблемы, представляющей научный интерес и являющейся актуальной. Ее дальнейшее исследование и изучение необходимо для последующего поступательного и продуктивного развития наук уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, уголовно-процессуального права, психологии, психиатрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунц Е. В. Научное обоснование проблемы преступного поведения женщин / Е. В. Кунц // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 514–522. – DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).514-522.
2. Иванов Н. Г. Пограничная вменяемость в уголовном праве / Н. Г. Иванов // Советская юстиция. – 1991. – № 4. – С. 12–13.
3. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции / В. С. Дерябин ; под ред. В. М. Смирнова, А. И. Трохачева. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 257 с.
4. Голубовский В. Ю. Научные проблемы типологии личности осужденных женщин / В. Ю. Голубовский, Е. В. Кунц // Проблемы права. – 2023. – № 3 (91). – С. 49–53. – DOI: 10.14529/pro-prava230311.
5. Чечулин А. А. Социально-психологические закономерности противоправного поведения : учеб. пособие / А. А. Чечулин. – Новосибирск, 2002. – 111 с.
6. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд ; пер. с нем. Г. В. Барышниковой. – М. : АСТ, 2011. – 251 с.
7. Мацкевич И. М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность / И. М. Мацкевич // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 7–20.
8. Ковалев А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя / А. Г. Ковалев. – М. : Юридическая литература, 1968. – 136 с.
9. Репецкая А. Л. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект) / А. Л. Репецкая, Т. С. Кононыхина // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 702–713. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713.
10. Kostyuk M. F. Questions of scientific research on violence and inequality applied to women K-10, K-14, K-30, K-40 / M. F. Kostyuk, E. V. Kunts // PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology. – 2020. – Vol. 17, iss. 7. – P. 57–62.
11. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву / А. Н. Красиков. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. – 124 с.
12. Golubovsky V. Measures for countering drug trafficking in Russia and Germany / V. Golubovsky, M. Kostyuk, E. Kunts // Cuestiones Políticas. – 2022. – Vol. 40, no. 74. – P. 410–424. – DOI: 10.46398/cuestpol.4074.22.
13. Ильин А. В. Анализ психологических причин преступного поведения женщин / А. В. Ильин // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 31–38.
14. Лапаев И. С. Биологический (медицинский) и психологический критерий невменяемости в праве / И. С. Лапаев, Ю. Р. Абулякарова // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4, № 1 (13). – С. 76–81.
15. Кирсанова О. С. Особенности криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы, и методы психокоррекционной работы с ними / О. С. Кирсанова // Человек: преступление и наказание. – 2010. – № 4 (65). – С. 83–86.
16. Тимошина Е. М. Семейная насильственная преступность в России: структура, состояние, динамика / Е. М. Тимошина, И. Б. Колчевский // Уголовное право. – 2022. – № 2 (138). – С. 66–77. – DOI: 10.52390/20715870_2022_2_66.
17. Горшков И. В. Тяжкие преступления в семье : учеб. пособие / И. В. Горшков, Р. М. Зулкарнеев ; под науч. ред. Ю. М. Антоняна. – М. : ВНИИ МВД России, 1997. – 72 с.
18. Алёнкин Н. Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: вопросы совершенствования / Н. Е. Алёнкин // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 44–54.
19. Попова С. А. Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка / С. А. Попова // Sciences of Europe. – 2019. – № 39-3 (39). – С. 68–71.
20. Русина В. В. Матери, убившие своих детей. Современное состояние проблемы в судебной психиатрии / В. В. Русина // Независимый психиатрический журнал. – 2011. – № 2. – С. 71–75.
21. Антонян Ю. М. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы / Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, Е. Б. Кургузкина // Lex russica. – 2018. – № 3 (136). – С. 94–114. – DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114.

22. Любавина М. А. Субъект преступления : учеб. пособие / М. А. Любавина. – СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. – 60 с.
23. Голубовский В. Ю. Криминальное поведение женщин: психическая и психологическая предрасположенность : моногр. / В. Ю. Голубовский, Е. В. Кунц. – М. : НИИ ФСИН России, 2023. – 248 с.
24. Петрушко Ю. А. Криминологическая характеристика рецидива насильственной преступности и проблемы ее предупреждения / Ю. А. Петрушко // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 10 (19). – С. 87–90.
25. Якоб Е. И. Насильственная преступность в России: криминологическая характеристика, детерминанты, тенденции и предупреждение / Е. И. Якоб // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 3 (104). – С. 133–140. – DOI: 10.38161/2618-9526-2020-3-20.

REFERENCES

1. Kunz E.V. Scientific substantiation of the problem of criminal behavior of women. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian criminological journal*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 514–522. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).514-522. (In Russ.).
2. Ivanov N.G. Border sanity in criminal law. *Sovetskaya yustitsiya*, 1991, no. 4, pp. 12–13. (In Russ.).
3. Deryabin V.S. *Feelings, drives, emotions*, ed. by V.M. Smirnov, A.I. Trokhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 257 p. (In Russ.).
4. Golubovsky V.Yu., Kunz E.V. Scientific problems of personality typology of convicted women. *Problemy prava = Problems of Law*, 2023, no. 3 (91), pp. 49–53. DOI: 10.14529/pro-prava230311. (In Russ.).
5. Chechulin A.A. *Socio-psychological regularities of unlawful behavior*, Teaching aid. Novosibirsk, 2002. 111 p. (In Russ.).
6. Freud S. *Psychopathology of Ordinary Life*, transl. from German by G.V. Baryshnikova. Moscow, AST Publ., 2011. 251 p. (In Russ.).
7. Matskevich I.M. Criminal behavior of a person: mental and psychological predisposition. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of criminologists and criminologists*, 2018, no. 3, pp. 7–20. (In Russ.).
8. Kovalev A.G. *Psychological foundations of correction of the offender*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1968. 136 p. (In Russ.).
9. Repetskaya A.L., Kononykhina T.S. Victimological characteristics and prevention of crimes committed by women (regional aspect). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Criminological Journal*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 702–713. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713. (In Russ.).
10. Kostyuk M.F., Kunts E.V. Questions of scientific research on violence and inequality applied to women K-10, K-14, K-30, K-40. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*, 2020, vol. 17, iss. 7, pp. 57–62.
11. Krasikov A.N. *Responsibility for murder under Russian criminal law*. Saratov, Saratov State University Publ., 1999. 124 p. (In Russ.).
12. Golubovsky V., Kostyuk M., Kunts E. Measures for countering drug trafficking in Russia and Germany. *Cuestiones Políticas*, 2022. vol. 40, no. 74, pp. 410–424. DOI: 10.46398/cuestpol.4074.22.
13. Ilyin A.V. Analysis of psychological causes of women's criminal behavior. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4, pp. 31–38. (In Russ.).
14. Lapaev I.S., Abubyakarova Yu.R. Biological (medical) and psychological criterion of insanity in law. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2016, vol. 4, no. 1 (13), pp. 76–81.
15. Kirsanova O.S. Criminal motivation of female prisoners and methods of psychocorrectional consulting. *Che-lovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2010, no. 4 (65), pp. 83–86. (In Russ.).
16. Timoshina E.M., Kolchevsky I.B. Family violent crime in Russia: structure, state, dynamics. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2022, no. 2 (138), pp. 66–77. DOI: 10.52390/20715870_2022_2_66. (In Russ.).
17. Gorshkov I.V., Zulkarneev R.M. *Serious crimes in the family*, Teaching aid, ed. by Yu.M. Antonyan. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1997. 72 p. (In Russ.).
18. Alenkin N.E. The system of privileged corpus delicti of murder in the criminal law of Russia: issues of improvement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2012, no. 4, pp. 44–54. (In Russ.).

19. Popova S.A. Modern aspects of the murder of a newborn child by the mother. *Sciences of Europe*, 2019, no. 39-3 (39), pp. 68–71. (In Russ.).
20. Rusina V.V. Mothers who killed their children. The current state of the problem in forensic psychiatry. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal = Independent Psychiatric Journal*, 2011, no. 2, pp. 71–75. (In Russ.).
21. Antonyan Y.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. Murder by the mother of a newborn child: criminal-legal and criminological problems. *Lex Russica*, 2018, no. 3 (136), pp. 94–114. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.094-114. (In Russ.).
22. Lyubavina M.A. *Subject of a crime*, Teaching aid. St. Petersburg, St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ., 2014. 60 p. (In Russ.).
23. Golubovsky V.Y., Kunz E.V. *Criminal behavior of women: psychic and psychological predisposition*, Monograph. Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2023. 248 p. (In Russ.).
24. Petrushko Y.A. Criminological characteristics of violent crime recidivism and problems of its prevention. *Evraziiskii soyuz uchenykh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 10 (19), pp. 87–90. (In Russ.).
25. Yakob E.I. Violent crime in Russia: criminological characteristics, determinants, trends and prevention. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Bulletin of Khabarovsk State University of Economics and Law*, 2020, no. 3 (104), pp. 133–140. DOI: 10.38161/2618-9526-2020-3-20. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кунц Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы *Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний*
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А/1
E-mail: 73kuntc@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8793-0574
SPIN-код РИНЦ: 4668-2305

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena V. Kunts – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences; Chief researcher, Department for the development of methodologies for the execution of sentences related to deprivation of liberty and the study of penitentiary crime, Center for the Study of Security Problems in Institutions of the Penitentiary System
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15A/1, Narvskaya ul., Moscow, 125130, Russia
E-mail: 73kuntc@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8793-0574
RSCI SPIN-code: 4668-2305

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кунц Е.В. Роль социальных факторов в преступном поведении женщин с психическими аномалиями / Е.В. Кунц // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 92–101. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).92-101.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kunts E.V. The role of social factors in the criminal behavior of women with mental anomalies. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 92–101. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).92-101. (In Russ.).

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Н.А. Крайнова

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
14 января 2024 г.
Дата принятия в печать –
05 апреля 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Государственная политика,
криминологическая политика,
предупреждение преступности,
доктрина противодействия
преступности

Анализируются современные тенденции государственной политики в сфере предупреждения преступности. На основе исследования законодательства и доктринальных источников формулируются выводы относительно понятия государственной политики в сфере предупреждения преступности и необходимости ее концептуализации. С акцентом на основные тренды современной криминологической политики аргументируется необходимость баланса и стратегического видения в данной сфере. Политика в сфере предупреждения преступности должна быть планомерной, продуманной и сбалансированной. Предлагается разработать и принять на законодательном уровне Доктрину противодействия преступности в Российской Федерации, Рекомендации по нормативно-правовому регулированию предупреждения преступности для стран – участников СНГ.

SOME TRENDS OF MODERN DOMESTIC STATE POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION

Nadezhda A. Krainova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Article info

Received –
2024 January 14
Accepted –
2024 April 05
Available online –
2024 June 20

Keywords

State policy, criminological policy,
crime prevention, crime
prevention doctrine

The subject. The article is devoted to the analysis of current trends in state policy in the field of crime prevention.

The author aims to prove that this policy is intuitively focused on prevention and ensuring the security of society and the state from internal and external threats, but needs legislative regulation of the main directions, principles, and approaches.

Methodology. Based on the study of legislation and doctrinal sources, the article formulates conclusions regarding the concept of state policy in the field of crime prevention and the need for its conceptualization.

Main results. The author focuses on the main trends of modern criminological policy, which include an increase in the number of normative legal acts, primarily of a strategic nature (doctrines, concepts, strategies), which can be attributed with a certain degree of confidence to legislation in the field of crime prevention (criminological).

Conclusions. The article argues for the need for balance and strategic vision in this area. The policy in the field of crime prevention should be systematic, thoughtful, balanced, and legislatively defined. In the course of the study, historical, comparative legal, dialectical methods were used, as a result of which the author came to the conclusion about the possibility of regulatory regulation of the conceptual foundations of state policy in the field of crime prevention at the level of a strategic document. The article proposes to develop and adopt at the legislative level the Doctrine of Combating Crime in the Russian Federation, Recommendations on the legal regulation of crime prevention for the CIS member states.

1. Введение

Определение основных направлений государственной политики в сфере предупреждения преступности (криминологическая политика) в нынешних условиях приобретает особую актуальность, что обусловлено современными вызовами и угрозами,

предопределенными изменением геополитических, экономических, социальных, культурных отношений. В последнее время наблюдается интенсификация роли уголовного права в решении вопросов, связанных с обеспечением защиты общества и государства, в то время как разработка и реализация мер

предупредительного характера имеют не меньший противопреступный потенциал. Увлечение уголовно-правовыми средствами реагирования на преступность не должно затмевать значимость мер предупредительного характера, реальное воплощение в жизнь которых способно обеспечить состояние безопасности, защищенности государственных и общественных институций [1, с. 122]. Выдвинутая еще древними мыслителями идея о том, что «предупреждение преступности должно иметь приоритет перед карательной политикой государства» [2, с. 195] (см. также: [3]), не всегда в полной мере реализовывалась на практике, хотя и была озвучена в трудах известных мыслителей, таких как Конфуций, Т. Мор [4], Ч. Беккариа [5], Ш.Л. Монтескье [6], М.Н. Гернет [7], М.В. Духовский, А.Ф. Кистяковский, А.А. Пионтковский, М.М. Сперанский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, М.П. Чубинский и др. В исследование современных проблем предупреждения преступности свой вклад внесли Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, А.И. Долгова, Я.И. Гилинский, И.И. Карпец, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, А.Г. Лекарь, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, В.А. Номоконов, А.Б. Сахаров, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев и др. Однако, несмотря на обилие научных изысканий, динамично меняющиеся социальные условия, стоящие перед обществом и государством вызовы глобального масштаба предопределяют востребованность анализа принимаемых государством мер в целях определения их противопреступного потенциала и выстраивания на этой основе эффективной государственной политики в сфере предупреждения преступности.

2. Противодействие или предупреждение преступности?

В настоящее время наиболее часто в законодательстве и правоприменительной практике используется термин «противодействие преступности». Некоторые нормативные правовые акты даже в самом названии содержат лексему «противодействие»¹, однако его определение в самом тексте документа либо вовсе отсутствует, либо весьма размыто. Анализ правовой материи свидетельствует о том, что содержание понятия «противодействие преступности» законодателем трактуется широко: это и деятельность по предупреждению преступности, выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и

расследованию преступлений, борьбе с преступностью, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений преступности, и деятельность в пределах полномочий соответствующих органов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель пока не определился с точной формулировкой понятия «противодействие преступности» и допускает плюрализм подходов к его толкованию.

В научной литературе отмечается, что понятие «противодействие» по своему содержанию совпадает с предупреждением и борьбой с преступностью, однако эти виды деятельности изначально имеют разные цели. Если целью предупреждения выступает удержание человека от совершения противоправного проступка полностью либо воспрепятствование воплощению преступного замысла в жизнь (окончанию преступления), то целью борьбы с преступностью является сдерживание существующей преступности в определенных рамках [8, с. 34]. Что же касается противодействия преступности, то это понятие включает в себя и ситуацию недопущения преступлений, и воздействие на уже существующую реальность в виде совершенных противоправных деяний [9, с. 213; 10]. По сути, путем противодействия преступности реализуются и цели предупреждения, и цели борьбы с преступностью.

Если рассматривать соотношение понятий «предупреждение преступлений» и «борьба с преступностью» сквозь призму субъектного состава, то вести предупредительную деятельность могут все без исключения лица вне зависимости от своей профессиональной принадлежности. При реализации же борьбы с преступностью используется исключительно профессиональный подход: «бороться» с уже совершенными преступными деяниями, безусловно, должны представители компетентных государственных структур.

Несомненно, преступность представляет собой весьма сложное явление, прежде всего социального характера, нуждающееся в профилактике, предупреждении, борьбе, противостоянии, противодействии и т. д. В широком смысле целесообразно использовать максимально объемное понятие, дающее возможность реализовать весь арсенал имеющихся средств. В этой связи термин «противодействие преступности» следует признать максимально подходя-

¹ Например, федеральные законы от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О проти-

водействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и некоторые др. Здесь и далее нормативные акты, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

щим по смыслу. Под противодействием преступности можно понимать деятельность как государственных, так и общественных субъектов, направленную на недопущение совершения преступных деяний, сопротивление воспроизводству преступности предусмотренными законодательством способами и средствами.

Предупреждение преступности является составной частью более широкого понятия «противодействие» и представляет собой деятельность как государственных, так и общественных институтов, направленную на предотвращение преступных деяний, минимизацию причин преступности, нейтрализацию условий.

3. Государственная политика в сфере предупреждения преступности

Как отмечается в научной доктрине, понятием государственной политики охватывается «целенаправленная деятельность органов государственного управления по решению общественных и международных проблем, развитию общества, обеспечению безопасности» [11, с. 47]. Таким образом, в сферу государственной политики в области предупреждения преступности входит широкий спектр направлений деятельности; вся палитра действий субъектов, задачей которых в конечном итоге является предусмотренное законодательством сопротивление воспроизводству преступности [12; 13].

В самом общем виде можно говорить о том, что любое направление государственной политики под определенным углом зрения может быть рассмотрено сквозь призму достижения обозначенной цели. Так, экономические и социальные меры, принимаемые Правительством РФ, направлены на повышение благосостояния, ощущения комфортности, безопасности населения, что способствует сдерживанию преступности. Иными словами, государственная политика в любой сфере имеет противопреступный потенциал. В то же время это не означает, что любую государственную политику следует провозглашать политикой в сфере предупреждения преступности. Скажем так: вся государственная политика имеет противопреступный потенциал, но в полной мере направлена на его реализацию только политика в сфере предупреждения преступности.

Вероятно, любая правомерная деятельность человека с определенной долей допущения может быть признана имеющей противопреступный потенциал. Однако в том случае, когда мы ведем речь о государственной политике в сфере предупреждения

преступности, мы имеем в виду прежде всего мероприятия, направленные на нейтрализацию конкретных видов преступлений, в том числе с использованием средств уголовно-правового запрета. Именно последнее и может быть обозначено термином «уголовно-правовая политика». В научной литературе можно встретить позиции, отождествляющие уголовно-правовую политику с предупреждением преступности, борьбу с ней в широком смысле [14, с. 55–56]. Однако уголовно-правовая политика не равна государственной политике в сфере предупреждения преступности, а также не может и не должна играть «замещающую» роль по отношению к последней.

Употребляя категорию «уголовно-правовая» применительно к политике по противодействию преступности, мы подчеркиваем не только ее связанность с уголовно-правовыми запретами и иными уголовно-правовыми средствами, но и обозначаем ее производность, связанность с событиями преступлений. Общественная опасность деяния как основополагающий принцип криминализации предопределяет сопряженность уголовно-правовой политики с уже произошедшими в реальной жизни общественно опасными деяниями [15, с. 130]. В этой связи представляется достаточно сложным в какой-то перспективе спрогнозировать уголовно-правовую политику, учитывая некий производный ее характер, в то время как государственная политика в сфере предупреждения преступности на основе криминологического анализа (статистических данных о преступности и т. д.) вполне может быть спроектирована на будущее.

4. Исторический аспект государственной политики в сфере предупреждения преступности

Безусловно, во все времена на всех этапах своего исторического развития любое государство озабочено вопросами своей безопасности от внутренних и внешних угроз, немалую часть которых (если не основную) составляет преступность. Если анализ законотворческой деятельности и правоприменительной практики «раннего» периода развития российской государственности демонстрирует интеграцию деятельности по предупреждению преступности в «тело» уголовной политики государства, то к концу XVIII в. наблюдается очевидная дифференциация подходов. На законодательном уровне такая ситуация была оформлена принятием Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1832 г.², который закреплял нормы, направленные на недопущение совершения правонарушений (превенцию).

² URL: <https://www.prilib.ru/item/459984>.

В дальнейшем в СССР, вследствие переориентации государственной политики по противодействию преступности на организацию профилактической деятельности, удалось создать стройную систему предупреждения преступности. Во многом именно благодаря тому, что профилактика стала важнейшей функцией органов государственной власти, призванных бороться с преступностью [14, с. 53], удалось минимизировать репрессивный характер уголовной политики, достичь снижения уровня преступности в целом [16]. При всех кажущихся недостатках советской системы, именно в Советском Союзе в 1960–1980-х гг. был в максимальной степени реализован противопреступный потенциал государственной политики. Была выработана и закреплена в документах программного характера государственная стратегия противодействия преступности, основанная на традиционных ценностях, приоритете социального контроля и норм человеческого общежития. Думается, что современной политике в сфере противодействия преступности как раз и не хватает в большей степени профилактического уклона, не реализован в полной мере предупредительный потенциал.

В новейшей российской истории попытка сформировать законодательные основы противопреступной (криминологической) политики была предпринята Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 182). При всем положительном значении разработки и принятия обозначенного нормативного правового акта, он так и не смог взять на себя роль основополагающего документа, на основе которого принималось бы законодательство, регламентирующее предупредительную деятельность. В научной печати высказывались обоснованные претензии к его содержанию, а также пожелания «унифицировать нормативное регулирование деятельности по предупреждению отдельных видов преступности на основании принятого закона об основах системы профилактики правонарушений» [17, с. 72]. Однако следует признать, что должной степени унификации «предупредительного» законодательства на федеральном и региональном уровне пока не получилось. По сути, в настоящее время ФЗ № 182 существует самостоятельно и не играет определяющей роли в регулировании предупредительной деятельности. Принимаемые на федеральном уровне законы о противодействии различным видам и формам преступности хотя и используют терминологию ФЗ № 182, но оперируют совершенно разными под-

ходами при определении мер и мероприятий предупредительного характера. Кроме того, изменившиеся социально-экономические и политические условия, необходимость формирования общероссийской гражданской идентичности, защиты традиционных культурных ценностей диктуют необходимость определения новых направлений профилактики правонарушений, трансформации сложившихся подходов в анализируемой сфере.

5. Тенденции государственной политики в сфере предупреждения преступности

Анализ законотворческой деятельности, имеющей отношение к предупреждению преступности, демонстрирует существенную положительную динамику. За последнее десятилетие принято значительное количество нормативных актов стратегического характера (доктрины, стратегии, концепции и т. д.), федеральных законов, подзаконных нормативных актов, в той или иной степени регламентирующих реализацию предупредительных антикриминогенных мер, что, несомненно, является положительным трендом государственной политики в сфере предупреждения преступности.

Современная отечественная криминологическая политика в максимальной степени ориентирована на обеспечение безопасности общества и государства от внутренних и внешних угроз, что predetermined в большей степени внешними обстоятельствами [18, с. 11]. И это действительно так: усложнившаяся геополитическая ситуация, сложности в международном взаимодействии с некоторыми странами, локальные вооруженные конфликты – всё это, безусловно, оказывает свое влияние на принятие решений органами государственной власти, требует скорейших действий по обеспечению стабильности и безопасности. Поспешность может, в конечном итоге, привести к непродуманности, отрывочности, некоторой хаотичности и разбалансировке. К аналогичному по своей сути эффекту приведет и бездействие органов государственной власти. Всё в комплексе может создать в массовом сознании ощущение отсутствия баланса, непродуманности, хаотичности, даже если на самом деле это не так.

Государственная политика в сфере предупреждения преступности сформирована и реализуется по отдельным антикриминогенным направлениям. Так, последние изменения законодательства о противодействии терроризму и экстремизму демонстрируют последовательный уклон в сторону профилактики (борьба с данными негативными явлениями, безусловно, актуальна, но государственная политика

всё более ориентируется на предотвращение). В Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации³ значительное внимание уделено вопросам профилактики (общая профилактика, адресная профилактика, индивидуальная профилактика) в целях устранения предпосылок радикализации населения, формирования неприятия идеологии терроризма, устойчивости к ее пропаганде. Такой очевидный тренд нельзя не оценивать положительно: без грамотно организованной профилактики борьба в данной сфере будет вечной и без победных перспектив. Сказанное актуально для любого вида правонарушающего поведения, которое легче и менее затратно предотвратить, чем расследовать. Несмотря на то, что весьма авторитетные ученые, такие как Ю.М. Антонян, утверждают, что «предупреждение преступности – дело достаточно дорогое», однако и такие реалисты соглашались с тем, что «предупреждение преступлений приносит огромную пользу обществу в материальном плане, давая ощутимую экономию средств» [19, с. 21].

К криминологическому законодательству, регламентирующему отдельные виды противодействия преступности, можно отнести федеральные законы от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Отнесение некоторых из представленных нормативных правовых актов, в частности Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», к числу криминологических некоторыми учеными, например Д.Ю. Гончаровым, подвергается критике ввиду распространения его действия за пределы уголовно-правовой сферы. Но, как справедливо отмечает сам автор, «отсутствие базового федерального закона, регулирующего основные положения профилактической антикриминальной деятельности, очевидно, не позволяет нормативно унифицировать кри-

терии отнесения того или иного акта к предупредительной подсистеме законодательства о противодействии преступности» [20, с. 53]. Иными словами, отсутствие единообразных, зафиксированных законодательством формулировок допускает плюрализм мнений и позволяет относить к числу нормативных актов криминологического характера широкий перечень документов, имеющих противопреступную направленность.

Как представляется, смысл разработки и принятия предупредительного (криминологического) законодательства как раз и заключается в предупреждении преступлений, создании препятствий к тому, чтобы правонарушающее, отклоняющееся (девиантное) поведение привело человека на скамью подсудимых. Рассуждая в рамках такой парадигмы, следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением о широком понимании криминологического законодательства, в котором следует выделить нормы, регламентирующие стратегию противодействия преступности, криминологическую экспертизу, противодействие конкретным видам преступности, виктимологическое законодательство [21, с. 48].

Широкий подход в понимании криминологического законодательства позволяет отнести к такому и принимаемые в настоящее время документы стратегического характера [22, с. 120–121], такие как Стратегия национальной безопасности⁴, Морская доктрина РФ⁵, Военная доктрина РФ⁶. Во всех перечисленных документах в качестве внутренней угрозы развития российской государственности обозначены проявления преступности: коррупция, терроризм, экстремизм, морское пиратство, диверсии, деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, государственная измена и т. д. Содержательный анализ названных документов демонстрирует их значительный противопреступный потенциал: в тексте перечисляются, помимо вызовов и угроз, конкретные направления и меры по их нейтрализации. В то же время документы определяют стратегические цели и принципы государственной политики, задачи и способы их достижения, т. е. концептуализируют государственную политику в определенной сфере. Учитывая выявленный противопреступный (антикриминогенный) по-

³ Указ Президента РФ от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 «О Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁵ Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации».

⁶ Указ Президента РФ от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации».

тенциал положений данных нормативных правовых актов, можно сделать вывод о том, что в них до некоторой степени концептуализируется и политика в сфере предупреждения преступности.

В указанных документах зафиксированы основные направления развития государственной политики в обозначенных областях, определены задачи, выстроены приоритеты. Совершенно логичной в этом ряду видится и Доктрина уголовного права, о принятии которой еще в 2014 г. писали профессора Ю.В. Голик и А.И. Коробеев [23, с. 1399, 1404], а проект Концепции уголовно-правовой политики РФ уже был подготовлен профессорами М.М. Бабаевым и Ю.Е. Пудовочкиным [24; 25]. В свое время А.И. Коробеевым предложена вполне рабочая «модель развития уголовно-правовой политики в сфере законодательства», представляющая собой: а) создание Доктрины современного уголовного права; б) разработку на ее основе Концепции уголовно-правовой политики; в) проектирование и принятие нового Уголовного кодекса [26; 27, с. 190–191]. Однако до настоящего времени документа, представляющего собой доктрину (концепцию, стратегию) уголовной политики, принято так и не было. Представляется, что такая ситуация может с определенной долей вероятности свидетельствовать о желании законодателя сохранить за собой право осуществлять «регулирование уголовно-правовыми средствами в ручном режиме», учитывая турбулентность общественных отношений в условиях усиливающейся нестабильности, а также общую сложность долгосрочного прогнозирования уголовно-правовой политики, о чем уже говорилось на страницах данной работы. Однако, если в отношении уголовно-правовой политики такой подход может быть оправдан, то в отношении противодействия преступности в целом (или хотя бы государственной политики в сфере предупреждения преступности) вряд ли отсутствие регламентации основных направлений, стратегических целей, принципов, применяемых мер и методов будет способствовать достижению положительного результата.

Если предположить, что принятие доктрины (концепции, стратегии) уголовного права или уголовно-правовой политики затруднительно ввиду чувствительности данного вопроса для законодателя, обусловленной спецификой самих уголовно-правовых отношений, то разработка и принятие до-

кумента стратегического характера в сфере предупреждения преступности (например, доктрины предупреждения преступности) представляется шагом вполне реализуемым. В этой связи видятся вполне возможными в ближайшей перспективе разработка и принятие Доктрины противодействия преступности в Российской Федерации.

С учетом формирования новой геополитической реальности, основанной на равенстве прав и законных интересов различных государств, обеспечении взаимной безопасности, переориентации вектора международных отношений на Восток, развитие взаимодействия на евразийском пространстве мыслится сквозь призму определения общих направлений гармонизации и сближения законодательств. Это возможно в виде разработки Рекомендаций по нормативно-правовому регулированию предупреждения преступности для стран – участников СНГ. Решение поставленного вопроса, безусловно, требует детальной проработки, однако тенденции реализации именно такого сценарного плана представляются сегодня очевидными.

В настоящее время сотрудничество государств – участников СНГ по вопросам противодействия преступности строится на основе заключения соглашений о сотрудничестве, взаимодействия между органами правоохраны, разработки рекомендаций по гармонизации уголовно-правовой политики [28, с. 89]. Следует отметить, что противодействие преступности в различных сферах является одной из ключевых тем в повестке работы Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ: за последние годы разработано и принято значительное количество документов, облегчающих вопросы межгосударственного взаимодействия в сфере борьбы с коррупцией, терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и т. д., в совместной работе следственно-оперативных групп, в обмене информацией⁷. Однако в нормативно-правовой базе СНГ до сих пор отсутствует документ, регламентирующий общие направления, принципы, подходы к регулированию предупреждения преступности, что препятствует эффективной гармонизации законодательства, приводит к некоторому «запаздыванию» совместной предупредительной работы. Представляется необходимым выстраивать деятельность по предупреждению преступно-

⁷ О деятельности СНГ в сфере борьбы с преступностью.
URL: <https://cis.minsk.by/news/11633/o-deatelnosti-sng-v-sfere-borby-s-prestupnostyu>.

сти наперед, что невозможно без соответствующей правовой регламентации.

6. Заключение

Современная государственная политика в сфере противодействия преступности ориентирована на профилактику, предупреждение, обеспечение безопасности общества и государства от внутренних и внешних угроз, что представляется оправданным в условиях текущей геополитической ситуации.

Наблюдается тенденция увеличения количества нормативных правовых актов, прежде всего стратегического характера (доктрины, концепции,

стратегии), которые можно с определенной долей уверенности отнести к законодательству в сфере предупреждения преступности (криминологическому). Однако по-прежнему отсутствует документ, который бы концептуализировал политику в данной сфере. В этой связи представляется актуальным разработка и принятие Доктрины противодействия преступности в Российской Федерации. На межгосударственном уровне предлагается разработать и принять Рекомендации по нормативно-правовому регулированию предупреждения преступности для стран – участников СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности / В. М. Степашин // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 122–128. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).122-128.
2. Авдеев Р. В. Предупреждение преступлений / Р. В. Авдеев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6 (134). – С. 194–198.
3. O'Brien J. Beyond Due Process: An Examination of the Restorative Justice Community Courts of Chicago / J. O'Brien // Journal of Criminal Law & Criminology. – 2023. – Vol. 113, iss. 3. – P. 685–718.
4. Утопический социализм : хрестоматия. – М., 1982. – 152 с.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 183 с.
6. Монтескье Ш. Л. де. О духе законов / Ш. Л. де Монтескье ; сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
7. Кобец П. Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М. Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период / П. Н. Кобец // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 586–601. – DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.586-601.
8. Алексеева А. П. Понятие противодействия преступности / А. П. Алексеева, П. И. Бабошкин // Юристы-Правоведы. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
9. Гришко А. Я. Предупреждение или противодействие экономической преступности / П. Я. Гришко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 213–214.
10. Грудинин Н. С. Уголовно-правовая политика предупреждения имущественной и насильственной преступности : моногр. / Н. С. Грудинин. – М. : Проспект, 2023. – 160 с.
11. Родачин В. М. Феномен государственной политики: сущность и виды / В. М. Родачин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 6. – С. 46–53. – DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53.
12. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса / А. И. Коробеев. – М., 2019. – 352 с.
13. Лопашенко Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
14. Колемасов В. Н. Государственная политика в сфере профилактики преступности в России: история и современность / В. Н. Колемасов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 52–59.
15. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 124–140. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140.
16. Крайнова Н. А. Система предупреждения преступности в СССР: пережиток прошлого или модель будущего? / Н. А. Крайнова // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 3. – С. 136–145. – DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.136-145.

17. Зикеев В. А. Критический анализ федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / В. А. Зикеев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 67–72.
18. Симоненко, А. В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы / А. В. Симоненко, Е. В. Грибанов // Общество и право. – 2017. – № 3 (6). – С. 10–15.
19. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности / Ю. М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 21–29.
20. Гончаров Д. Ю. Законодательство о предупреждении преступлений / Д. Ю. Гончаров // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 51–57.
21. Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 47–50.
22. Бабаев М. М. Этапы развития современной уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 117–126. – DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126.
23. Голик Ю. В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев // Lex russica. – 2014. – Т. 97, № 12. – С. 1399–1410.
24. Бабаев М. М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.
25. Бабаев М. М. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2022. – № 3 (139). – С. 3–16. – DOI: 10.52390/20715870-2022-3-16.
26. Коробеев А. И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиски реальной модели / А. И. Коробеев, А. И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 96–105. – DOI: 10.31857/S102694520027228-1.96-105.
27. Коробеев А. И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества: поиски оптимальной модели / А. И. Коробеев // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул, 2022. – С. 190–195.
28. Забавка В. И. Правовое регулирование взаимодействия государств-участников СНГ в противодействии организованной преступности / В. И. Забавка // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 4. – С. 89–95. – DOI: 10.24412/2414-3995-2022-4-89-95.

REFERENCES

1. Stepashin V.M. Problem of criminal repression, applied outside of criminal liability. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 122–128. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).122-128.
2. Avdeyev R.V. Prevention of crimes. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 6 (134), pp. 194–198. (In Russ.).
3. O'Brien J. Beyond Due Process: An Examination of the Restorative Justice Community Courts of Chicago. *Journal of Criminal Law & Criminology*, 2023, vol. 113, iss. 3, pp. 685–718.
4. *Utopian socialism*, Reader. Moscow, 1982. 152 p. (In Russ.).
5. Beccaria Ch. *On crimes and punishments*. Moscow, INFRA-M Publ., 2024. 183 p. (In Russ.).
6. Montesquieu Ch.L. de. *The Spirit of Laws*. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p. (In Russ.).
7. Kobets P.N. Scientific creativity of the outstanding Russian jurist M.N. Gernet and his role in the development of the science of criminal law and criminology in the pre-revolutionary period. *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, vol. 17, no. 3, pp. 586–601. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.586-601. (In Russ.).
8. Alekseeva A.P., Baboshkin P.I. The concept of countering crime. *Yurist-Pravoved*, 2008, no. 3, pp. 33–35. (In Russ.).
9. Grishko A.Ya. Prevention or counteraction of economic crime. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (39), pp. 213–214. (In Russ.).

10. Grudin N.S. *Criminal law policy prevention of property and violent crime*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 160 p. (In Russ.).
11. Rodachin V.M. The phenomenon of state policy: the essence and types. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, no. 6, pp. 46–53. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53. (In Russ.).
12. Korobeev A.I. *Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis*. Moscow, 2019. 352 p. (In Russ.).
13. Lopashenko N.A. *Criminal policy*. Moscow, Walters Kluwer Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).
14. Kolemasov V.N. State policy in the field of crime prevention in Russia: history and modernity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University proceedings Volga region. Social sciences*, 2011, no. 4 (20), pp. 52–59. (In Russ.).
15. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V., Kovlagina D.A., Lapunin M.M., Khutov K.M. Public danger of crime: the concept and criteria of verification. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 124–140. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).124-140.
16. Krainova N.A. Crime prevention system in the USSR: a relic of the past or a model of the future?. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 3, pp. 136–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.136-145. (In Russ.).
17. Zikeev V.A. Critical analysis of the federal law “On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation”. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2017, no. 2, pp. 67–72. (In Russ.).
18. Simonenko A.V., Gribanov E.V. Criminal policy and culture of combating crime in Russia: state and prospects. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2017, no. 3 (6), pp. 10–15. (In Russ.).
19. Antonyan Yu.M. The general concept of crime prevention. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2013, no. 3 (82), pp. 21–29. (In Russ.).
20. Goncharov D.Yu. Legislation on crime prevention. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2013, no. 1 (28), pp. 51–57. (In Russ.).
21. Shestakov D.A. Criminological legislation and the right to counteract crime. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2013, no. 1 (28), pp. 47–50. (In Russ.).
22. Babaev M.M., Pudovochkin Y.E. Stages of contemporary criminal policy development. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (99), pp. 117–126. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126. (In Russ.).
23. Golik Yu.V., Korobeev A.I. Reform of the criminal legislation of Russia: to be or not to be. *Lex Russica*, 2014, vol. 97, no. 12, pp. 1399–1410. (In Russ.).
24. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. The concept of criminal law policy of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2012, no. 4, pp. 4–12. (In Russ.).
25. Babaev M.M., Pudovochkin Y.E. On the need to develop and adopt a concept for the development of criminal law policy. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2022, no. 3 (139), pp. 3–16. DOI: 10.52390/20715870-2022-3-16. (In Russ.).
26. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Prospects for the development of criminal law policy in Russia: the search for a real model. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 8, pp. 96–105. DOI: 10.31857/S102694520027228-1.96-105. (In Russ.).
27. Korobeev A.I. Prospects for the development of Russia's criminal law policy in the field of lawmaking: the search for an optimal model, in: Prokazin D.L. (ed.). *Gosudarstvo i pravo v epokhu global'nykh peremen*, Proceedings of the international scientific and practical conference, Barnaul, 2022, pp. 190–195. (In Russ.).
28. Zabavka V.I. Legal regulation of interaction of the CIS member states in countering international crime. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*, 2022, no. 4, pp. 89–95. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-4-89-95. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крайнова Надежда Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»
Севастопольский государственный университет

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda A. Krainova – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Criminal Law and Procedure
Sevastopol State University

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: nakraynova@sevsu.ru

ORCID: 0000-0002-4443-6709

ResearcherID: HFZ-9713-2022

SPIN-код РИНЦ: 9008-8498; AuthorID: 355454

33, Universitetskaya ul., Sevastopol, 299053, Russia

E-mail address: nakraynova@sevsu.ru

ORCID: 0000-0002-4443-6709

ResearcherID: HFZ-9713-2022

RSCI SPIN-code: 9008-8498; AuthorID: 355454

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Крайнова Н.А. Некоторые тенденции современной отечественной государственной политики в сфере предупреждения преступности / Н.А. Крайнова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 102–111. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).102-111.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Krainova N.A. Some trends of modern domestic state policy in the field of crime prevention. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 102–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).102-111. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 342.951

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).112-119

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.В. Головки¹, Ю.А. Селиверстова²

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Суд Ямало-Ненецкого автономного округа, г. Салехард, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Административное
судопроизводство,
административный процесс,
производство по делам об
административных
правонарушениях,
административный спор,
административный деликт

Исследуются актуальные теоретические проблемы российского законодательства, регулирующего разрешение административных споров судами. Отмечается, что составляющими понятия административного судопроизводства являются производство по административным и иным делам, возникающим из общественных отношений (публично-правовые споры), и судопроизводство по делам об административных правонарушениях. Публично-правовые споры и судопроизводство по делам об административных правонарушениях включают государственный орган в качестве одной из обязательных сторон, тем не менее публично-правовые споры носят исковой характер, тогда как разбирательства по делам об административных правонарушениях имеют деликтное содержание.

ADMINISTRATION PROCESS AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: PROBLEMS AND FUTURE

Vladimir V. Golovko¹, Yulia A. Seliverstova²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Court of Yamalo-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russia

Article info

Received –

2023 December 06

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Administrative proceedings,
administration process, proceedings
on administrative offenses,
administrative dispute,
administrative tort

The subject is administrative proceedings in the system of judicial proceedings used in Russia.

The purpose of the article is definition of the essence of both legal proceedings in general and administrative proceedings in particular, as well as its varieties.

Methodology includes methods of complex analysis and synthesis of the Russian legislation and scientific sources, as well as formal-logical logical interpretation of legal rules and scientific papers.

Main results. It seems reasonable to be guided by the position of the legislator, according to which each constitutionally defined type of legal proceedings corresponds to a specific procedural form, each of which is fixed exclusively in the corresponding independent federal law. The separation of civil and commercial proceedings is of a functional nature, taking into account the totality of the specifics and the subject composition of the civil cases under consideration. Currently, in the Russian Federation, administrative proceedings are carried out in at least two independent procedural forms. Administrative court proceedings are judicial administrative proceedings, the human rights essence of which is the procedural activity of the court for the actual consideration and resolution of administrative cases and cases of administrative violations. The concept of administrative proceedings is part of a broader concept of administration process, which, in addition to

considering a case accepted for trial on the merits, includes the procedural activity of the court at the stage before the acceptance of administrative claims submitted to the court under the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The administration process is exclusively judicial in nature and does not preclude the activities of quasi-judicial bodies to consider disputes with citizens and organizations on issues of disagreement of the latter with the actions (inaction) of executive authorities and their officials and their decisions.

Conclusions. The components of the concept of administrative proceedings are proceedings in administrative and other cases arising from public relations (public law disputes) and judicial proceedings in cases of administrative offenses. Public law disputes and proceedings in cases of administrative offenses include a public authority as one mandatory party, nevertheless, public law disputes are of a claim nature, whereas proceedings on an administrative offense have a tort content.

1. Введение

Целью продолжающегося в России реформирования органов публичной власти и порядка осуществляемой ими властно-распорядительной деятельности, которое осуществляется от конституционного уровня и до принятия законов, является построение современного демократического правового государства с приоритетом высшей ценности человека, его прав и свобод, основным средством обеспечения которых становится совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, повышение качества отправления правосудия. При этом данный реформаторский процесс является предметом и в какой-то части закономерным итогом научной дискуссии по важнейшим его вопросам, в том числе по поводу осуществления исполнительной власти на принципах законности и соблюдения прав граждан, которые обеспечиваются средствами судебной системы по отправлению правосудия как по административным и иным вытекающим из публичных правоотношений делам, так и по делам об административных правонарушениях [1, с. 3; 2, с. 8; 3, с. 59].

В рамках указанного реформирования закрепленные в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ средства осуществляемой в Российской Федерации судебной власти, первоначально включавшие в себя конституционное, уголовное, административное, гражданское судопроизводство, были дополнены арбитражным судопроизводством. Внесение в данную конституционную норму судопроизводства по делам об административных правонарушениях так и не произошло, что свидетельствует о фактической неразрешенности до настоящего времени на законодательном уровне научной дискуссии о месте судопроизводства по делам об административных правонарушениях среди конституционно определенных видов судопроизводства в Российской Федерации [4, с. 10; 5, с. 90].

Таким образом, полагаем, в настоящее время в Российской Федерации конституционно-правовые начала имеют конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство.

С учетом этого имеются все основания учитывать конституционные установления при определении сущности как судопроизводства в целом, так и применительно к предмету данной статьи – административного, гражданского и арбитражного судопроизводства в частности.

Представляется правомерным, что содержащиеся в ст. 10, гл. 7 Конституции РФ и Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» статусные и компетенционные характеристики судебной системы России, включающей в себя как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды, при руководящей роли Верховного Суда РФ как высшего судебного органа по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, должны учитываться в качестве исходного момента при определении правовой природы указанных видов судопроизводств в Российской Федерации [6, с. 21; 7, с. 5].

2. Различия между видами судопроизводства

Относительно определения природы гражданского и арбитражного судопроизводства ни в научной доктрине, ни в законодательной сфере принципиальных противоречий не имеется. И ученые, и законодатель в целом сходятся во мнении о гражданской сущности гражданского и арбитражного судопроизводства, которые фактически имеют сходные объекты регулируемых правоотношений, правовое содержание и цель, которые осуществляются в сходных процессуальных формах, хотя и закреп-

ленных в самостоятельных федеральных законах – Гражданском процессуальном (далее – ГПК) и Арбитражном процессуальном (далее – АПК) кодексах РФ [8, с. 40; 9, с. 42]. Фактически отличие данных видов судопроизводства заключается в осуществлении арбитражного судопроизводства в отношении частноправовых споров, которые имеют экономический характер и осуществляются, как правило, между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями по поводу их экономической деятельности. Таким образом, изложенное позволяет утверждать, что разделение гражданского и арбитражного судопроизводства носит функциональный характер с учетом совокупности специфики и субъектного состава рассматриваемых гражданских дел с выделением в компетенцию арбитражного судопроизводства, осуществляющегося специализированными – арбитражными – судами, рассмотрения и разрешения гражданских дел, возникающих в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности¹ с соответствующим субъектным составом (юридические лица, индивидуальные предприниматели) [10, с. 9; 11, с. 59; 12, с. 134].

Из тех же конституционных положений, а также нормативных установлений Федерального конституционного закона «О судебной системе», Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ, ГПК РФ, Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС) РФ, АПК РФ следует, что составляющие основное звено судебной системы суды общей юрисдикции и арбитражные суды осуществляют следующие виды судопроизводства: суды общей юрисдикции – уголовное, гражданское, административное судопроизводство и производство по делам об административных правонарушениях, а арбитражные суды – арбитражное и административное судопроизводства и производство по делам об административных правонарушениях о привлечении к административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими предпринимательской и иной экономической деятельности, отнесенные федеральным законом к компетенции арбитражных судов (ч. 1 ст. 202 АПК РФ)².

Бессмысленно оспаривать, что рассмотрение и разрешение судами подведомственных им дел в рамках соответствующего судопроизводства происходит посредством реализации установленной федеральным законом процессуальной формы, сущно-

стью которой, по нашему мнению, является судебный процесс по рассмотрению и разрешению судами и арбитражными судами вышеуказанных дел [13, с. 28; 14, с. 9].

При этом представляется разумным руководствоваться приведенной позицией законодателя, в соответствии с которой каждому конституционно определенному виду судопроизводства соответствует специфическая процессуальная форма, каждая из которых закреплена исключительно в соответствующем самостоятельном федеральном законе: уголовное судопроизводство регулируется нормами УПК РФ, гражданское судопроизводство предусмотрено в нормативных предписаниях ГПК РФ, арбитражное судопроизводство осуществляется по правилам, установленным в АПК РФ.

Казалось бы, исходя из этого, логичен вывод о том, что административное судопроизводство также должно осуществляться в самостоятельной процессуальной форме, установленной в отдельном федеральном законе – действующем с 15 сентября 2015 г. по настоящее время КАС РФ. Кодекс закрепляет единые специфические процессуальные формы административного судопроизводства и соответствует вышеуказанной конституционной норме об административном судопроизводстве как самостоятельном средстве осуществления судебной власти в Российской Федерации наряду с другими видами судопроизводства при осуществлении правосудия [15, с. 42; 16, с. 28; 17, с. 24].

В то же время в ч. 1 ст. 1 КАС РФ четко закреплено, что настоящий кодекс регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, мировыми судьями (далее также – суды) административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий.

При этом в ч. 4 ст. 1 КАС РФ прямо предусмотрено, что не подлежат рассмотрению в порядке, установленном настоящим законом, дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные

¹ Специфика данных правоотношений не является предметом рассмотрения данной статьи.

² Здесь и далее нормативные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

федеральным законом к компетенции Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, арбитражных судов или подлежащие рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке в Верховном Суде РФ, судах общей юрисдикции.

С учетом исследования научной литературы и действующего законодательства до настоящего времени в АПК РФ сохраняет свое действующее положение раздел III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений», включающий в себя гл. 22 «Особенности рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений», гл. 23 «Рассмотрение судом по интеллектуальным правам дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», гл. 24 «Рассмотрение дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц», а также гл. 25 «Рассмотрение дел об административных правонарушениях» и гл. 26 «Рассмотрение дел о взыскании обязательных платежей и санкций». При этом в ч. 1 ст. 29 АПК РФ прямо указано на то, что арбитражные суды рассматривают в порядке административного судопроизводства возникающие из административных и иных публичных правоотношений экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, из анализа указанных нормативных предписаний КАС РФ и АПК РФ усматривается, что в настоящее время в Российской Федерации административное судопроизводство осуществляется не менее чем в двух самостоятельных процессуальных формах, что не может не свидетельствовать об определенной противоречивости современного состояния процессуальной формы административного судопроизводства.

Более того, включение в АПК РФ раздела III «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» гл. 25 «Рассмотрение дел об административных правонарушениях» в какой-то мере усматривается позиция законода-

теля по отнесению к сфере административного судопроизводства и производства об административных правонарушениях, что в некоторой степени соответствует вышеуказанным положениям ст. 118 Конституции РФ об осуществлении административного производства без ограничения данного вида судопроизводства как по числу самостоятельных процессуальных форм, так и по исключению из него судопроизводства по делам об административных правонарушениях.

Безусловно, сложившееся на законодательном уровне противоречивое содержание понятия административного судопроизводства способствует продолжению научной дискуссии относительно правового содержания административного судопроизводства, его соотношения с юридическим и административным процессом, единстве или дуализме процессуальной формы административного судопроизводства. К спорным вопросам относится в том числе включение в его состав процессуальной формы судопроизводства по делам об административных правонарушениях, особенно самостоятельность или несамостоятельность административного судопроизводства как средства осуществления судебной власти относительно гражданского судопроизводства, судебного процесса, а также в качестве содержания административного судебного права как отрасли права, отрасли законодательства, а также его соотношения с понятием «административное правосудие» [18, с. 69; 19, с. 29; 20, с. 29].

3. Соотношение административного процесса и административного судопроизводства

Поскольку положениями ст. 118 Конституции РФ предусмотрено осуществление правосудия только судом, в том числе применительно к рассматриваемому предмету в виде административного судопроизводства, то отсюда следует вывод о том, что административное судопроизводство представляет собой судебный административный процесс, правозащитную сущность которого составляет процессуальная деятельность суда по фактическому рассмотрению и разрешению административных дел и дел об административных правонарушениях.

В рассмотрении и разрешении административных дел и дел об административных правонарушениях кроме судьи (судей) задействованы лица, участвующие в деле, а также оказывающие содействие при осуществлении данного вида судопроизводства (их представители, лица, содействующие осуществлению правосудия, в том числе эксперт, специалист, свидетель, переводчик, помощник судьи, секретарь

судебного заседания) (гл. 4 КАС РФ, гл. 5 АПК РФ, гл. 25 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)).

По нашему мнению, понятие административного судопроизводства является частью более широкого по объему понятия административного процесса, которое, помимо рассмотрения принятого к производству суда дела по существу, включает в себя процессуальную деятельность суда на стадии до принятия поступивших в суд административных исковых заявлений по КАС РФ (в АПК РФ – заявлений и жалоб, в КоАП РФ – протокола об административном правонарушении и других материалов дела). При этом, по нашему мнению, административный процесс, который, как указано выше, включает в себя административное судопроизводство, носит исключительно судебный характер и не предусматривает деятельность квазисудебных органов по рассмотрению споров с гражданами и организациями по вопросам несогласия последних с действиями (бездействием) органов исполнительной власти и их должностных лиц и принятыми ими решениями.

В настоящее время продолжается научная дискуссия о возможности рассмотрения понятия «административный процесс» в широком смысле с включением в него наряду с административным судопроизводством таких его составляющих, как «исполнительный административный процесс», «административно-процессуальная деятельность публичной администрации», которые осуществляются органами исполнительной власти и местного самоуправления, с определением его не в качестве административного судопроизводства, а урегулированной законом деятельности по привлечению к административной ответственности, причем как судами, так и уполномоченными государственными органами [21, с. 2].

Важно отметить, что в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ в предмет исключительного ведения Российской Федерации наряду с вопросами: судостроительства; прокуратуры; уголовного и уголовно-исполнительного законодательства; амнистии и помилования; гражданского законодательства – входит и процессуальное законодательство.

То обстоятельство, что в п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ вопросы административного и административно-процессуального законодательства отнесены к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, само по себе не свидетельствует о несовпадении таких правовых явлений, как административное судопроизводство и административный процесс.

Исходя из специфики правового регулирования на уровне субъектов Российской Федерации, в частности на примере Закона Омской области от 24 июля 2006 г. № 770-ОЗ «Кодекс Омской области об административных правонарушениях» (принят постановлением Законодательного Собрания Омской области от 13 июля 2006 г. № 229), видно, что оно имеет место по привлечению граждан и организаций к административной ответственности с установлением подведомственности ряда дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 1, 2, ст. 45, 46, 63, 63.2, 63.3 данного закона, мировым судьям, а также по иным составам административных правонарушений – административным комиссиям. Такое построение Кодекса Омской области об административных правонарушениях соответствует принципам федерального законодательства об административной ответственности, которые нашли свое закрепление в нормах КоАП РФ.

Конечно, возможно суждение, что данный закон является проявлением частного, но при ближайшем рассмотрении законодательства иных субъектов Российской Федерации на предмет реализации ими предоставленных в силу п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ правомочий можно увидеть, что в целом законодательство субъектов федерации по такому совместному с Российской Федерацией предмету ведения, как административное и административно-процессуальное законодательство, осуществляется по общим стандартам [22, с. 275; 23, с. 5; 24, с. 7].

4. Заключение

Таким образом, закрепление в Конституции РФ совместного ведения как Российской Федерации, так и ее субъектов по предмету административного и административно-процессуального законодательства само по себе не может свидетельствовать о том, что административный процесс и административное судопроизводство представляют собой различные правовые понятия. В данном случае, учитывая отсутствие законодательно установленных дефиниций административного и административно-процессуального права, возможно сделать вывод о наличии не окончательно разрешенного вопроса разграничения административного процессуального законодательства на предмет включения или исключения из него судебного производства по делам об административных правонарушениях как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, по которому до настоящего времени осуществляется научная дискуссия, в рамках которой высказываются диаметрально противоположные мнения.

Во многом это обусловлено тем, что, с одной стороны, на лингвистическом уровне понятие административного судопроизводства и производства по административным правонарушениям имеет некоторую синонимичность, а с другой – на сущностном уровне, несмотря на то, что и публично-правовые споры, и производство по делам об административных правонарушениях в качестве одной обязательной стороны включают орган публичной власти, тем не менее публично-правовые споры имеют исковую природу, тогда как производство об административном правонарушении – деликтное содержание.

В связи с этим можно согласиться с профессором Ю.П. Соловьевым как относительно его позиции о необходимости реформирования законодательства в отношении двух основных видов публичной ответственности – уголовной и административной [14,

с. 3], так и по поводу выработанного им мнения о том, что соотношение преступления и административного правонарушения – это вопрос не наличия или отсутствия общественной опасности, а ее характера и степени, что является самостоятельным основанием для трансформации законодательства об административных правонарушениях [17, с. 17].

Исходя из этого, а также указанных конституционных установлений об осуществлении в Российской Федерации административного судопроизводства, полагаем, что необходимо сделать вывод о необходимости и правомерности определить в качестве существующих составных частей понятия административного судопроизводства – судопроизводства по административным и иным вытекающим из публичных отношений делам и судопроизводства по делам об административных правонарушениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стахов А. И. Административное производство в Российской Федерации: понятие, структура, виды, порядок / А. И. Стахов // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 3–9.
2. Стахов А. И. Автономизация административного процесса в Российской Федерации как ключ к познанию его границ и структуры / А. И. Стахов // Административное право и процесс. – 2020. – № 11. – С. 8–15.
3. Хаманева Н. Ю. Административный процесс и административная юстиция / Н. Ю. Хаманева // Юрист. – 2003. – № 6. – С. 59–60.
4. Старилов Ю. Н. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: значение для судебной и административной практики и проблемы организации преподавания учебного курса / Ю. Н. Старилов // Административное право и процесс. – 2015. – № 7. – С. 9–14.
5. Захаров В. В. Нормативная оптимизация компетентности мировой юстиции / В. В. Захаров // Актуальные проблемы современного правосудия : сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Приволж. Дом знаний, 2009. – С. 84–91.
6. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / под ред. В. В. Яркова. – М. : Статут, 2021. – 460 с.
7. Административное судопроизводство / отв. ред. В. В. Ярков. – М. : Статут, 2021. – 662 с.
8. Старилов Ю. Н. Административное судопроизводство / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, О. С. Рогачева. – М. : Норма, 2020. – 624 с.
9. Громошина Н. А. О единстве процесса и месте административного судопроизводства в системе российского права: продолжение дискуссии / Н. А. Громошина // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 3. – С. 42–46.
10. Зеленцов А. Б. Административно-процессуальное право России / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. – М. : Юрайт, 2021. – Ч. 1. – 311 с.
11. Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации : учеб. для вузов / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров. – М. : Юрайт, 2024. – 484 с.
12. Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. / Д. Н. Бахрах. – М. : Эксмо, 2011. – 622 с.
13. Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор. Вопросы теории / А. Б. Зеленцов. – М. : РУДН, 2005. – 732 с.
14. Соловей Ю. П. К критике некоторых концептуальных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / Ю. П. Соловей // Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (1 июня 2004 г.) / под общ. ред. Ю. П. Соловья. – Омск : Ом. юрид. ин-т, 2004. – С. 3–9.

15. Бойцова В. В. Административная юстиция: к продолжению дискуссии о содержании и значении / В. В. Бойцова, В. Я. Бойцов // Государство и право. – 1994. – № 5. – С. 42–53.
16. Соловей Ю. П. К вопросу о реформе законодательных основ административной ответственности / Ю. П. Соловей // Законодательство об административных правонарушениях: современное состояние и пути совершенствования : материалы заседания Круглого стола (3 марта 2014 г.). – Тула : Аквариус, 2014. – С. 28–39.
17. Соловей Ю. П. Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права / Ю. П. Соловей // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (15–16 сент. 2011 г.) / отв. ред. С. М. Андреев. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2012. – С. 17–24.
18. Соловьева А. К. Перспективы развития административной юстиции в России: организационный и формальный подход / А. К. Соловьева // Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 66–72.
19. Скитович В. В. Правосудие по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Исторический опыт и перспективы / В. В. Скитович // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 22–29.
20. Бойцова В. В. Классические и современные системы судебного контроля за администрацией / В. В. Бойцова, В. Я. Бойцов // Юридический мир. – 2002. – № 11. – С. 28–29.
21. Бушманов А. Судебной власти нужны специализированные суды // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 1–2.
22. Стариков Ю. Н. Административная реформа: основные проблемы переходного периода / Ю. Н. Стариков // Административная ответственность: вопросы теории и практики / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. – М. : ИГП РАН, 2004. – С. 272–277.
23. Агапов А. Б. Административная ответственность / А. Б. Агапов. – М. : Статут, 2000. – 250 с.
24. Россинский Б. В. Административная ответственность / Б. В. Россинский. – М. : Норма : Инфра-М, 2024. – 248 с.

REFERENCES

1. Stakhov A.I. Administrative proceedings in the Russian Federation: concept, structure, types, order. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2024, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.).
2. Stakhov A.I. Autonomization of the administrative process in the Russian Federation as a key to understanding its boundaries and structure. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2020, no. 11, pp. 8–15. (In Russ.).
3. Khamaneva N.Yu. Administrative process and administrative justice. *Yurist = Lawyer*, 2003, no. 6, pp. 59–60. (In Russ.).
4. Starilov Yu.N. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: significance for judicial and administrative practice and problems of organizing the teaching of a training course. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2015, no. 7, pp. 9–14. (In Russ.).
5. Zakharov V.V. Normative optimization of the competence of world justice, in: *Aktual'nye problemy sovremennogo pravosudiya*, Collection of articles of the VI International scientific and practical Conference, Penza, Privolzhsky House of Knowledge Publ., 2009, pp. 84–91. (In Russ.).
6. Yarkov V.V. (ed.). *Actual problems of civil and administrative proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2021. 460 p. (In Russ.).
7. Yarkov V.V. (ed.). *Administrative proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2021. 662 p. (In Russ.).
8. Starilov Yu.N., Makhina S.N., Rogacheva O.S. *Administrative proceedings*. Moscow, Norma Publ., 2020. 624 p. (In Russ.).
9. Gromoshina N.A. On the unity of the process and the place of administrative proceedings in the system of Russian law: continuation of the discussion. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2018, no. 3, pp. 42–46. (In Russ.).
10. Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I. *Administrative procedural law of Russia*. Moscow, Yurait Publ., 2021. Pt. 1. 311 p. (In Russ.).
11. Migachev Yu.I., Popov L.L., Tikhomirov S.V. *Administrative law of the Russian Federation*, Textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2024. 484 p. (In Russ.).
12. Bakhrah D.N. *Administrative law of Russia*, Textbook. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 622 p. (In Russ.).

13. Zelentsov A.B. *Administrative and legal dispute. Questions of theory*. Moscow, RUDN University Publ., 2005. 732 p. (In Russ.).
14. Solovey Yu.P. To criticize some conceptual provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, in: Solovey Yu.P. (ed.). *Aktual'nye problemy primeneniya Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh*, Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (June 1, 2004), Omsk, Omsk Law Institute Publ., 2004, pp. 3–9. (In Russ.).
15. Boitsova V.V., Boitsov V.Ya. Administrative justice: to continue the discussion on the content and meaning. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1994, no. 5, pp. 42–53. (In Russ.).
16. Solovey Yu.P. On the issue of the reform of the legislative foundations of administrative responsibility, in: *Zakonodatel'stvo ob administrativnykh pravonarusheniyakh: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya*, Proceedings of the Round Table meeting (March 3, 2014), Tula, Akvarius Publ., 2014, pp. 28–39. (In Russ.).
17. Solovey Yu.P. Federal law “On Police” as the main source of domestic police law, in: Andreev S.M. (ed.). *Politsiya - novyi institut sovremennoi gosudarstvennoi pravookhranitel'noi sistemy*, Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (September 15–16, 2011), Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2012, pp. 17–24. (In Russ.).
18. Solovyova A.K. Prospects for the development of administrative justice in Russia: organizational and formal approach. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1999, no. 1, pp. 66–72. (In Russ.).
19. Skitovich V.V. Justice in cases arising from administrative and legal relations. Historical experience and prospects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1995, no. 8, pp. 22–29. (In Russ.).
20. Boytsova V.V., Boytsov V.Ya. Classical and modern systems of judicial control over the administration. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2002, no. 11, pp. 28–29. (In Russ.).
21. Bushmanov A. Judicial authorities need specialized courts. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 1994, no. 11, pp. 1–2. (In Russ.).
22. Starilov Yu.N. Administrative reform: the main problems of the transition period, in: Khamaneva N.Yu. (ed.). *Administrativnaya otvetstvennost': voprosy teorii i praktiki*, Moscow, Institute of State and Law of the RAS Publ., 2004, pp. 272–277. (In Russ.).
23. Agapov A.B. *Administrative responsibility*. Moscow, Statut Publ., 2000. 250 p. (In Russ.).
24. Rossinsky B.V. *Administrative responsibility*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2024. 248 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Головко Владимир Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: golovkovlad@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 9878-9410; AuthorID: 499296

Селиверстова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, судья
Суд Ямало-Ненецкого автономного округа
629007, Россия, г. Салехард, ул. Мира, 15
E-mail: okrsud@usd-yanao.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головко В.В. Административный процесс и административное судопроизводство: проблемы и перспективы / В.В. Головко, Ю.А. Селиверстова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 112–119. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).112-119.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladimir V. Golovko – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of State and Municipal Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: golovkovlad@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 9878-9410; AuthorID: 499296

Yulia A. Seliverstova – PhD in Law, Judge
Court of Yamalo-Nenets Autonomous District
15, Mira ul., Salekhard, 629007, Russia
E-mail: okrsud@usd-yanao.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovko V.V., Seliverstova Yu.A. Administration process and administrative proceedings: problems and future. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 112–119. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).112-119. (In Russ.).

О РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СОГЛАШЕНИЙ ОБ ИЗБЕЖАНИИ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Е.В. Килинкарлова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
23 февраля 2024 г.
Дата принятия в печать –
05 апреля 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2024 г.

Анализируется практика применения соглашений об избежании двойного налогообложения арбитражными судами округов и Верховным Судом РФ за последние три года. Дается общая характеристика проанализированной судебной практики. Центральное внимание уделяется трем ключевым аспектам практики правоприменения – концепции фактического права на доход, вопросам квалификации платежей для целей применения соглашения и спорам между налоговым агентом и налогоплательщиком.

Ключевые слова

Международное
налогообложение, мониторинг
правоприменения, соглашения
об избежании двойного
налогообложения, фактическое
право на доход, дивиденды

ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN TAX TREATY CASE LAW

Elena V. Kilinkarova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –
2024 February 23
Accepted –
2024 April 5
Available online –
2024 June 20

The research subject. This study focuses on recent developments (2021-2023) in Russian tax treaty case law.

The purpose of the research. The objective of this research is to analyze the key trends and developments in tax treaty case law in Russia for the last three years.

Methodology. The research is based on the analysis of cases where the commercial courts of circuits and the Supreme court of Russian Federation in 2021-2023 applied Russian double tax treaties (total number – 38 cases).

Main results of the research. The analysis of the tax treaty case law allowed to make a general overview of the relevant judicial practice and identify three strategic areas of law enforcement – development of the beneficial owner concept, issues of qualification of income for the purposes of the application of tax treaties and disputes between withholding agents and taxpayers.

Conclusion. An analysis of judicial practice allows us to conclude that Russia is quite successful in implementing the task of deoffshorization of the Russian economy – this is noticeable both in the geography of the applied agreements and in the content of the issues under consideration. The tax treaty case law is heterogeneous – it includes both simple issues (for example, with obvious mistakes of a withholding agent) and issues on which judicial practice as a whole has already been established (for example, in relation to the beneficial owner concept), as well as quite extraordinary and sometimes difficult questions. It should be admitted that fundamentally new issues of application of double taxation agreements are sometimes not easy for the courts. An analysis of tax treaty case law puts forward the question of the role and risks of a withholding agent – currently the practice does not seem sufficiently balanced in terms of ensuring a balance of private and public interests. For application of double tax treaties procedural issues remain of great importance. Analysis of judicial practice shows that they are crucial both for the withholding agent and the taxpayer.

1. Введение

Соглашения об избежании двойного налогообложения (далее также – соглашения, СИДН) являются важной частью правового регулирования международного налогообложения в России [1]. При этом тексты этих международных договоров весьма лаконичны, и особое значение приобретает практика их применения и толкования судами. Поэтому неслучайно академическое сообщество уделяет большое внимание анализу развития судебной практики по ключевым вопросам применения соглашений, и российские ученые в течение длительного времени представляли на международных конференциях решения отечественных судов (см., напр.: [2–6]).

В статье проанализирована практика применения арбитражными судами округов и Верховным Судом РФ российских соглашений об избежании двойного налогообложения за последние три года (2021–2023 гг.). Открывает статью общая характеристика проанализированной судебной практики. Далее рассмотрены наиболее значимые, по мнению автора, вопросы из практики применения судами соглашений в 2021–2023 гг. – развитие концепции фактического права на доход и вопросы квалификации платежей для целей применения соглашений. Последняя часть статьи посвящена спорам между налоговым агентом и налогоплательщиком. Завершают статью выводы по итогам проведенного исследования.

2. Общая характеристика

В целом практику применения арбитражными судами СИДН сложно назвать многочисленной – результатом поиска судебных решений Верховного Суда РФ и арбитражных судов округов за 2021–2023 гг. стали 38 дел. Данное количество дел в целом несопоставимо с общим количеством налоговых споров, рассматриваемых данными судами. Так, если сравнить 38 дел с общим количеством налоговых дел, рассмотренных арбитражными судами округов в кассационном порядке за аналогичный период, то дела, связанные с применением соглашений, составят чуть менее половины процента. Из пятнадцати дел, в которых были поданы кассационные жалобы в Верховный Суд РФ, только одно дело (дело ПАО «Уральский банк реконструкции и развития») было передано в Судебную коллегия по экономическим спорам. Эти цифры говорят сами за себя.

География примененных соглашений достаточно широка – наряду с Кипром (соглашение с которым всё еще встречается в судебных решениях чаще других, однако явно не доминирует) это Австрия, Беларусь, Великобритания, Германия, Гонконг, Иран, Канада, Мальта, Нидерланды, Польша, Сингапур, Турция, Франция, Чехия, Швейцария, Япония. Интересно, что подавляющее большинство споров касается СИДН с недружественными государствами, действие которых было частично приостановлено по инициативе России в августе 2023 г. [7, с. 21–23].

Практика применения соглашений арбитражными судами неоднородна. В числе проанализированных есть дела, содержащие очевидные ошибки при применении соглашений (например, споры, в которых налоговые агенты полагали, что могут произвольно выбирать, в каком из двух государств, за которыми соглашение сохраняет право на налогообложения, платить налоги¹), так и дела, где перед судами были поставлены достаточно сложные вопросы, например квалификации дохода для целей выявления подлежащей применению статьи соглашения. В ряде дел вопросы толкования не были центральными, и речь шла о буквальном применении правил соглашения к конкретным фактическим обстоятельствам.

Большинство рассмотренных судами налоговых споров о применении соглашений об избежании двойного налогообложения составляют споры между налоговым органом и налоговым агентом, т. е. споры, в которых Россия является государством источника дохода, и налоговые органы считают неправомерным применение соответствующей льготы по соглашению в части полного или частичного освобождения от налогообложения в России. Споры между налоговым агентом и налоговым органом, как правило, заканчиваются в пользу последнего. Также среди дел о применении соглашений было обнаружено несколько дел, которые, собственно, налоговыми спорами не являются, поскольку представляют собой споры между организациями, которые не состоят между собой в налоговых правоотношениях – налоговым агентом и налогоплательщиком.

Далеко не всегда спор, связанный с применением соглашений, решается на основании его норм – иногда первоочередное значение приобретают пра-

¹ См. два дела ООО «Микрокредитная компания «Выручай-Деньги» (постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 марта 2023 г. № Ф07-1295/2023 по делу № А56-50604/022, от 21 февраля 2023 г. № Ф07-

32007/2023 по делу № А56-32007/2022) и дело ООО «Полимеркс-Мосталь-Восток» (постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 августа 2022 г. № Ф05-29657/2022 по делу № А40-35559/2022).

вила национального законодательства. Традиционным камнем преткновения для применения соглашений об избежании двойного налогообложения является надлежащее подтверждение постоянного местонахождения иностранной организации в государстве, с которым у Российской Федерации есть соответствующий международный договор [8; 9]. Не стали исключением и споры за анализируемый период².

Более неожиданный поворот в части влияния процедурных правил на применение соглашения продемонстрировало дело *Валютного управления Сингапура (The Monetary Authority of Singapore)*³. Валютное управление Сингапура – это центральный банк и финансовый регулятор Сингапура, и выплаты в его адрес приравнены для целей применения соглашения к выплатам в адрес Правительства государства. В 2017 г. при выплате дивидендов налоговый агент удержал налог на прибыль организаций, который он, с учетом изменений в соглашении, не должен был удерживать. Все судебные инстанции отказали Валютному управлению Сингапура в возврате налога по причине пропуска им срока на обращение в суд с заявлением о возврате излишне удержанного налога.

Вопрос о наличии излишне удержанных налоговым агентом сумм налога суды не исследовали.

3. Фактическое право на доход

Фактическое право на доход в течение длительного времени было одним из наиболее распространенных вопросов при применении российскими арбитражными судами соглашений об избежании двойного налогообложения [10–15].

В 2021–2023 гг. арбитражными судами были в том числе рассмотрены дела, в которых в применении льгот по соглашениям было отказано в связи с отсутствием у налогоплательщика фактического права на доход. В частности, по причине отсутствия фактического права на доход суды отказали в применении льгот в отношении дивидендов⁴ и процентов⁵ по соглашению с Кипром и в отношении дивидендов по соглашению с Нидерландами⁶. Выявленные судами в данных делах признаки отсутствия фактического права на доход в целом вписываются в стандарты, сформированные судебной практикой.

Принципиально новое в концепцию фактического права на доход привнесло дело *ПАО «Уральский банк реконструкции и развития»*⁷, в котором

² См. дела ООО «Ейск-Приазовье-Порт» (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 апреля 2021 г. № Ф08-3210/2021 по делу № А32-23798/2020), АО «Севмаш-Шельф» (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 августа 2021 г. № Ф07-9669/2021 по делу № А05-7568/2020), АО «Оптим» (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 марта 2023 г. № Ф09-1180/23 по делу № А60-19423/2022), ООО «Агропнефтепродукт» (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 ноября 2023 г. № Ф08-8522/2023 по делу № А32-9895/2022); ООО «Ленстройтрест» (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 декабря 2021 г. № Ф07-17205/2021 по делу № А56-16972/2021, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 307-ЭС22-3183 по делу № А56-16972/2021).

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 июня 2023 г. № Ф05-11133/2023 по делу № А40-175343/2022, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 13 октября 2023 г. № 305-ЭС23-18789 по делу № А40-17343/2022.

⁴ Дела ООО «Тагильское пиво» (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 ноября 2023 г. № Ф09-7533/23 по делу № А60-34102/2022), АО «Южуралзолото Групп Компаний» (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13 сентября 2021 г. № Ф09-6263/21

по делу № А76-5391/2020), АО «ОХК «Уралхим» (постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 февраля 2022 г. № Ф05-34946/2021 по делу № А40-99373/2020), дело АО «Данон» (постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2023 г. № Ф05-22717/2023 по делу № А40-133176/2022).

⁵ Дело АО «Морской акционерный банк» (постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 мая 2022 г. № Ф05-9067/2022 по делу № А40-258255/2020).

⁶ Дела АО «Чукотская горно-геологическая компания» (постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 ноября 2020 г. № Ф05-18602/2020 по делу № А40-282232/2019, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 12 марта 2021 г. № 305-ЭС21-713 по делу № А40-282232/2019) и ООО «Северное золото» (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 июня 2021 г. № Ф05-11475 по делу № А40-244218/2019, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 4 октября 2021 г. № 305-ЭС21-17222 по делу № А40-244218/2019). Объединяет данные дела то, что суды в рамках сквозного подхода применили соглашение с Канадой и в обоих случаях лицом, имеющим фактическое право на доход, была признана одна и та же компания – канадская компания *Kinross Gold Corporation*.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 апреля 2023 г. № Ф05-6125/2023 № А40-121109/2022,

решался вопрос о применении льгот по соглашению с Сингапуром в отношении процентов по субординированным займам, полученным банком от сингапурской компании.

Это единственное дело, связанное с применением соглашений об избежании двойного налогообложения, которое за 2021–2023 гг. было рассмотрено Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ⁸. Также весьма любопытно, что суды первых трех инстанций вынесли решения в пользу налогового агента (а решения в пользу налогового агента при применении соглашений об избежании двойного налогообложения встречаются крайне редко), где согласились с наличием у налогоплательщика фактического права на доход, однако Верховный суд РФ с данным подходом не согласился и направил дело на повторное рассмотрение.

При рассмотрении дела Верховный Суд РФ указал, что для оценки наличия у налогоплательщика – иностранной организации фактического права на доход не имеют значения высокий уровень реального экономического присутствия и осуществление предпринимательской деятельности, если получатель дохода выполнял посреднические функции в интересах иного лица. Такие компании, которые обладают ресурсами, широким бизнес-профилем и существуют вне зависимости от предполагаемого транзита, однако действуют в интересах другого лица в силу договора или иных обстоятельств, в отечественной литературе называли «респектабельными кондуитами» [16, с. 38]. Ранее в основном в судебных решениях мы видели отказ в фактическом праве на доход тем иностранным компаниям, которые не имеют признаков реальной хозяйственной деятельности, т. е. обычным кондуитам.

Весьма интересно, что в этом деле суды по-разному оценили, знал ли российский банк о посредническом характере деятельности сингапурской компании. При первом рассмотрении три инстанции в решениях указывали на то, что из заключенных договоров следовало, что сингапурская компания заключала договоры займа от своего имени и в своих интересах, как самостоятельный участник граждан-

ского оборота, не указывая, что является агентом материнской компании из офшорной юрисдикции. При повторном рассмотрении суд⁹ установил, что банк был осведомлен о том, что сингапурская компания выступает в сделках по предоставлению займа в качестве агента в интересах своей материнской холдинговой компании – резидента офшорной юрисдикции, с которой у России отсутствует соглашение об избежании двойного налогообложения, и не отражает в своем совокупном доходе полученные от банка процентные доходы.

Трудно не согласиться с тем, что лицо может не иметь фактического права на доход и осуществлять посреднические функции и при высоком уровне экономического присутствия и высоких показателях предпринимательской деятельности. Однако данное дело заставляет задуматься о том, насколько риски последующего доначисления налога соразмерны реальным возможностям налогового агента по проверке наличия у контрагента фактического права на доход в ситуации, когда это абсолютно независимая организация. Борьба с злоупотреблениями недобросовестных налогоплательщиков и налоговых агентов не должна приводить к тому, что налоговый агент практически никак не может обезопасить себя от последующих доначислений со стороны налогового органа, который при проведении проверки получит дополнительную информацию, которая была недоступна налоговому агенту.

4. Квалификация платежей для целей применения статей соглашений

Пассивные виды доходов: дивиденды, проценты и роялти – традиционно занимают центральное место в практике российских судов по применению СИДН. Поэтому не удивительно, что вопрос о квалификации платежа в качестве дивидендов неоднократно поднимался в решениях 2021–2023 гг.

В течение длительного времени соответствующая переквалификация была связана в первую очередь с последствиями применения национальных правил тонкой капитализации [17; 18; 19, с. 71–72]. В 2021–2023 гг. данная категория споров отошла в сторону, и в судебной практике рассматривались во-

определение Верховного Суда РФ от 21 августа 2023 г. № 305-ЭС23-13710 по делу № А40-121109/2022, определение Верховного Суда РФ от 6 октября 2023 г. № 305-ЭС23-13710 по делу № А40-121109/2022.

⁸ Принятое по данному делу решение было включено в Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с

оценкой обоснованности налоговой выгоды, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г.

⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 19 февраля 2024 г. по делу № А40-121109/22-140-2218.

просы о квалификации платежей в качестве дивидендов в иных ситуациях. Так, в качестве дивидендов суды квалифицировали разницу между выплаченной иностранной компанией при выходе из российского общества действительной стоимостью доли и первоначальным взносом этой компании в уставный капитал общества (дело *ООО «Фирма «Лариса-Сити»*¹⁰), а также увеличение номинальной стоимости доли участника при увеличении уставного капитала за счет нераспределенной прибыли (дела *ООО «Совкомбанк страхование жизни»*¹¹ и *АО «Мир Бизнес Банк»*¹²). Последний вопрос в самое ближайшее время скорее всего получит развитие в судебной практике, поскольку дело *АО «Мир Бизнес Банк»* было передано на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ¹³.

В одном из дел суд переквалифицировал роялти в дивиденды (дело *ООО «Джонсон Матти Катализаторы»*¹⁴), основным аргументом стало то, что с заключением соглашения о роялти общество фактически не приобрело какого-либо ранее отсутствовавшего у него права (и продолжало использовать технологическую информацию, которая была доступна обществу и до заключения соглашения о роялти и которую общество использовало на безвозмездной основе), а лишь приняло на себя обязанность по выплате роялти. Переквалифицированными в дивиденды также оказались оплаченные, но не оказанные услуги (дело *АО «Данон»*¹⁵).

В 2021–2023 гг. в судебной практике вопросы квалификации доходов возникали не только в связи с применением статей о пассивных доходах. Так, в деле *ООО «Агронефтепродукт»*¹⁶ при применении

соглашения с Турцией возник вопрос о квалификации выплат по договору фрахтования судна (чартер-партии) для целей применения соглашения – суды квалифицировали их как доходы от международной морской перевозки. В 2022–2023 гг. необходимости перестраивать традиционные логистические пути привела к росту морских поставок [20, с. 25], поэтому вопросы налогообложения доходов от международных морских перевозок имеют потенциал для дальнейшего появления в судебных решениях.

Наиболее интересным, на наш взгляд, оказалось дело *ООО «Койлтюбинг-Сервис»*¹⁷, в котором решался вопрос о квалификации выплат по договору международного финансового лизинга для целей применения соглашения об избежании двойного налогообложения с Беларусью. Итоговое решение по данному делу было вынесено в пользу налогового агента, однако для этого потребовалось более двух лет с двумя «кругами» рассмотрения дела судами.

Выплаты по договору международного финансового лизинга напрямую не названы в СИДН ни в одной из статей, и суды на разных этапах рассмотрения дела квалифицировали данные платежи как подпадающие под ст. 18 соглашения «Другие доходы», ст. 10 «Проценты» и ст. 7 «Прибыль от предпринимательской деятельности». Именно последняя квалификация и стала окончательной. Изложенная позиция суда кассационной инстанции была применена и в другом аналогичном деле с участием *ООО «Койлтюбинг-Сервис»*¹⁸.

На наш взгляд, наибольший интерес в череде судебных решений по данному делу представляет разъяснение Верховного Суда РФ о соотношении

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 августа 2021 г. № Ф06-7004/2021 по делу № А65-27690/2020, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 306-ЭС21-23651 по делу № А65-27690/2020.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 сентября 2023 г. № Ф05-18371/023 по делу № А40-272044/2022.

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2023 г. № Ф05-16104/2023 по делу № А40-243943/2022.

¹³ Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2024 г. № 305-ЭС23-22721 по делу № А40-243943/2022.

¹⁴ Постановление Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 9 декабря 2021 г. № Ф02-66342021 по делу № А33-5437/2020, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной

коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 302-ЭС22-3246 по делу № А33-5437/2020.

¹⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 января 2023 г. по делу № А40-133176/22-116-2258, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июня 2023 г. № 09АП-14867/2023 по делу № А40-133176/2022, постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 сентября 2023 г. № Ф05-22717/2023 по делу № А40-133176/2022.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 ноября 2023 г. № Ф08-8522/2023 по делу № А32-9895/2022.

¹⁷ Итоговым решением по делу стало определение Верховного Суда РФ от 18 октября 2021 г. № 302-ЭС20-7898 по делу № А33-5439/2019.

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18 ноября 2021 г. № Ф02-3139/2021 по делу № А33-34508/2019.

разных статей соглашения. Как указал суд, статья «Другие доходы» распространяется на доходы, возникающие из источников в договаривающихся государствах, о которых не говорится в предыдущих статьях соглашения, либо на случаи получения доходов, не урегулированные иными положениями соглашения, например при получении доходов из источников в третьих странах. В свою очередь, ст. 7 соглашения «Прибыль от предпринимательской деятельности» является общей нормой для налогообложения прибыли от предпринимательской деятельности организаций и применяется, если в других статьях не установлены иные правила налогообложения той или иной категории доходов, из которых образуется прибыль. В последнем случае специальные правила имеют приоритет над общим.

Квалификация дохода для целей налогообложения при кажущейся простоте может оказаться очень сложной теоретической и практической проблемой. Дистрибутивные правила не организованы в рамках соглашений каким-то системным образом, однако внутри правил можно выделить общие и специальные [21, р. 61–62]. В этой связи радует, что появляются отдельные работы российских авторов по данной проблематике [22; 23; 24, с. 110–111], однако основная работа по теоретическому осмыслению системы дистрибутивных правил, как представляется, еще впереди.

5. Споры между налоговым агентом и налогоплательщиком

Согласно правовой позиции Высшего Арбитражного Суда РФ в случае неуплаты налога при выплате денежных средств иностранному лицу с налогового агента могут быть взысканы как налог, так и пени, начисляемые до момента исполнения обязанности по уплате налога¹⁹. Правоотношения между налоговым агентом и налогоплательщиком не являются налоговыми, и после уплаты налога за налогоплательщика у налогового агента возникает возможность воспользоваться гражданско-правовыми механизмами и взыскать соответствующие суммы с налогоплательщика, чью обязанность по уплате налога он исполнил за счет собственных средств.

В литературе отмечают, что негативные последствия для налогового агента и последующие споры с налогоплательщиком могут быть связаны с разными обстоятельствами – ошибкой налогового агента в оценке представленных иностранным налогоплательщиком документов, непредставлением иностранной организацией затребованных документов или предоставлением недостоверных документов и информации [25, с. 42–43]. Разные ситуации встречаются и в судебных решениях 2021–2023 гг.

Как следует из судебных решений по делу между ООО «Кучуксульфат» и Капок Инвестмент Лимитед²⁰, в 2018 г. российское общество, выполнявшее функции налогового агента по выплачиваемым им в адрес кипрской компании дивидендам, «приняло решение о доначислении налога на прибыль» за 2005–2017 гг. по ставке 10 % вместо применявшейся в течение данного периода ставки 5 %. «Доначисление» было связано с тем, что по запросу российского общества кипрская компания предоставила противоречивую информацию об обстоятельствах, подтверждающих выполнение условия применения пониженной ставки. Суды поддержали налогового агента, действия которого позволили удержать налог за период с 2005 по 2017 г., в отношении значительной части которого налоговый орган уже утратил возможности по взысканию.

Суд указал, что действия налогового агента, направленные на восполнение потерь бюджета, являются разумными и правомерными, и не имеется оснований для вывода о том, что налоговый агент в данной ситуации был обязан не исполнять обязанности по перечислению в бюджет сумм налога со ссылками на невозможность взыскания по причине истечения сроков давности, невозможности проведения проверки и иных подобных обстоятельств. Суды напомнили, что истечение сроков и невозможность проверки сами по себе не освобождают и не прекращают обязанность по перечислению налога, а начало течения срока исковой давности суд связал с представлением в 2018 г. иностранной организацией противоречивых сведений при подтверждении права на льготу по соглашению.

¹⁹ Пункт 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

²⁰ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 1 сентября 2021 г. № 07АП-7207/2021 по делу № А03-10399/2020, постановление Арбитражного суда За-

падно-Сибирского округа от 7 декабря 2021 г. № Ф04-7536/2021 по делу № А03-10399/2020, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 304-ЭС22-2647 по делу № А03-10399/2020.

В рамках второго дела между этими же организациями²¹ мы видим развитие истории взаимодействия налогового агента и налогоплательщика: в 2019 г. российское общество посчитало, что кипрская компания не смогла доказать наличие у нее фактического права на доход в отношении дивидендов, и произвело перерасчет налога за период с 2016 по 2018 г. без применения СИДН. Судебные решения снова вынесены в пользу российского общества.

Еще одно дело, в котором налоговый агент предъявил имущественные требования к налогоплательщику, — это дело *ООО «Банк корпоративного финансирования» и Неткор Солюшнс Лимитед*²². В данном деле речь шла о применении соглашения с Кипром в отношении процентов по договору займа, и налоговый агент, в определенный момент посчитав, что кипрская компания не имеет фактического права на доход, а бенефициаром является российский гражданин, пересчитал и удержал налог за период с 2016 по 2019 г.

Интересно то, что во всех этих трех делах налоговая проверка в отношении налогового агента не проводилась — в основном налоговый орган лишь требовал у налогового агента определенные документы и информацию, которыми тот не располагал и запрашивал у иностранной организации.

Однако не всегда налоговые агенты успешны в своих спорах с налогоплательщиком. В деле *ООО «РТ-Информ»*²³ налоговый агент не удержал сумму налога при перечислении лицензионного вознаграждения иностранной организации и после уплаты налога за счет собственных средств решил предъявить требование к контрагенту. Суд во взыскании отказал в связи с пропуском срока исковой давности. В этом случае суд связал начало течения срока исковой давности с датой выплаты дохода иностранной организации — по мнению суда, именно в момент перечисления денежных средств налоговый агент, обязанный знать и соблюдать налоговое законодательство, должен был узнать о нарушении своего права, т. е. о возникновении неосновательного обогащения на стороне ответчика. Позицию о том, что срок исковой давности дол-

жен исчисляться с даты предъявления истцу требований со стороны налогового органа, суд посчитал необоснованной и указал, что ни требование налогового органа о предоставлении пояснений относительно оснований неудержания истцом, как налоговым агентом, налога на прибыль с ответчика, ни перечисление истцом соответствующей суммы в бюджет Российской Федерации не может служить основанием для изменения начала течения срока исковой давности.

Таким образом, мы видим, что в 2021–2023 гг. арбитражные суды рассмотрели несколько споров между российскими и иностранными организациями, которые в целом заставляют задуматься о сложной системе правоотношений, возникающих с участием налогового органа, налогового агента и налогоплательщика, а также роли налогового агента в налоговом администрировании в трансграничных ситуациях.

6. Заключение

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в целом государственный аппарат достаточно успешен в реализации задачи по деофшоризации российской экономики — это заметно и по географии применяемых соглашений, и по содержанию рассматриваемых вопросов. Вместе с тем налогообложение дивидендов и процентов всё еще уверенно лидирует среди других аспектов международного налогообложения.

Практика применения соглашений арбитражными судами неоднородна — в ней встречаются как простые вопросы (например, с очевидными ошибками налогового агента) и вопросы, по которым судебная практика в целом уже сложилась (например, в отношении фактического права на доход), так и достаточно неординарные и подчас сложные вопросы. Следует признать, принципиально новые вопросы применения соглашений об избежании двойного налогообложения порой даются судам непросто.

На наш взгляд, анализ судебной практики заставляет задуматься о роли и рисках налогового агента при применении соглашений об избежании двойного налогообложения.

²¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 апреля 2022 г. № Ф04-1542/2021 по делу № А03-2893/2020.

²² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2022 г. № Ф05-22538/2022 по делу № А40-148303/2021.

²³ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 декабря 2022 г. № 11АП-18306/2022 по

делу № А65-17892/2022, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 марта 2023 г. № Ф06-1517/2023 по делу № А65-17892/2022, отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам определением Верховного Суда РФ от 26 июля 2023 г. № 306-ЭС23-12068 по делу № А65-17892/2022.

С одной стороны, нельзя не отметить возрастающие требования к проверке налоговым агентом соблюдения условий применения льгот по соглашениям, в первую очередь – наличия у иностранной организации фактического права на доход. Развитие практики в отношении независимых от налогоплательщика «респектабельных кондуитов» ставит вопрос о том, насколько в принципе налоговый агент может обезопасить себя от последующих претензий налоговых органов и какова цена выполнения требований налогового комплаенса.

С другой стороны, вызывают некоторую озабоченность случаи применения гражданско-правовых механизмов с участием налогового агента и налогоплательщика в отношении задолженности, возможность взыскания которой в рамках традици-

онных механизмов налогового администрирования вызывает сомнения. В рассмотренных делах в отсутствие налоговой проверки «взыскание» налога за прошедшие периоды фактически осуществляется налоговым агентом. Хочется выразить надежду, что российские суды найдут справедливый баланс частных и публичных интересов в столь тонком переплетении гражданско-правовых споров и налогового администрирования.

И, наконец, отметим, что при применении соглашений об избежании двойного налогообложения большое значение сохраняют процедурные вопросы. И, как показывает анализ судебной практики, следить за соблюдением соответствующих сроков и процедур необходимо и налоговому агенту, и налогоплательщику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vinnitskiy D.V. Russian double tax conventions: investment opportunities and anti-avoidance provisions / D.V. Vinnitskiy // *Intertax*. – 2008. – № 10. – P. 450–454.
2. Vinnitskiy D. V. Russia: Beneficial Owner/“Actual Owner” and Thin Capitalization / D. V. Vinnitskiy // *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2021*. – IBFD, 2022. – P. 149–160.
3. Vinnitskiy D. V. Test for meeting the beneficial owner requirement under Art. 10 of DTCs / D. V. Vinnitskiy // *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2019*. – IBFD, 2020. – P. 245–258.
4. Vinnitskiy D. V. Russia: Thin Capitalization, Recharacterization of Interest as Dividends and the Non-Discrimination Article / D. V. Vinnitskiy // *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2017*. – IBFD, 2018. – P. 399–415.
5. Vinnitskiy D. V. Russia: Withholding Tax on Agency Fees under the Russia-Germany Tax Treaty (Articles 14, 15 and 21) / D. V. Vinnitskiy // *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2015*. – IBFD, 2016. – P. 257–268.
6. Vinnitskiy D. V. Russia: Thin Capitalization Rules between Sister Companies under Luxembourg-Russia DTC / D. V. Vinnitskiy // *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2014*. – IBFD, 2015. – P. 305–314.
7. Килинкарлова Е. В. Устранение двойного налогообложения после частичного приостановления Россией международных налоговых соглашений / Е. В. Килинкарлова // *Налоговед*. – 2024. – № 1. – С. 21–29.
8. Мачехин В. А. Применение международных налоговых соглашений в РФ: процессуальные проблемы / В. А. Мачехин // *Финансовое право*. – 2011. – № 7. – С. 36–40.
9. Савицкий А. И. От сертификата резидентства к политике международного налогообложения / А. И. Савицкий // *Закон*. – 2015. – № 6. – С. 166–180.
10. Мачехин В. А. Фактическое право на доход: российские фискальные органы развивают концепцию / В. А. Мачехин // *Налоги*. – 2015. – № 4. – С. 32–35.
11. Анищенко Д. Е. Концепция «фактического права на доходы» в российской судебной практике / Д. Е. Анищенко // *Налоги*. – 2016. – № 4. – С. 26–29.
12. Аракелов С. А. Развитие концепции фактического права на доход: подходы ФНС России с учетом сформировавшейся судебной практики / С. А. Аракелов // *Закон*. – 2017. – № 5. – С. 45–56.
13. Tasalov K. Identifying conduit companies: a Russian perspective on the beneficial ownership concept / K. Tasalov // *European Taxation*. – 2020. – Vol. 60, no. 12. – P. 536–545.
14. Ахметшин Р. И. Фактическое право на доход: уроки ушедшего года / Р. И. Ахметшин, Н. А. Васильев // *Налоговед*. – 2022. – № 3. – С. 24–34.
15. Демин А. В. Доктрина бенефициарного собственника в налоговом праве / А. В. Демин, А. В. Николаев. – М. : Проспект, 2023. – 296 с.
16. Тасалов К. А. Критерии кондуитных компаний в российской концепции бенефициарной собственности / К. А. Тасалов, М. С. Волков // *Закон*. – 2023. – № 11. – С. 32–39. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-11-32-39.

17. Винницкий Д. В. Развитие судебной практики по делам о недостаточной капитализации в Российской Федерации в 2011–2016 гг. / Д. В. Винницкий // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 6. – С. 141–153.
18. Akhonina Y. Thin capitalization in Russia: rules, trends and changes / Y. Akhonina, M. Mikhaylova // *Intertax*. – 2016. – № 11. – P. 853–858.
19. Пономарева К. А. Влияние интернационализации налогового права на российское правоприменение в сфере корпоративного налогообложения / К. А. Пономарева // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 66–74. – DOI: 10.24147/2542-1514.1(4).66-74.
20. Бачилова Е. М. Налогообложение морской транспортировки российской нефти. Актуальные вопросы / Е. М. Бачилова // *Налоговед.* – 2023. – № 10. – С. 25–36.
21. Klaus Vogel on Double Taxation Conventions / ed. by E. Reimer, A. Rust. – 5th ed. – Wolters Kluwer, 2022. – 2556 p.
22. Курочкин Д. А. Проблемы разграничения доходов от активной и пассивной экономической деятельности в России в контексте трансграничного налогообложения / Д. А. Курочкин // *Налоги и налогообложение*. – 2017. – № 4. – С. 20–30. – DOI: 10.7256/2454-065X.2017.4.22696.
23. Хаванова И. А. «Иные доходы»: непостоянная логика статьи 21 налоговых конвенций / И. А. Хаванова // *Финансовое право*. – 2022. – № 12. – С. 27–29.
24. Брук Б. Я. Вопросы методологии использования и применения международных налоговых договоров (часть 1) / Б. Я. Брук // *Закон*. – 2023. – № 11. – С. 101–111. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-11-101-111.
25. Анищенко Д. Е. Распределение негативных налоговых последствий между налоговым агентом и иностранной организацией – налогоплательщиком / Д. Е. Анищенко // *Налоговед.* – 2022. – № 12. – С. 37–47.

REFERENCES

1. Vinnitskiy D.V. Russian double tax conventions: investment opportunities and anti-avoidance provisions. *Intertax*, 2008, no. 10, pp. 450–454.
2. Vinnitskiy D.V. Russia: Beneficial Owner/“Actual Owner” and Thin Capitalization, in: *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2021*, IBFD Publ., 2022, pp. 149–160.
3. Vinnitskiy D.V. Test for meeting the beneficial owner requirement under Art. 10 of DTCs, in: *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2019*, IBFD Publ., 2020, pp. 245–258.
4. Vinnitskiy D.V. Russia: Thin Capitalization, Recharacterization of Interest as Dividends and the Non-Discrimination Article, in: *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2017*, IBFD Publ., 2018, pp. 399–415.
5. Vinnitskiy D.V. Russia: Withholding Tax on Agency Fees under the Russia-Germany Tax Treaty (Articles 14, 15 and 21), in: *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2015*, IBFD Publ., 2016, pp. 257–268.
6. Vinnitskiy D.V. Russia: Thin Capitalization Rules between Sister Companies under Luxembourg-Russia DTC, in: *Tax Treaty Case Law Around the Globe 2014*, IBFD Publ., 2015, pp. 305–314.
7. Kilinkarova E.V. Avoidance of double taxation after Russia partially suspended international double tax treaties. *Nalogoved*, 2024, no. 1, pp. 21–29. (In Russ.).
8. Machekhin V.A. Application of international tax treaties in the RF: procedural problems. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2011, no. 7, pp. 36–40. (In Russ.).
9. Savitskiy A.I. From tax residency certificate towards international tax policy. *Zakon*, 2015, no. 6, pp. 166–180. (In Russ.).
10. Machekhin V.A. Beneficial ownership of the income: Russian fiscal authorities develop the concept. *Nalogi = Taxes (Journal)*, 2015, no. 4, pp. 32–35. (In Russ.).
11. Anishchenko D.E. Conception of “actual right to incomes” in the Russian judicial practice. *Nalogi = Taxes (Journal)*, 2016, no. 4, pp. 26–29. (In Russ.).
12. Arakelov S.A. Developing the concept of beneficial ownership for income: approaches of Federal Tax Service considering relevant court decisions. *Zakon*, 2017, no. 5, pp. 45–56. (In Russ.).
13. Tasalov K. Identifying conduit companies: a Russian perspective on the beneficial ownership concept. *European Taxation*, 2020, vol. 60, no. 12, pp. 536–545.

14. Ahmetshin R.I., Vasiliev N.A. Beneficial ownership of income: last year's lessons. *Nalogoved*, 2022, no. 3, pp. 24–34. (In Russ.).
15. Dyomin A.V., Nikolaev A.V. *Doctrine of beneficial owner in tax law*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 296 p. (In Russ.).
16. Tasalov K.A., Volkov M.S. Criteria of conduit companies in the Russian beneficial ownership concept. *Zakon*, 2023, no. 11, pp. 32–39. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-11-32-39. (In Russ.).
17. Vinnitsky D. The development of court practice in cases of inadequate capitalization in the Russian Federation in 2011–2016. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu» = Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2017, no. 6, pp. 141–153. (In Russ.).
18. Akhonina Y., Mikhaylova M. Thin capitalization in Russia: rules, trends and changes. *Intertax*, 2016, no. 11, pp. 853–858.
19. Ponomareva K.A. Influence of internationalization of tax law on Russian tax law enforcement in the area of corporate taxation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 66–74. DOI: 10.24147/2542-1514.1(4).66-74.
20. Bachilova E.M. Taxation of sea transportation of Russian oil. *Nalogoved*, 2023, no. 10, pp. 25–36. (In Russ.).
21. Reimer E., Rust A. (eds.). *Klaus Vogel on Double Taxation Conventions*, 5th ed. Wolters Kluwer Publ., 2022. 2556 p.
22. Kurochkin D.A. Issues of Differentiation of Active and Passive Economic Activity Income in Russia in Terms of Cross-Border Taxation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*, 2017, no. 4, pp. 20–30. DOI: 10.7256/2454-065X.2017.4.22696. (In Russ.).
23. Khavanova I.A. Other income: complicated logic of Article 21 of Tax Conventions. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2022, no. 12, pp. 27–29. (In Russ.).
24. Bruk B.Ya. Methodological issues in the use and application of international tax treaties (part 1). *Zakon*, 2023, no. 11, pp. 101–111. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-11-101-111. (In Russ.).
25. Anischenko D.E. Distribution of adverse tax consequences between a tax agent and a foreign company taxpayer. *Nalogoved*, 2022, no. 12, pp. 37–47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

КилинкарOVA Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: e.kilinkarova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-1262-1448
ResearcherID: J-7523-2013
Scopus AuthorID: 57219343210
SPIN-код РИНЦ: 7515-4090; AuthorID: 508242

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena V. Kilinkarova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.kilinkarova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-1262-1448
ResearcherID: J-7523-2013
Scopus AuthorID: 57219343210
RCSI SPIN-code: 7515-4090; AuthorID: 508242

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

КилинкарOVA Е.В. О развитии российской судебной практики применения соглашений об избежании двойного налогообложения / Е.В. КилинкарOVA // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 120–129. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).120-129.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kilinkarova E.V. On the development of Russian tax treaty case law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 120–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).120-129. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 342.72/.73

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138

ЦИФРОВАЯ СМЕРТЬ: НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ*

А.Е. Канакова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 января 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Права, свободы, цифровая смерть, цифровизация, цифровое право, Интернет, наследование, виртуальные вещи

Предметом исследования является право на наследование цифровой информации. Цель исследования – в обосновании необходимости проведения правового регулирования последствий наступления смерти человека в контексте наследования цифровых данных. Сделан вывод о соотношении прав и свобод, реализуемых в реальном и виртуальном пространстве, для цифровых прав и свобод определена роль правовых явлений, вносящих специфические компоненты в содержание уже существующих прав и свобод. По причине того, что смерть человека не создает автоматические последствия для цифрового пространства, то необходимо создать правовой механизм признания цифровой смерти, что позволит индивиду, умершему в реальности, стать таковым и для виртуального пространства.

DIGITAL DEATH: THE INHERITANCE OF DIGITAL INFORMATION**

Anna E. Kanakova

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2024 January 12

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Rights, freedoms, digital death, digitalisation, digital law, Internet, inheritance, virtual objects

The subject of the research is the right to inherit digital information.

The purpose of the research is to substantiate the need to conduct legal regulation of the consequences of the death of a person in the context of inheritance of digital data.

The research is based on the analysis of sources of Russian and foreign law, as well as practical materials of Russian and foreign law in the sphere of rights and freedoms. The methodological basis of the research was formed by general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, modelling) and private-scientific methods of cognition (comparative-legal, formal-logical).

Main results. There are some approaches to the correlation of rights and freedoms realized in real and virtual space. The first approach considers digital or virtual rights and freedoms as a new legal phenomenon that requires separate legal regulation. The second approach assesses digital or virtual rights and freedoms as a manifestation of the features of those rights and freedoms that already exist outside the digital world. Although the first approach is more popular, the second approach is more correct because digital rights and freedoms either add a new territory of rights and freedoms or affect the mechanism of realization, but do not create a fundamentally new legal phenomenon.

Because the death of a person does not automatically have consequences for the digital space, it is necessary to create a legal mechanism for recognising digital death, which will allow an individual who died in reality to become so for the virtual space. For the realisation of these powers it is not necessary to create completely new legal categories, it is enough to take into account the peculiarities of the realisation of offline rights and freedoms in virtual space.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01133, <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

** The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-01133, <https://rscf.ru/project/23-78-01133/>.

Conclusions. It seems more correct to move away from the concept of separating offline and online rights and to focus on the point-by-point introduction of digital rights and freedoms into existing legislation. Such an approach will not only ensure faster regulation of digital rights and freedoms, but will also make it possible to base legal regulation on provisions that have already had experience of implementation, and therefore identify possible gaps, problems, etc.

1. Введение

На сегодня одним из приоритетов развития Российской Федерации является цифровизация. Однако, несмотря на кажущееся проникновение цифровизации во все аспекты жизнедеятельности индивида, можно констатировать, что все они касаются исключительно этапа биологической жизни человека. Несмотря на то, что тема цифровой смерти и последующего наследования стала вызывать интерес у исследователей [1–6], а к 2047 г. прогнозируется смерть около 2,7 млрд из числа ныне живущих людей¹, значительная часть которых оставит после себя цифровой след, на данный момент сфера регулирования цифрового существования личности после наступления ее физиологической смерти находится вне зоны интереса законодателя. Несомненно, сложность и неоднородность цифрового пространства создает проблемы для проведения правового регулирования, но указанные выше обстоятельства вынуждают ставить вопрос рассмотрения перспектив существования своеобразного права на цифровую смерть, под которым следует понимать право человека, умершего в реальности, стать таковым и для виртуального пространства.

Используя сеть «Интернет», человек не создает обособленную цифровую личность, а лишь формирует свой цифровой образ, посредством которого он осуществляет необходимые действия в виртуальном пространстве. Несмотря на то, что цифровой образ неразрывно связан с физически существующим человеком, факт наступления смерти данного человека не становится автоматически известным в виртуальном пространстве, поэтому для признания человека умершим для виртуального пространства требуется совершение дополнительных действий, последовательность осуществления которых в большинстве случаев либо не имеет внешней формы выражения и их закрепления, либо оформлена в общем виде.

¹ World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables: Working Paper No. ESA/P/WP/248 / Department of Economic and Social Affairs Population Division. New York: United Nations, 2017. 46 p.

Следовательно, центральным вопросом в рамках указанной процедуры, несомненно, является вопрос о том, являются ли данные, оставленные в сети «Интернет», наследуемым имуществом. Необходимость решения данного вопроса обусловлена появлением частных случаев, на основании которых и формируется практика решения подобных конфликтов.

Исследование основано на анализе источников российского и зарубежного права, а также практических материалов российского и зарубежного права в сфере прав и свобод.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания (анализ, синтез, моделирование) и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-логический), которые способствовали всестороннему и предметному исследованию поставленных вопросов.

2. Наследование цифровой информации

2.1. Зарубежный опыт исследования цифровой информации

Первое резонансное дело, получившее широкое распространение и затронувшее вопрос данных, оставшихся после смерти лица, касалось американского военного Джастина Эллсворта, погибшего в Ираке в 2004 г. Его отец обратился в компанию *Yahoo* с просьбой предоставить ему доступ к переписке, которую они вели с сыном посредством электронной почты, но получил отказ, связанный с политикой компании: аккаунты, на которых не было активности дольше 90 дней, подлежали автоматическому удалению без права передачи доступа к ним третьим лицам (в том числе и близким родственникам). Воспользовавшись предусмотренной пользовательским соглашением возможностью раскрытия содержания аккаунта по решению суда², мистер Эллсворт обратился в суд, в итоге 20 апреля 2005 г. выиграв дело и получив диск с текстом на 10 000 страниц³. Указанное дело стало весомым аргументом для обоснования права

² Who owns your e-mails? // BBC News. Jan. 11, 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/magazine/4164669.stm (дата обращения: 23.09.2023).

³ Yahoo gives dead Marine's family e-mail info // NBC News. Apr. 21, 2005. URL: <http://www.nbcnews.com/id/7581686/> (дата обращения: 23.09.2023).

собственности на электронные письма и, следовательно, права их наследовать.

Принятое решение оказало влияние на американского законодателя: 24 июня 2005 г. в штате Коннектикут был принят акт о доступе к учетным записям электронной почты умерших⁴, однако комплексное регулирование указанной сферы началось только с 2014 г., когда был принят акт о внесении поправок в Раздел 12 Кодекса штата Делавер, касающийся доверительного доступа к цифровым активам и цифровым аккаунтам⁵, в котором электронные аккаунты умерших были приравнены к «прочим объектам собственности». Данный акт вызвал дискуссию среди технологических компаний, посчитавших невозможным предоставлять наследникам такой же уровень доступа, который был у наследодателя при жизни, что отразилось на содержании унифицированного акта 2015 г., рекомендованного для принятия во всех штатах страны – акт о доверительном доступе к цифровым активам⁶, где цифровые активы разделили на две категории (с учетом наличия согласия умершего и судебного решения).

Еще одно известное дело, связанное с наследованием цифровых данных, произошло в 2012 г. в Германии. Родители 15-летней девушки, погибшей под колесами поезда, обратились в *Facebook*⁷ с просьбой предоставить доступ к ее аккаунту, однако получили отказ: социальная сеть сослалась на требования законодательства о конфиденциальности данных. Суд первой инстанции встал на сторону родителей, обосновав их право доступа к аккаунту через закрепленное положение о наследовании личных дневников и писем (абз. 2, § 2047 и § 2373 Германского граждан-

ского уложения). Апелляционная инстанция не согласилась с данным решением, сделав акцент на запрете разглашения личной информации владельца и лиц, с кем она общалась. Верховный Суд Германии в 2018 г. принял решение по данному делу, допустив передачу аккаунта по наследству, в том числе с открытием доступа к данным, касающимся общения пользователя в социальной сети⁸.

Если американское законодательство можно отнести к числу передовых [7], отдельные акты европейских стран определить как основу для развития соответствующего комплексного правового регулирования⁹ [8; 9], то российская правовая система не может похвастаться в этом вопросе значительным практическим опытом и законодательными трансформациями.

2.2. Виртуальные вещи как составная часть наследства

Для проведения качественного нормативного правового регулирования российскому законодателю необходимо ответить на ряд важных вопросов.

Первостепенным является вопрос о том, что именно должно подлежать наследованию. В рамках виртуального пространства концентрируется огромный пласт информации, но нужно понимать, что не вся информация может стать объектом наследования. В данном случае необходимо выделять категорию «виртуальные вещи», которые будут обладать четкой формой (файла, комплексного произведения и т. п.), свойством передаваемости и учитываться как материальная ценность. Четкость формы позволяет отделить одну цифровую информацию от другой, тем самым разделив сферы влияния людей на кон-

⁴ An act concerning access to decedents' electronic mail accounts. Substitute Senate Bill No. 262 Public Act No. 05-136 // Connecticut General Assembly. URL: <https://www.cga.ct.gov/2005/act/Pa/2005PA-00136-R00SB-00262-PA.htm> (дата обращения: 23.09.2023).

⁵ Title 12. Decedents' Estates and Fiduciary Relations. Fiduciary Relations. Chapter 50. Fiduciary Access to Digital Assets and Digital Accounts // State of Delaware. The Official Website of the First State. URL: <https://delcode.delaware.gov/title12/c050/index.shtml> (дата обращения: 23.09.2023).

⁶ Fiduciary Access to Digital Assets Act // The National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. URL: <https://www.uniformlaws.org/viewdocument/final-act-with-comments-40> (дата обращения: 23.09.2023).

⁷ Деятельность *Meta Platform Inc* (в том числе по реализации социальной сети *Facebook*) в Российской Федерации запрещена как экстремистская. – *Примеч. ред.*

⁸ Parents can access dead daughter's Facebook, German court rules // The Local.de. July 12, 2018. URL: <https://www.thelocal.de/20180712/german-court-to-rule-on-parents-access-to-dead-daughters-facebook> (дата обращения: 23.09.2023).

⁹ LOI no 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique: L'Assemblée nationale et le Sénat ont adopté // Journal officiel de la République Française. URL: <https://wipo.int/ru/text/420578> (дата обращения: 23.09.2023); LEY 10/2017, de 27 de junio, de las voluntades digitales y de modificación de los libros segundo y cuarto del Código civil de Cataluña // Noticias Jurídicas. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/600511-I-10-2017-de-27-jun-ca-cataluna-voluntades-digitales-y-de-modificacion-de.html (дата обращения: 23.09.2023); Delle Femmine L. Spain tackles the problem of how to handle your digital legacy after you die // El País. Oct. 9, 2018. URL: https://elpais.com/elpais/2018/10/08/inenglish/1539010138_182928.html (дата обращения: 23.09.2023).

кретные виртуальные объекты. Свойство передаваемости вещи позволяет предоставить контроль над виртуальным объектом другому лицу. Необходимость статуса материальной ценности исключает из перечня виртуальных вещей то, что имеет моральную, эстетическую или иную похожую ценность.

Указанные теоретические выводы необходимо соотносить с действующим российским законодательством, так как специальных норм о наследовании виртуальных объектов у нас нет, но в ст. 1112 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ четко указывается, что в состав наследства не входят неимущественные права и другие нематериальные блага.

На основании этого положения можно сделать вывод, например, о том, что сама по себе электронная почта или аккаунт в социальной сети не могут быть объектами наследования: наследника интересует не сам факт получения доступа к сайту (в таком случае он может зарегистрироваться на нем под своим именем), а доступ к той части жизнедеятельности лица, которую тот осуществлял в цифровом пространстве. Однако посредством электронной почты или аккаунта в социальной сети человек реализует предоставленные ему Конституцией РФ свободу мысли и слова, право на неприкосновенность частной жизни и тайну переписки. Переписка выступает в качестве способа общения, который аналогичен по своему статусу телефонным переговорам, однако на повестку не выносятся вопросы наследования записанных телефонных разговоров. Несмотря на то, что у электронной почты или у аккаунта в социальной сети есть конкретные формы и доступ к ним теоретически можно передать, сама по себе учетная запись не обладает материальной ценностью, следовательно, не подходит под критерии виртуальных вещей.

2.3. Наследование аккаунтов в сети «Интернет»

В силу отсутствия четких законодательных положений, касающихся вопросов наследования, связанных с цифровым пространством, в юридической литературе наблюдается множественность вариантов относительно статуса социальных сетей и возможности их наследования [10–13]. Так, М.М. Панарина [14] отмечает, что аккаунт рассматривается как база данных, запись на сервере собственника социальной сети, права и обязанности из соглашения с организатором социальной сети. Е.С. Гринь причисляет аккаунты в социальных сетях к мультимедий-

ным продуктам (ст. 1240 ГК РФ), однако при условии их соответствия данным объектам [15; 16]. А.Л. Романова обосновывает признание профиля в социальной сети в качестве результата интеллектуальной деятельности [17].

М.И. Сулейманова приходит к выводу, что аккаунты в социальных сетях необходимо рассматривать как «иное имущество» и включать их в перечень объектов наследования [18]. Достаточно любопытным является аргумент автора о том, что существует возможность отчуждения аккаунта посредством купли-продажи, потому что согласиться с данным утверждением можно лишь частично (в рамках примера, приведенного автором, – купли-продажи сайта), потому что нередкими являются случаи, когда правила пользования определенным сайтом предусматривают запрет продажи аккаунта. Разумеется, в российском законодательстве нет ответственности за продажу или покупку аккаунтов, но в случае выявления подобного действия владельцы сайта предупреждают о том, что проданная запись будет заблокирована. В качестве примера можно привести правила онлайн-сервиса цифрового распространения компьютерных игр и программ *Steam*¹⁰.

Несмотря на обилие подходов к пониманию статуса учетной записи (на почтовом сервере, в социальной сети и т. п.), пытающихся обосновать необходимость ее перехода в порядке наследования, представляется возможным поставить важный вопрос, но совершенно под другим углом: если владелец сайта в одночасье примет решение о прекращении своей деятельности и удалит соответствующий сайт со всеми имеющимися на нем аккаунтами, то будет ли это действие расцениваться как уничтожение чужого имущества? Парадоксальность этого вопроса заставляет вернуться к самой сути ситуации, когда человек проходит регистрацию на определенном портале: он не заключает договор купли-продажи аккаунта, а получает доступ к чужой собственности в рамках предоставляемой ему услуги. Следовательно, чтобы говорить о возможности наследования именно аккаунта (даже если он пустой и не содержит никакой важной информации), необходимо закрепление в законодательства положения о замене наследодателя наследником во всех (без исключения) его договорных отношений. В таком случае подобное видение можно основывать на фундаментальном принципе немецкого права: универсальность насле-

¹⁰ Заблокированный аккаунт Steam // Служба поддержки Steam. Valve Corporation. URL: <https://help.steampowered.com/ru/faqs/view/4F62-35F9-F395-5C23> (дата обращения: 23.09.2023).

дования смерти, который предусматривает передачу наследникам всех договорных позиций, занимаемых умершим, в том числе связанных с использованием цифровых сервисов, так как считается, что такие договоры носят не строго личный, а скорее родовой характер [19].

В Российской Федерации в состав наследства не входят права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а право на создание аккаунта, учетной записи и т. п. предоставлялось конкретному лицу, указавшему свои данные при регистрации. Следовательно, сам факт возможности доступа на какой-либо сайт не может быть объектом, передающимся по наследству.

Однако не всегда наследникам нужен именно доступ к электронной почте или аккаунту в социальной сети, иногда центральным предметом спора выступают файлы, которые хранятся в цифровом пространстве (видео из семейного архива, музыкальные или литературные произведения умершего родственника и т. п.). В данном случае у указанных виртуальных объектов имеются все перечисленные характеристики, так как у файлов не только есть четкие границы и возможность их передачи, но и материальная (стоимостная) составляющая. Несмотря на логичность включения подобных файлов в перечень виртуальных вещей, ряд дискуссионных вопросов остается открытым. Например, кто будет выявлять расположенные на электронной почте файлы, подлежащие передаче в порядке наследования; будут ли передаваться все файлы без исключения или их содержание будет проверяться в частном порядке; на кого будут возложены все функции по обеспечению и сопровождению виртуального наследования. Перечисленные вопросы в первую очередь сталкиваются со ст. 23 Конституции РФ, гарантирующей тайну переписки.

Одним из возможных вариантов частичного решения указанной проблемы может послужить заимствование опыта в отношении электронных кошельков «ЮMoney». Владелец электронного кошелька сам принимает решение о статусе созданного электронного кошелька (анонимный, именной или идентифицированный) путем предоставления того или иного перечня данных и документов, следовательно, определяет степень привязки своего элек-

тронного кошелька к своей реальной оффлайн-личности. Денежные средства, находящиеся на электронном кошельке, подлежат наследованию с идентифицированного электронного кошелька, после предоставления наследником всех необходимых документов¹¹. Аналогичным образом можно дифференцировать имеющиеся в сети «Интернет» социальные страницы, почтовые аккаунты и т. п., т. е. включать в перечень объектов наследования только файлы со страниц, чем статус был при жизни определен владельцем как связанный с его оффлайн-личностью.

Важно отметить, что компания *WebMoney* также самостоятельно проработала порядок передачи прав на владение *WM*-идентификатором (электронным кошельком) по наследству¹². Если же регистрация была произведена под вымышленным именем, то, по мнению М.Г. Диевой, Р.В. Косова и С.А. Тарабрина, доступ к такому аккаунту и средствам на нем нужно будет получать в судебном порядке [20]. В иных вопросах цифрового наследства, непосредственно связанных с денежным выражением, подобный четкий алгоритм действий отсутствует. Так, наследование криптоактивов носит казуальный характер и зависит от каждой конкретной ситуации [20–22].

Вместе с этим в виртуальном пространстве существуют объекты, не созданные умершим человеком, а им приобретенные (цифровые книги, музыкальные композиции, фильмы и т. п.). С классических правовых позиций наследование данных объектов не представляется возможным, потому что пользовательские соглашения данных сайтов предусматривают предоставление лишь пожизненной лицензии на пользование файлом.

Еще одним важным моментом является посмертное регулирование социальных сетей и аккаунтов, через которые велась предпринимательская или иная не запрещенная экономическая деятельность (монетизируемые каналы на видеохостинге, «рабочие» аккаунты во «ВКонтакте», где оформляются заказы на продажу товаров и предоставление услуг). В отношении подобных аккаунтов необходимо выработать отдельный подход, носящий компромиссный характер, так как данные аккаунты обременены и третьим признаком виртуальных вещей –

¹¹ Наследование денег из кошелька ЮMoney // ЮMoney. URL: <https://yoomoney.ru/page?id=530519>.

¹² Порядок передачи прав на владение WM-идентификатором по наследству WebMoney // WebMoney. URL: <https://>

wiki.webmoney.ru/projects/webmoney/wiki/poryadok_peredachi_prav_na_vladenie_wm_identifikatorom_po_nasledstvu (дата обращения: 23.09.2023).

материальной ценностью. Представляется возможным закрепление следующих вариантов: 1) передача лишь части возможностей доступа (например, закрытие доступа для нового владельца страницы к перепискам и т. п., передача доступа только к группе или сообществу, создающему материальную ценность для наследников, без предоставления доступа к личной странице лица, при жизни администрировавшего группу или сообщество; 2) передача доступа к аккаунту только после удаления на нем личной информации лица (переписок, видеозаписей и фотографий, скрытых под настройками приватности). Установление подобных правил поможет соблюсти право на наследование и не нарушить право на неприкосновенность частной жизни.

Отдельный интерес вызывает анализ возможности наследования бонусов компании (Аэрофлот Бонус, СберСпасибо, РЖД), проведенный С.В. Лебедевым [21]. Несмотря на то, что существует несколько подходов к правовой природе бонусов (скидка, имущественное право, аванс или поощрение), автор делает вывод о том, что указанные бонусы являются поощрением конкретного лица, что исключает возможность их включения в наследственную массу.

2.4. Порядок наследования объектов виртуального пространства

Таким образом, вопрос наследования цифровых явлений, оставшихся после смерти человека, требует комплексного законодательного регулирования и не может быть оставлен на усмотрение владельцев сайтов и судов. При этом законодатель не может ограничиться только общим указанием на наследование или ненаследование рассматриваемых объектов, требуется доскональный анализ виртуальных явлений, связанных с деятельностью человека, их правовая оценка, предоставление им определенного правового статуса, на основе которого и будет приниматься решение о его передаче наследникам или оставлении без нового владельца.

Наряду с этим неоспоримо важен вопрос не только о том, что наследовать, но и в каком порядке. В рамках российского законодательства можно отметить два важных процедурных аспекта. Во-первых, пользовательские соглашения тех же социальных сетей запрещают регистрацию от имени или вместо другого лица («фальшивый аккаунт») (п. 6.3.1 Правил пользования сайтом ВКонтакте¹³), что по-

рождает вопрос установления правил и процедуры подтверждения личности владельца соответствующей страницы. Во-вторых, уточнения требует форма документа, на основании которого будет происходить передача виртуальных объектов. С 2019 г. ГК РФ содержит прямой запрет на составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств. Следовательно, законодатель не оставляет иных вариантов завещания, кроме как его письменной формы, удостоверенной нотариусом или приравненной к нотариально удостоверенным завещаниям [23].

Однако письменная форма завещания не снимает вопроса о том, как именно в завещании необходимо оформлять желание передать наследникам виртуальную вещь: достаточно ли указать соответствующую страницу, группу, сообщество или требуется указание в завещании логина и пароля, и как быть, если пароль был изменен до наступления смерти, но после написания завещания.

Соответственно, вопрос наследования объектов виртуального пространства совершенно нов для российского законодателя и требует детальной проработки базовых подходов как к объектам, так и к порядку наследования. На сегодня приходится констатировать факт значительного отставания Российской Федерации в рамках данного вопроса от европейского и американского законодательства.

3. Заключение

Основная причина, тормозящая процесс правового регулирования цифровых прав и свобод, заключается в отсутствии четкого понимания того, что из себя представляют цифровые права и свободы: принципиально новое явление или лишь специфическое продолжение тех правовых положений, которые уже существуют в нашей правовой системе. На сегодня первая позиция находит большую поддержку у научного сообщества [24; 25], вынуждая разрабатывать новые концепции, искать правовую основу для появления новой отрасли права и т. п. Однако на протяжении длительного периода развитие данного направления не принесло значимых результатов, в некоторых случаях еще сильнее усложнив ситуацию. Представляется, что указанная проблема обусловлена практической невозможностью создать новую отрасль права. Говорить об отдельной отрасли права можно только в отношении явлений, у которых нет оффлайн-аналогов.

¹³ Правила пользования Сайтом ВКонтакте // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 23.09.2023).

Проведенный анализ потенциально существующих для нашей правовой системы цифровых прав и свобод демонстрирует более высокую степень состоятельности позиции, отдающей цифровым правам и свободам роль правовых явлений, вносящих специфические компоненты в содержание уже существующих прав и свобод: комплексность и иерархичность их реализации, учет нового пространства их действия и в некоторых случаях признание нового способа применения имеющихся правовых возможностей. Рассмотренная в данном исследовании «цифровая смерть» представляет собой совокупность уже существующих прав и свобод, которые реализуются комплексно и системно. Для реализации

этих правомочий не нужно создавать совершенно новые правовые категории, достаточно учесть особенности реализации оффлайновых прав и свобод в виртуальном пространстве.

Таким образом, представляется более правильным отойти от концепции разделения оффлайн- и онлайн-прав и сконцентрироваться на точечном внедрении цифровых прав и свобод в уже существующее законодательство. Такой подход обеспечит не только более быстрое регулирование цифровых прав и свобод, но и позволит базировать правовое регулирование на положениях, уже имеющих опыт реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волос А. А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства / А. А. Волос // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3. – С. 51–71.
2. Харисова И. Р. Наследование аккаунтов социальных сетей / И. Р. Харисова, Е. А. Шлыгина // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. – 2021. – № 24. – С. 68–74.
3. Игбаева Г. Р. Вопросы цифрового наследования: особенности наследования аккаунта в социальных сетях / Г. Р. Игбаева, В. А. Гревцева // Правда и закон. – 2023. – № 1 (23). – С. 25–32.
4. Неруш А. А. Цифровая смерть и цифровое бессмертие в контексте научно-технологического прогресса / А. А. Неруш, Т. Г. Неруш // Психолого-экономические исследования. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 117–125.
5. Гаврилов В. Н. Наследование аккаунтов в социальной сети / В. Н. Гаврилов // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 2 (14). – С. 11–14.
6. Сагаста С. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях. Проблемы регулирования / С. С. Сагаста // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 3 (54). – С. 651–654.
7. Курбанов Р. А. Правовое регулирование оборота цифровых прав в США / Р. А. Курбанов, А. А. Гаджиев // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 141–146. – DOI: 10.31857/S102694520024857-3.
8. Де Роза Р. Е. Что произойдет с моим «цифровым наследием», если я умру? Часть 1 / Р. Е. Де Роза // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 1 (15). – С. 30–40.
9. Талапина Э. В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы / Э. В. Талапина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4. – С. 164–184. – DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.164.184.
10. Харитонов Ю. С. Наследование цифровых активов / Ю. С. Харитонов // Нотариальный вестник. – 2020. – № 1. – С. 5–16.
11. Patti F. P. Digital Inheritance and Post Mortem Data Protection: The Italian Reform / F. P. Patti, F. Bartolini // European Review of Private Law. – 2019. – № 5. – P. 1181–1194.
12. Navas S. Digital Content of the Inheritance: Remarks on the Judgment of the German Federal Court of Justice (BGH) of 12 July 2018 from the Standpoint of Spanish Law / S. Navas // European Review of Private Law. – 2019. – № 5. – P. 1159–1168.
13. Санникова Л. В. Защита цифровых активов как имущественной ценности / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонов // Хозяйство и право. – 2018. – № 5 (496). – С. 26–35.
14. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование / М. М. Панарина // Наследственное право. – 2018. – № 3. – С. 27–28.
15. Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт / Е. С. Гринь. – М.: Проспект, 2015. – 251 с.
16. Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт / Е. С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 128–134. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134.

17. Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «цифровую смерть» / А. Л. Романова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 211–217. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217.
18. Сулейманова М. И. Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования / М. И. Сулейманова // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 6А. – С. 151–158.
19. Де Роза Р. Е. Что станет с моим цифровым наследием, когда я умру? Часть 2 / Р. Е. Де Роза // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 2 (16). – С. 16–26.
20. Диева М. Г. Наследование цифровых активов / М. Г. Диева, Р. В. Косов, С. А. Тарабрин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3-2 (105). – С. 166–168. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.055.
21. Лебедков С. В. Цифровая смерть: к вопросу о наследовании цифровых активов / С. В. Лебедков // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 10А. – С. 272–283.
22. Павлов Е. А. Наследственное право в условиях современного цифрового общества / Е. А. Павлова // Пермский юридический альманах. – 2022. – № 5. – С. 196–203.
23. Пустозерова Н. И. Цифровая валюта и наследство: анализ правового положения / Н. И. Пустозерова // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № 51. – С. 43–47.
24. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты / О. Л. Солдаткина // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 113–123. – DOI: 10.31857/S013207690007824-8.
25. Кириллова Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зулфугарзаде, С. Е. Метелёв // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245–256. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256.

REFERENCES

1. Volos A.A. Digitalization of Society and Objects of Hereditary Succession. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, no. 3, pp. 51–71. (In Russ.).
2. Kharisova I.R., Shlygina E.A. Social network account inheritance. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*, 2021, no. 24, pp. 68–74. (In Russ.).
3. Igbayeva G.R., Grevtseva V.A. Issues of digital inheritance: features of inheritance of account in social networks. *Pravda i zakon*, 2023, no. 1 (23), pp. 25–32. (In Russ.).
4. Nerush A.A., Nerush T.G. Digital death and digital immortality in the context of scientific and technological progress. *Psikhologo-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Psycho-economics*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 117–125. (In Russ.).
5. Gavrilov V.N. Inheritance of social network accounts. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*, 2019, no. 2 (14), pp. 11–14. (In Russ.).
6. Sagasti S.S. Inheritance of accounts in social networks. Problems of regulation. *Alleya nauki*, 2021, vol. 1, no. 3 (54), pp. 651–654. (In Russ.).
7. Kurbanov R., Gadzhiev A.A. Legal regulation circulation of digital rights in United States of America. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 4, pp. 141–146. DOI: 10.31857/S102694520024857-3. (In Russ.).
8. De Rosa R.E. What happens to my “digital heritage” if I die? Part 1. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*, 2022, no. 1 (15), pp. 30–40. (In Russ.).
9. Talapina E.V. Digital Transformation in France: Legal Innovations. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2019, no. 4, pp. 164–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.164.184. (In Russ.).
10. Haritonova Ju.S. Digital inheritance. *Notarial'nyi vestnik*, 2020, no. 1, pp. 5–16. (In Russ.).
11. Patti F.P., Bartolini F. Digital Inheritance and Post Mortem Data Protection: The Italian Reform. *European Review of Private Law*, 2019, no. 5, pp. 1181–1194.
12. Navas S. Digital Content of the Inheritance: Remarks on the Judgment of the German Federal Court of Justice (BGH) of 12 July 2018 from the Standpoint of Spanish Law. *European Review of Private Law*, 2019, no. 5, pp. 1159–1168.

13. Sannikova L.V., Kharitonova Y.S. Protection of digital assets as property value. *Khozyaistvo i pravo*, 2018, no. 5 (496), pp. 26–35. (In Russ.).
14. Panarina M.M. Inheritance of an account in social networks and digital inheritance issues: a legal research. *Nasledstvennoe pravo = Law of succession*, 2018, no. 3, pp. 27–28. (In Russ.).
15. Grin' E.S. *Copyright on multimedia product*. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 251 p. (In Russ.).
16. Grin E.S. Inheriting Social Media Accounts: Russian and Foreign Experience. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 128–134. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134. (In Russ.).
17. Romanova A.L. Technologies of Digital Reincarnation of Personality in Relation to the Right to «Digital Death». *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 4, pp. 211–217. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217. (In Russ.).
18. Suleimanova M.I. Social media account as a digital asset: issues of digital inheritance. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and international law*, 2023, vol. 13, no. 6A, pp. 151–158. (In Russ.).
19. De Rosa R.E. What happens to my “digital heritage” if I die? Part 2. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*, 2022, no. 2 (16), pp. 16–26. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.016-026. (In Russ.).
20. Dieva M.G., Kosov R.V., Tarabrin S.A. Digital inheritance. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2021, no. 3-2 (105), pp. 166–168. DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.055. (In Russ.).
21. Lebedkov S.V. Digital death: the issue of inheritance of digital assets. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and international law*, 2021, vol. 11, no. 10A, pp. 272–283. DOI: 10.34670/AR.2021.79.35.035. (In Russ.).
22. Pavlov E.A. Inheritance law in a modern digital society. *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm legal almanac*, 2022, no. 5, pp. 196–203. (In Russ.).
23. Pustozero N.I. Digital currency and inheritance: analysis of the legal status. *Sotsial'noe upravlenie = Social management*, 2023, vol. 5, no. S1, pp. 43–47. (In Russ.).
24. Soldatkina O.L. Digital law: features of the digital environment and subjects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 12, pp. 113–123. DOI: 10.31857/S013207690007824-8. (In Russ.).
25. Kirillova E.A., Zulfugarzade T.E., Metev S.E. The institution of digital rights in Russian civil law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 245–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).245-256.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канакова Анна Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
Алтайский государственный университет
656000, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: kananna19@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1912-4575

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna E. Kanakova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and International Law
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656000, Russia
E-mail: kananna19@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1912-4575

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Канакова А.Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации / А.Е. Канакова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 130–138. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kanakova A.E. Digital death: the inheritance of digital information. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 130–138. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

УДК 341

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).139-148

ТЕСТ САЛИНИ (SALINI TEST): ИСТОРИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

О.Ю. Скворцов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 июня 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 декабря 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Тест Салини, инвестиции, арбитраж, инвестиционный арбитраж, Вашингтонская конвенция, международное инвестиционное право, инвестиционные споры, правоприменение в инвестиционных спорах

Предметом статьи является правоприменительная практика, складывающаяся в отношении понятия «инвестиции». Формирование этой практики имеет место в многочисленных решениях инвестиционного арбитража. Важнейшую роль в этой практике играет тест Салини. Методологией исследования является сравнительно-правовой анализ тех концепций, которые положены в основание теста Салини, равно как и конкурирующих с ним теорий. Автор приходит к выводу, что причиной появления теста Салини стала объективная невозможность тотального консенсуса государств относительно юридической формализации понятия «инвестиции», однако это не умаляет роли теста Салини в развитии инвестиционного права.

SALINI TEST: HISTORY AND TRENDS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Oleg Yu. Skvortsov

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2023 June 06

Accepted –

2023 December 20

Available online –

2024 June 20

Keywords

Salini test, investments, arbitration, investment arbitration, Washington convention, international investment law, investment disputes, enforcement in investment disputes

The subject of this article is the international law enforcement practice developing in relation to the concept of investment. The formation of this practice takes place in numerous decisions of investment arbitration. The Salini test plays an important role in this practice, which is an investment arbitration decision that has become the flagship of the development of the practice of applying international investment law and its principles.

The purpose of the article is to identify trends in the decisions of investment arbitration, in which the concept of investment is interpreted, as well as in the doctrinal justification of approaches to this problem.

The methodology of the study is a comparative legal analysis of those concepts that are the basis of the Salini test, as well as competing theories with it.

Main results. The reason for the appearance of the Salini test was the impossibility of a total consensus of states regarding the legal formalization of the concept of "investment". This impossibility has an objective character, since the investments of resources in one or another sphere have such significant differences that they cannot be taken into account within the framework of a single legal paradigm. In addition, the subjective factor is also important for the formulation of this concept, since states endowed with different roles – either as recipients of investments or as investors – have divergent interests that cannot be realized within the framework of a single legal approach.

Conclusions. Investment arbitration has to a certain extent demonstrated the ability to overcome the differences that exist between different states regarding the key concept of investment law. It was in the arbitration decisions, and above all in the Salini test, that the signs of the key concept of investment law were identified, which together constitute its

content. The content of the Salini test is that the concept of investment is formulated based on the identification of the following criteria: (1) investment of assets; (2) a certain duration of the investment of assets; (3) risky nature of investments; (4) significant economic importance for the recipient state.

In addition, the author of the article comes to the conclusion that, despite the fact that the Salini test accumulated the main legal ideas about the regulation of investment activity, the amorphous nature of the concept of investment determines a high degree of its uncertainty in relation to specific situations. This provokes a continuation of the discussion regarding legally significant investment criteria.

1. Введение

Развитие международного инвестиционного права представляет собой извилистую дорогу, которую человечество преодолевает, то останавливаясь, то возвращаясь назад, то вновь устремляясь вперед. Множество разнонаправленных интересов сталкиваются при формулировании норм международного инвестиционного права. Это и есть причина того, что мировое сообщество не может договориться о *единых началах* регулирования международной инвестиционной деятельности.

Несмотря на то, что в 1965 г. была принята Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (далее – Конвенция), которая, казалось бы, должна была упорядочить инвестиционные отношения, тем не менее говорить об удовлетворительном унифицированном регулировании не приходится.

Невозможность создания *признаваемой всеми государствами* всеобъемлющей системы регулирования инвестиционной деятельности в значительной степени компенсируется практикой инвестиционных арбитражей.

Предметом настоящей статьи является правоприменительная практика, складывающаяся в отношении понятия «инвестиции». Важнейшую роль в этой практике играет тест Салини¹, который представляет собой решение арбитража, ставшее своего рода флагманом развития практики применения международного инвестиционного права.

Несмотря на появление теста Салини свыше 20 лет назад, вокруг его концепции идут бурные дискуссии, что свидетельствует об актуальности проблематики, фокусируемой в этом арбитражном реше-

нии (Е. Бабкина и Е. Трахалина [1] R. Dolzer [2], E. Gailard [3], O. García-Bolívar [4], A. Grabowski [5], L. Malintoppi [6; 7], J. Mortenson [8], C. Schreuer [6; 7; 9–11], В.Н. Ануров [12–14], Е.В. Попов [15], И.В. Рачков [16] и др.).

Настоящая статья преследует цель показать эволюцию доктринального и правоприменительного подхода к пониманию инвестиций на основе теста Салини и обобщить тенденции в этой области международного инвестиционного права.

2. История Теста Салини

Международное сообщество, будучи заинтересованным в создании оптимальной системы регулирования инвестиционного рынка, тем не менее так и не сумело реализовать эту цель. Можно услышать возражение: в 1965 г. была принята Конвенция, к которой в конечном итоге присоединились более 150 государств мира. Однако составители Конвенции так и не смогли подготовить текст, в котором были бы урегулированы материально-правовые аспекты движения инвестиций; ее целью стала регламентация процедуры разрешения споров, а также учреждение институции, призванной разрешать инвестиционные споры. Такой институцией стал Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС), созданный в 1966 г.

Поскольку попытки создания приемлемой для большинства государств мира системы международного инвестиционного права так и не увенчались успехом, то восполнение пробелов регулирования легло на плечи инвестиционного арбитража. Этот процесс занял примерно треть века с момента принятия Конвенции, и его результаты нашли свое концентрированное выражение в тесте Салини².

¹ Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. The Kingdom of Morocco, ICSID Case No ARB/00/4, Decision on Jurisdiction of 23 July 2001. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0738.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

² У теста Салини есть идейный предшественник – *Howey Test* – решение Верховного Суда США по делу *Securities and Exchange Commission v. W. J. Howey Co.*, принятое в 1946 г. В этом деле рассматривался вопрос о понятии инвестиций

Теоретическими предпосылками теста Салини в значительной степени стали разработки австрийского правоведа Кристофа Шреера [17], которые явились основой для подходов к этой проблеме в правоприменительной практике [6; 7; 9–11].

Сам тест Салини представляет собой квинтэссенцию арбитражного решения по спору между итальянскими компаниями *Salini Costruttori S.p.A.* и *Italstrade S.p.A.* с Королевством Марокко, который в 2001 г. завершило проводимое в МЦУИС арбитражное разбирательство.

Однако у этого арбитражного решения есть своего рода предшественники: (1) дело *Fedax N.V.* против Республики Венесуэла³, решение по которому состоялось в 1998 г., и (2) дело *Ceskoslovenska Obchodni Banka, A.S.* против Словацкой Республики, решение по которому было принято в 1999 г.⁴ В обоих этих разбирательствах арбитры задали направление исследований, указав на необходимость выявления объективных критериев понятия «инвестиции», не предприняв при этом попыток по установлению содержания этих критериев. Именно такие попытки спустя несколько лет и предприняли арбитры по делу Салини.

3. Предпосылки появления теста Салини и его содержание

Причиной появления теста Салини стала невозможность тотального консенсуса государств относительно юридической формализации понятия «инвестиции»⁵. Объяснимо это тем, что вложения ресурсов в ту или иную сферу имеют существенные различия, которые не могут быть учтены в рамках единой юридической парадигмы [21, с. 28–29]. Кроме того, для формулирования этого понятия имеет значение и субъективный фактор, поскольку государства,

наделенные различными ролями – либо как реципиенты инвестиций, либо как инвесторы, – имеют разнонаправленные интересы.

Значение теста Салини состоит в том, что арбитраж юридизировал признаки экономического понятия инвестиции⁶. На уровне глобального⁷ конвенционального регулирования такая юридизация, как показала вся послевоенная практика развития международного инвестиционного права, оказалась невозможной. По этой причине разработчики Конвенции осознанно отказались от формулирования понятия «инвестиции», оставив простор для правоприменителя опираться на аморфные положения экономической теории [12, с. 262; 14, с. 102; 22, с. 152; 23, с. 32].

Инвестиционный арбитраж продемонстрировал свои возможности преодолевать разногласия, существующие между различными государствами относительно ключевого понятия инвестиционного права, тут же порождая новую разногласицу. Именно в арбитражных решениях и прежде всего в тесте Салини были определены признаки ключевого понятия инвестиционного права, в своей совокупности составляющие его содержание. Содержание же теста Салини состоит в том, что понятие об инвестициях формулируется на основании выявления следующих критериев: (1) вложение активов; (2) некая продолжительность вложения активов; (3) рискованный характер вложений; (4) существенное экономическое значение для государства-реципиента.

4. Дискуссии вокруг теста Салини (доктринальный и правоприменительный аспекты)

Несмотря на то, что тест Салини аккумулировал в себе основные идеи правовых подходов к регламентации инвестиционной активности, аморфность

на основании норм американского Закона о ценных бумагах, который не предусматривал понятия «инвестиционный контракт». Верховный Суд указал, что под таковым следует иметь в виду такой договор, в соответствии с которым лицо (1) вкладывает деньги (2) в общее предприятие и (3) ожидает получения прибыли. Текст судебного решения: URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/328/293> (дата обращения: 04.06.2023).

³ *Fedax N.V. v. The Republic of Venezuela*, ICSID Case No. ARB/96/3, Decision on Jurisdiction of 9 March 1998. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0316_0.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ *Ceskoslovenska Obchodni Banka, A.S. v. The Slovak Republic* ICSID Case No. ARB/97/4, Decision of the Tribunal on Objections to Jurisdiction of 24 May 1999. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0144.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

⁵ На это обстоятельство обращается внимание едва ли не в каждой работе, посвященной международному инвестиционному праву, см., напр.: [1; 5; 7; 12, с. 262; 15, с. 16; 18, с. 55; 19, с. 356; 20, с. 33].

⁶ При этом в литературе подчеркивается, что понятие «инвестиции» является прежде всего сферой исследований экономической науки, что не упрощает задачу по установлению содержания рассматриваемого термина, а наоборот, значительно усложняет ее [13, с. 126].

⁷ В то же время в рамках регионального регулирования инвестиционной деятельности удается найти консенсус относительно нормативной дефиниции понятия «инвестиции». Об этом свидетельствуют, например, Договор к Энергетической Хартии (1994; далее – ДЭХ), Сеульская Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (1985) и другие акты, в рамках которых удалось сформулировать это понятие.

понятия «инвестиции» определяла высокую степень его неопределенности применительно к конкретным ситуациям. Это провоцировало теоретические дискуссии относительно тех юридически значимых критериев, которые использовались для формулирования понятия «инвестиции». Длительность этих дискуссий исчисляется десятилетиями, однако конца им не видно [2, р. 82; 3, р. 403; 5; 8, р. 257; 14, с. 101–110; 24, р. 151].

Тест Салини стал опорой для принятия целого ряда последовавших решений инвестиционного арбитража⁸.

В то же время в практике можно встретить решения арбитража (см., напр., дело *Saba Fakes* против Республики Турция⁹), в которых *концептуально* отрицается значение этого теста со ссылкой на то, что его применение может вывести из-под юрисдикции Конвенции целый ряд сделок.

Вместе с тем каждый из критериев теста Салини стал поводом для дискуссий, что кажется, с одной стороны, вполне закономерным, а с другой стороны, – предпосылкой для широчайшей дискреции арбитров.

Дискуссии вокруг теста Салини развиваются в разных направлениях.

Первое направление споров состоит в оценке критериев, на основании которых определяется понятие инвестиций. Особые дискуссии вызвал четвертый признак – существенное экономическое значение для государства-реципиента. Свои выводы относительно значимости этого критерия арбитраж, придерживающийся концепции теста Салини, основыва-

ет на преамбуле Конвенции, хотя сам текст не содержит такого признака вложений¹⁰.

В то же время в практике есть дела, в которых арбитраж отказывался признавать в качестве критерия инвестиций существенность вклада в экономику принимающего государства¹¹. Так, в деле *Quiborax S.A. против Боливии* арбитраж, хотя и признал, что Конвенция призвана способствовать экономическому развитию государств, однако отказался признавать такое развитие критерием инвестиций. При этом арбитраж указал на то, что в преамбуле Конвенции действительно речь идет об экономическом развитии, однако таковое представляет собой цель инвестиций, но не их характеристику. Другими словами, по мнению арбитров, экономическое развитие является следствием инвестиций, но не их условием.

Зачастую отказ от четвертого признака инвестиций обосновывается тем, что существенность вклада в экономику государства-реципиента сложно установить, а кроме того этот признак неявно содержится в иных критериях инвестиций¹².

Ряд правоведов полагает необходимым ввести новые критерии, позволяющие квалифицировать вложения в качестве инвестиций. Так, З. Дуглас, говоря о предмете инвестиционного спора, указывает на то, что таковой определяется правами, вытекающими из инвестиционного проекта [25, р. 430].

В деле *Phoenix Action Ltd* против Чешской Республики, помимо «классических» признаков теста Салини, арбитраж анализировал и дополнительные критерии – законность и добросовестность¹³. Однако парадоксальным образом и в отношении за-

⁸ См., напр.: *Joy Mining Machinery Limited v. The Arab Republic of Egypt*, ICSID Case No ARB/03/11, Decision on Jurisdiction of 23 July 2001. URL: https://www.italaw.com/documents/JoyMining_Egypt.pdf (дата обращения: 30.05.2023); *Jan de Nul N.V., Dredging International N.V. v. The Arab Republic of Egypt*, ICSID Case No ARB/04/13, Decision on Jurisdiction of 16 June 2006. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0439.pdf> (дата обращения: 30.05.2023); *Helnan International Hotels A/S v. The Arab Republic of Egypt*, ICSID Case No ARB/05/19, Decision on Jurisdiction of 17 October 2006. URL: https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0398_0.pdf (дата обращения: 30.05.2023); *Malaysian Historical Salvors Sdn, Bhd v. The Government of Malaysia*, ICSID Case No ARB/05/10, Award on Jurisdiction of 17 May 2007. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0496.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).

⁹ *Saba Fakes v. Republic of Turkey*, ICSID Case No. ARB/07/20. URL: <https://www.italaw.com/cases/429> (дата обращения: 02.06.2023).

¹⁰ Буквально в преамбуле Конвенции говорится следующее: «Договаривающиеся Государства: Принимая во внимание потребность в международном сотрудничестве для экономического развития и значение в этом прямых иностранных инвестиций...» – из этой фразы и выводится комментируемый признак.

¹¹ *Saba Fakes v. Republic of Turkey*. Award of 14 July 2010; *Victor Pey Casado and President Allende Foundation v. The Republic of Chile*. ICSID Case No. ARB/98/2 (<https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0638.pdf>) (дата обращения: 02.06.2023).

¹² *LESI S.p.A. et Astaldi S.p.A. v. People's Democratic Republic of Algeria*, ICSID Case N ARB/05/3. URL: <https://www.italaw.com/cases/618> (дата обращения: 31.05.2023).

¹³ *Phoenix Action v. the Czech Republic*. Case No. ARB/06/5. Decision on provisional measures. 06 April 2007. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0668.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).

конности идут дискуссии, которые касаются различных аспектов этого признака. Так, в деле *Álvarez* против Республики Панама арбитраж указал на то, что нарушение закона должно быть существенным для того, чтобы рассматриваться в качестве критерия отказа в применении теста Салини¹⁴. А в деле *Yukos Universal Limited (Isle of Man)* против Российской Федерации суд отказался признавать этот признак со ссылкой на то, что ДЭХ не содержит требования о законности инвестиций [16, с. 118].

Исследователь практики применения теста Салини О. Гарсиа-Боливар, обобщив ряд споров, пришел к выводу о том, что арбитры, давая оценку вложений, выявляют и иные признаки, которые, по их мнению, характеризуют инвестиции. В частности, таковые могут быть сделаны в форме ноу-хау и, будучи значимыми для государства-реципиента, должны существенно повысить ВВП страны [4, р. 599–600]. Подобная позиция представляет собой расширительное толкование, тенденцией которого является нарастание юридизируемых признаков инвестиций. Подходы арбитров, стремящихся к расширительному толкованию, основаны на проинвесторской политике, которая находит свое оправдание в доктрине, в частности в трудах одного из самого видных специалистов по международному инвестиционному праву М. Сорнарайя [26, р. 7]. Развитие проинвесторского направления приводит к конкретным предложениям о том, что при нормативном определении понятия «инвестиции» следует ориентироваться на примерные формулировки, отказавшись от закрытых списков инвестиций [27, р. 58].

Второе направление дискуссий относительно теста Салини состоит в том, что его идеология направлена прежде всего на защиту прав инвестора. Права публичных субъектов, которые выступают в качестве реципиентов инвестиций, оказываются на вторых ролях [29]. Например, не равен статус инвесторов и реципиентов при инициировании разбирательства [30, с. 345; 31, с. 480]. Защита прав инвесторов становится превалирующей над интересами потребителей продуктов инвестиционной деятельно-

сти [32, р. 573]. Это не может не вызывать неудовлетворенности государств, сталкивающихся с диспаритетом в их правах по сравнению с инвесторами. Между тем общественно значимые интересы, такие как права человека, экологические вопросы, трудовые права, зачастую требуют расширения возможностей публичных субъектов, участвующих в процедурах арбитражных разбирательств. Тренд, характеризовавший развитие инвестиционного права в период после принятия Конвенции и состоящий в нарастании гарантий инвестору за счет прав государств-реципиентов, должен смениться. При этом эволюция практики возможна и за счет корректировки теста Салини, используемого при квалификации инвестиции в арбитражных разбирательствах.

Третье направление развития дискуссий, связанных с применением теста Салини, касается соотношения инвестиционной и коммерческой деятельности. При разработке Конвенции ее авторы поставили своей целью изъять из сферы компетенции МЦУИС коммерческие сделки [33, р. 117]. Однако такая постановка проблемы не исключила споров о соотношении коммерческих и инвестиционных сделок. Следует отметить, что в этих дискуссиях также есть различные аспекты. Например, насколько справедливо утверждение о том, что любая коммерческая деятельность представляет собой инвестиционную деятельность? Или, напротив, является ли всякая инвестиционная деятельность коммерческой? Или мы должны принципиально противопоставлять коммерческую и инвестиционную деятельность, что оказывается существенным для определения юрисдикции инвестиционного арбитража? Лакмусовыми бумажками противоречивых подходов в этой области стали дела против среднеазиатских государств: *Romak S.A.* против Республики Узбекистан¹⁵ и *Petrobart Ltd* против Кыргызской Республики¹⁶, – а также в деле *Joy Mining Machinery Limited* против Арабской Республики Египет¹⁷.

Так, по делу *Romak S.A.* против Республики Узбекистан Постоянная палата третейского суда в Гааге, рассмотрев иск швейцарской компании, пришла

¹⁴ *Álvarez y Marin Corporación S.A., Bartu van Noordenne, Cornelis Willem van Noordenne, Estudios Tributarios AP S.A., Stichting Administratiekantoor Anbadi v. Republica de Panama*. ICSID Case No. ARB/15/14. Award of 12 October 2018.

¹⁵ *Romak S.A. v. The Republic of Uzbekistan*. PCA Case No. AA280, Award, November 26, 2009. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0716.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁶ *Petrobart Ltd v. Kyrgyz Republic*. SCC Case N 126/2003, Arbitral Award, March 29, 2005. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0628.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁷ *Joy Mining Machinery Limited v. The Arab Republic of Egypt*. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0716.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

к выводу, что простая поставка зерна со стороны истца не является инвестицией¹⁸.

Прямо противоположный подход был продемонстрирован в деле *Petrobart Ltd* против Кыргызской Республики. Арбитраж подошел к понятию инвестиций весьма широко, распространив на коммерческие отношения режим инвестирования. Спор, рассмотренный арбитражем, вытекал из договора купли-продажи газовых конденсатов. Поскольку компания-поставщик из Гибралтара не получила оплату по выставленным счетам, она обратилась с иском в арбитраж. Выводы арбитров основаны на том, что право истца на оплату товара в соответствии с договором является таким активом, который подпадает под понятие инвестиций, сформулированное в ДЭХ. С содержательной стороны, такая инвестиция представляет собой заключение договора купли-продажи, который подпадает под действие ст. 1 п. 6f ДЭХ [34, с. 40].

В деле *Joy Mining Machinery Limited* против Арабской Республики Египет арбитраж признал инвестицией коммерческую сделку по поставке оборудования для проекта по добыче фосфата, что также стало примером отождествления инвестиционной и коммерческой деятельности.

Четвертое направление дискуссий сосредоточено вокруг вопроса, носит ли понятие инвестиций объективный или субъективный характер. Этот вопрос имеет принципиальный характер. В зависимости от ответа на него следуют выводы о возможности арбитража устанавливать собственную юрисдикцию, опираясь на то, как определены инвестиции в договоре между сторонами. Как это часто бывает в условиях существенной неопределенности, юристы раскололись на два диаметрально противоположных лагеря.

Сторонники субъективного подхода говорят о том, что следует исходить из того значения, которое придают ему инвесторы и реципиенты инвестиций, заключая инвестиционный договор. Арбитры, по

мнению сторонников этого подхода, связаны субъективно сформированным установлением [35, р. 332].

Их оппоненты утверждают, что понятие «инвестиции» носит объективный характер, что дает арбитрам возможность расширительного его толкования [36, р. 305; 37, р. 267]. Именно эта тенденция находит всё большее признание со стороны как академических правоведов, так и практикующих юристов.

5. Заключение

Значение теста Салини состоит в том, что с его помощью удастся в определенной мере заполнять лакуны в регулировании инвестиционной деятельности. Более того, даже то обстоятельство, что дискуссии вокруг теста Салини не только не прекращаются, но и развиваются, свидетельствует о том существенном влиянии, которое они оказывают на практику, складывающуюся в отношении инвестиционных споров. Истекшие два десятилетия существования теста Салини являются индикатором того, что это дело стало флагманом инвестиционного арбитража. Даже в тех арбитражных решениях, которые отвергают эту концепцию, исследование понятия инвестиций начинается с анализа теста Салини, который таким образом становится магической доминантой, вокруг которой концентрируются теории международного инвестиционного права. Появление теста Салини как концепции, на основе которой арбитраж должен сформулировать понятие инвестиций в конкретном споре, стало своего рода реакцией на невозможность на конвенциональном уровне предложить удовлетворяющую всех участников международной инвестиционной деятельности дефиницию.

Несмотря на все дискуссии вокруг теста Салини, в целом признаётся его позитивное воздействие на правоприменительную практику и уверенность инвесторов в предсказуемости защиты их прав в случае конфликта с государством, принимающим инвестиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкина Е. Некоторые аспекты квалификации понятия инвестиций: критика Салини теста / Е. Бабкина, Е. Трахалина // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 3–4. – С. 3–9.
2. Dolzer R. Principles of International Investment Law / R. Dolzer, U. Kriebaum, C. Schreuer. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2022. – 560 p.

¹⁸ Romak S.A. v. The Republic of Uzbekistan. PCA Case No. AA280.

3. Gaillard E. Identify of Define? Reflections on the Evolution of the Concept of Investment in ICSID Practice / E. Gaillard // *International Investment Law for the 21st Century : Essays in Honour of Christoph Schreuer* / eds. C. Binder, U. Kriebaum, A. Reinisch, S. Wittich. – Oxford : Oxford Academic, 2009. – P. 403–416. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199571345.003.0022.
4. García-Bolívar O. E. Economic development at the core of the international investment regime / O. E. García-Bolívar // *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration* / ed. by C. Brown, K. Miles. – Cambridge, 2011. – P. 586–605.
5. Grabowski A. The Definition of Investment under the ICSID Convention: a Defense of Salini / A. Grabowski // *Chicago Journal of International Law*. – 2014. – Vol. 15, no. 1. – P. 287–309.
6. Schreuer Ch. The ICSID Convention : A Commentary / Ch. Schreuer, L. Malintoppi, A. Reinisch, A. Sinclair. – 2nd ed. – Cambridge, 2009. – 1596 p.
7. Schreuer's Commentary on the ICSID Convention : A Commentary on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States / ed. by S. Schill, L. Malintoppi, A. Reinisch, C. Schreuer, A. Sinclair. – 3rd ed. – Cambridge, 2022. – CXC, 2026 p. – DOI: 10.1017/9781316516584.
8. Mortenson J. D. The Meaning of «Investment»: ICSID's Travaux and the Domain of International Investment Law / J. D. Mortenson // *Harvard International Law Journal*. – 2010. – Vol. 51, no. 1. – P. 257–318.
9. Schreuer C. Commentary on the ICSID Convention, ICSID Review / C. Schreuer // *Foreign Investment Law Journal*. – 1996. – Vol. 11, iss. 2. – P. 318–492. – DOI: 10.1093/icsidreview/11.2.318.
10. Schreuer C. Decisions Ex Aequo et Bono Under the ICSID Convention / C. Schreuer // *ICSID Review - Foreign Investment Law Journal*. – 1996. – Vol. 11, iss. 1. – P. 37–63. – DOI: 10.1093/icsidreview/11.1.37.
11. Schreuer C. The ICSID Convention : A Commentary / C. Schreuer. – Cambridge, 2001. – 1466 p.
12. Ануров В. Н. Компетенция третейского суда : в 3 т. / В. Н. Ануров. – М., 2022. – Т. 2 : Инвестиционные споры. – 352 с.
13. Ануров В. Н. Понятие «инвестиция» / В. Н. Ануров // *Третейский суд*. – 2016. – № 2–3. – С. 125–141.
14. Ануров В. Н. Международный инвестиционный арбитраж: вопросы компетенции / В. Н. Ануров. – М., 2019. – 208 с. – DOI: 10.31085/9785392305483-2019-208.
15. Попов Е. В. Разрешение международных инвестиционных споров / Е. В. Попов. – М., 2018. – 305 с.
16. Рачков И.В. Отмена решений международных инвестиционных арбитражей государственными судами по месту арбитража (на примере саги о ЮКОСе): шоу продолжается? / И. В. Рачков // *Международное правосудие*. – 2020. – № 1. – С. 107–124.
17. Lauterpacht E. Christoph Schreuer: An Appreciation / E. Lauterpacht // *International Investment Law for the 21st Century: Essays in Honour of Christoph Schreuer* / eds. C. Binder, U. Kriebaum, A. Reinisch, S. Wittich. – Oxford : Oxford Academic, 2009. – P. 3. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199571345.003.0001.
18. Вознесенская Н. Н. Иностранные инвестиции: Россия и мировой опыт / Н. Н. Вознесенская. – М., 2002. – 220 с.
19. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс / Г. М. Вельяминов. – М., 2004. – 496 с.
20. Викторова Н. Н. Проблемы квалификации понятия «иностранная инвестиция» в международном частном праве / Н. Н. Викторова // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2016. – № 12. – С. 33–43.
21. Карро Д. Международное экономическое право / Д. Карро, П. Жюйар – М., 2002 – 583 с.
22. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс / И. З. Фархутдинов. – М., 2015. – 416 с.
23. Доронина Н. Г. Международное частное право и инвестиции / Н. Г. Доронина, Н. Г. Семилютина. – М., 2012. – 272 с.
24. Vadi V. Cultural Heritage in International Investment Law and Arbitration / V. Vadi. – Cambridge, 2014. – 344 p. – DOI: 10.1017/CBO978113982598.
25. Douglas Z. The Enforcement of Environmental Norms in Investment Treaty Arbitration / Z. Douglas // *Harnessing Foreign Investment to Promote Environmental Protection: Incentives and Safeguards* / eds. P.-M. Dupuy, J. E. Viñuales. – Cambridge, 2013. – P. 415–444. – DOI: 10.1017/CBO9781139344289.019.
26. Sornarajah M. The international law on foreign investment / M. Sornarajah. – 2nd ed. – Cambridge, 2004. – 525 p. – DOI: 10.1017/CBO9780511617027.

27. Subedi S. *International Investment Law: Reconciling Policy and Principle* / S. Subedi. – Oxford ; Portland, 2008. – 244 p.
28. Mbengue M. *Evolutionary Interpretation in Investment Arbitration: About a Judicial Taboo* / M. Mbengue, G. Florou // *Evolutionary Interpretation and International Law* / eds. G. Abi-Saab, K. Keith, G. Marceau, C. Marquet. – Hart, 2019. – P. 253–266.
29. García-Bolívar O. E. The surge of investment disputes: Latin America testing the international law of foreign investments / O. E. García-Bolívar // *The Second Biennial General Conference Of the Asian Society of International Law*. – Tokyo, Japan, August 1-2, 2009. – URL: <http://asiansil-jp.org/wp/wp-content/uploads/2012/07/garcia-bolivar.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).
30. Бурова Е. С. Инвестиционный арбитраж как двусторонняя дорога: встречные иски государств к иностранным инвесторам в свете последней практики и нового поколения международных инвестиционных договоров / Е. С. Бурова // *Новые горизонты международного арбитража* : сб. ст. – М. : Рос. ин-т совр. арбитража, 2020. – Вып. 6 / под науч. ред. А. В. Асоснова, А. Н. Жильцова, Р. М. Ходыкина. – С. 344–379.
31. Гребельский А. В. Конец эпохи? Судьба инвестиционного арбитража в свете попыток создания системы создания Инвестиционного суда ЕС / А. В. Гребельский // В.А. Кабатов, С.Н. Лебедев: In Memoriam : сб. воспоминаний, ст., иных материалов / науч. ред. и сост. А. И. Муранов. – 2-е изд., доп. – М. : Статут, 2017. – С. 476–502.
32. Simma B. *Foreign Investment Arbitration: A Place for Human Rights?* / B. Simma // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2011. – Vol. 60, iss. 3. – P. 573–596. – DOI: 10.1017/S0020589311000224.
33. *History of the ICSID Convention: Documents Concerning the Origin and the Formulation of the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States* : in 4 volumes. – Washington, DC : ICSID, 2009. – Vol. 2, Pt. 1. – 645 p.
34. Белоглазев А. И. *Международно-правовая защита инвестиций в области энергетики* / А. И. Белоглазев. – Киев, 2011. – 396 с.
35. Wordsworth S. *Investment Arbitration: Mass Claims* / S. Wordsworth // *World Arbitration and Mediation Review*. – 2014. – № 8. – P. 328–340.
36. Cole T. *Power-Confering Treaties: The Meaning of ‘Investment’ in the ICSID Convention* / T. Cole, A. Vaksha // *Leiden Journal of International Law*. – 2011. – Vol. 24, no. 2. – P. 305–330.
37. Sattorova M. *Defining Investment Under the ICSID Convention and BITs: Of Ordinary Meaning, Telos, and Beyond* / M. Sattorova // *Asian Journal of International Law*. – 2012. – № 2. – P. 267–290. – DOI: 10.1017/S2044251312000112.

REFERENCES

1. Babkina E., Trakhalina L. Some Issues of Qualifying the Notion of Investment: Criticism of the Salini Test. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenii = Journal of International Law and International Relations*, 2017, no. 3–4, pp. 3–9. (In Russ.).
2. Dolzer R., Kriebaum U., Schreuer C. *Principles of International Investment Law*, 3rd ed. Oxford University Press, 2022. 560 p.
3. Gaillard E. Identify or Define? Reflections on the Evolution of the Concept of Investment in ICSID Practice, in: Binder C., Kriebaum U., Reinisch A., Wittich S. (eds.). *International Investment Law for the 21st Century*, Essays in Honour of Christoph Schreuer, Oxford, Oxford Academic Publ., 2009, pp. 403–416. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199571345.003.0022.
4. García-Bolívar O.E. Economic development at the core of the international investment regime, in: Brown C., Miles K. (eds.). *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration*, Cambridge, 2011, pp. 586–605.
5. Grabowski A. The Definition of Investment under the ICSID Convention: a Defense of Salini. *Chicago Journal of International Law*, 2014, vol. 15, no. 1, pp. 287–309.
6. Schreuer Ch., Malintoppi L., Reinisch A., Sinclair A. *The ICSID Convention*, A Commentary, 2nd ed. Cambridge, 2009. 1596 p.

7. Schill S., Malintoppi L., Reinisch A., Schreuer C., Sinclair A. (eds.). *Schreuer's Commentary on the ICSID Convention*, A Commentary on the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States, 3rd ed. Cambridge, 2022. CXC + 2026 p. DOI: 10.1017/9781316516584.
8. Mortenson J.D. The Meaning of «Investment»: ICSID's Travaux and the Domain of International Investment Law. *Harvard International Law Journal*, 2010, vol. 51, no. 1, pp. 257–318.
9. Schreuer C. Commentary on the ICSID Convention, ICSID Review. *Foreign Investment Law Journal*, 1996, vol. 11, iss. 2, pp. 318–492. DOI: 10.1093/icsidreview/11.2.318.
10. Schreuer C. Decisions Ex Aequo et Bono Under the ICSID Convention. *ICSID Review - Foreign Investment Law Journal*, 1996, vol. 11, iss. 1, pp. 37–63. DOI: 10.1093/icsidreview/11.1.37.
11. Schreuer C. *The ICSID Convention*, A Commentary. Cambridge, 2001. 1466 p.
12. Anurov V.N. *Competence of the arbitration court*, in 3 volumes. Moscow, 2022. Vol. 2: Investment disputes. 352 p. (In Russ.).
13. Anurov V.N. Definition "investment". *Treteiskii sud = Arbitration*, 2016, no. 2–3, pp. 125–141. (In Russ.).
14. Anurov V.N. *International investment Arbitration: issues of competence*. Moscow, 2019. 208 p. DOI: 10.31085/9785392305483-2019-208. (In Russ.).
15. Popov E.V. *Resolution of international investment disputes*. Moscow, 2018. 305 p. (In Russ.).
16. Rachkov I. Setting aside international investment arbitration awards by state courts at the seat of arbitration (inspired by the Yukos saga): show must go on?. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, no. 1, pp. 107–124. (In Russ.).
17. Lauterpacht E. Christoph Schreuer: An Appreciation, in: Binder C., Kriebaum U., Reinisch A., Wittich S. (eds.). *International Investment Law for the 21st Century*, Essays in Honour of Christoph Schreuer, Oxford, Oxford Academic Publ., 2009, p. 3. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199571345.003.0001.
18. Voznesenskaya N.N. *Foreign investments: Russia and world experience*. Moscow, 2002. 220 p. (In Russ.).
19. Vel'yaminov G.M. *International economic law and process*. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).
20. Viktorova N.N. The problems concerning the interpretation of the term "investment" in private international law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 12, pp. 33–43. (In Russ.).
21. Carreau D., Jaillard P. *International Economic law*. Moscow, 2002. 583 p. (In Russ.).
22. Farkhutdinov I.Z. *International investment law and process*. Moscow, 2015. 416 p.
23. Doronina N.G., Semilyutina N.G. *International private law and investments*. Moscow, 2012. 272 p. (In Russ.).
24. Vadi V. *Cultural Heritage in International Investment Law and Arbitration*. Cambridge, 2014. 344 p. DOI: 10.1017/CBO978113982598.
25. Douglas Z. The Enforcement of Environmental Norms in Investment Treaty Arbitration, in: Dupuy P.-M., Viñuales J.E. (eds.). *Harnessing Foreign Investment to Promote Environmental Protection: Incentives and Safeguards*, Cambridge, 2013, pp. 415–444. DOI: 10.1017/CBO9781139344289.019.
26. Sornarajah M. *The international law on foreign investment*, 2nd ed. Cambridge, 2004. 525 p. DOI: 10.1017/CBO9780511617027.
27. Subedi S. *International Investment Law: Reconciling Policy and Principle*. Oxford, Portland, 2008. 244 p.
28. Mbengue M., Florou G. Evolutionary Interpretation in Investment Arbitration: About a Judicial Taboo, in: Abi-Saab G., Keith K., Marceau G., Marquet C. (eds.). *Evolutionary Interpretation and International Law*, Hart, 2019, pp. 253–266.
29. García-Bolívar O.E. The surge of investment disputes: Latin America testing the international law of foreign investments, in: *The Second Biennial General Conference Of the Asian Society of International Law*, Tokyo, Japan, August 1-2, 2009, available at: <http://asiansil-jp.org/wp/wp-content/uploads/2012/07/garcia-bolivar.pdf> (accessed: May 30, 2023).
30. Burova E. Investment Arbitration as a Two-Line Highway: Counterclaims by States against Investors in Light of the Recent Arbitral Practice and New Generation Investment Treaties, in: Asoskov A.V., Zhiltsov A.N., Kho-dykin R.M. (eds.). *Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha*, Collection of Articles, iss. 6, Moscow, Russian Institute of Modern Arbitration publ., 2020, pp. 344–379. (In Russ.).
31. Grebelskiy A.V. End of an Epoch? The Fate of Investment Arbitration in Light of Attempts to Establish the System of an Investment Court of the EU, in: Muranov A.I. (ed. & comp.). *V.A. Kabatov, S.N. Lebedev: In Memoriam*, Recollections, Articles, Other Materials, 2nd ed., Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 476–502. (In Russ.).

32. Simma B. Foreign Investment Arbitration: A Place for Human Rights?. *International and Comparative Law Quarterly*, 2011, vol. 60, iss. 3, pp. 573–596. DOI: 10.1017/S0020589311000224.

33. *History of the ICSID Convention: Documents concerning the Origin and Formulation of the Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Citizens of Other States*, in 4 vol. Washington, DC, ICSID Publ., 2009. Vol. 2, pt. 1. 645 p.

34. Beloglavek A.I. *International legal protection of investments in the electric power industry*. Kyiv, 2011. 396 p. (In Russ.).

35. Wordsworth S., Investment Arbitration: Mass Claims. *World Arbitration and Mediation Review*, 2014, no. 8, pp. 328–340.

36. Cole T., Vaksha A. Power-Confering Treaties: The Meaning of ‘Investment’ in the ICSID Convention. *Leiden Journal of International Law*, 2011, vol. 24, no. 2, pp. 305–330.

37. Sattorova M. Defining Investment Under the ICSID Convention and BITs: Of Ordinary Meaning, Telos, and Beyond. *Asian Journal of International Law*, 2012, no. 2, pp. 267–290. DOI: 10.1017/S2044251312000112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скворцов Олег Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургский государственный университет
199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В. О., 7
E-mail: oleg.skvortsov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9697-5264
ResearcherID: K-3098-2013
Scopus AuthorID: 57202982833
SPIN-код РИНЦ: 8942-9453

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg Yu. Skvortsov – Doctor of Law, Professor, Department of Commercial Law
St. Petersburg University
7, 22-ya liniya V. O., St. Petersburg, 199106, Russia
E-mail: oleg.skvortsov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9697-5264
ResearcherID: K-3098-2013
Scopus AuthorID: 57202982833
RSCI SPIN-code: 8942-9453

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Скворцов О.Ю. Тест Салини (Salini test): история и тенденции практики правоприменения / О.Ю. Скворцов // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 139–148. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).139-148.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Skvortsov O.Yu. Salini test: history and trends of law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 139–148. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).139-148. (In Russ.).

РЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ОТ 31 ЯНВАРЯ 2024 г. ПО СУЩЕСТВУ СПОРА УКРАИНЫ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.А. Киселева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

05 апреля 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2024 г.

Ключевые слова

Международный Суд ООН,
решение по существу спора,
международное правосудие,
конвенция, финансирование
терроризма, расовая
дискриминация, средства,
Украина, Российская Федерация

Представлен анализ одного из самых ожидаемых и неожиданных для многих решений Международного Суда Организации Объединенных Наций от 31 января 2024 г. по делу Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Данное решение является неоднозначным событием, которое требует многофакторного анализа. Позиции Суда в исследованном акте позволяют делать выводы не только по вопросам самого спора, по существу которого он вынесен, но и в поддержку жизнеспособности институтов международного правосудия. Международный Суд предпочел воздержаться от оценок весьма спорных фактов конфликта в Украине, а остался на позиции исключительно правовой оценки подлежащих исследованию по существу заявленного спора требований. Цели, поставленные перед истцом в данном процессе еще как минимум в 2014 г. (в ходе начала подготовки искового заявления по данному делу), не достигнуты.

JUDGMENT ON THE MERITS OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE OF JANUARY 31, 2024, CASE UKRAINE VS RUSSIAN FEDERATION

Olga A. Kiseleva

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 March 01

Accepted –

2024 April 05

Available online –

2024 June 20

Keywords

The International Court of Justice,
judgment on the merits,
international justice, convention,
financing of terrorism, racial
discrimination, funds, Ukraine,
Russian Federation

The subject. The number of authors who consistently try in their works to “bury” international justice, as well as international law itself, behind the ideas of politicization, bias and unenforceability, has grown significantly today. The political and legal developments of modern international law should still be assessed comprehensively and in detail. First of all, legal events are the is Judgment on the merits of the International Court of Justice of January 31, 2024, case of Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine vs. Russian Federation).

Materials and methods. This research carried out a scientific analysis of the Judgment on the merits of the ICJ dated January 31, 2024. The subject of the study also included other law enforcement acts of the International Court of Justice in this case and in other cases, as well as normative acts of international law.

Discussion. The judgment on the merits of the UN International Court of Justice dated January 31, 2024 was one of the most expected and unexpected for many. It is an ambiguous event that requires multifactor analysis. The author analyzed the procedure for considering this dispute, the stated subject and basis of the dispute in conjunction with the decisions of the Court itself on jurisdiction, and assessed the adopted final decisions on the merits of the dispute. It is safe to say that for Russia this decision of the Court is in many ways positive. The positions of the Court in the examined act allow us to draw conclusions not only on the issues of the dispute itself, on the merits of which it was decided, but also regarding the advisability of preserving international justice, which has shown viability and independence. The main results and conclusions. The author analyzes the case review process, the subject of the dispute, which was declared by the applicant and actually considered by the Court, in conjunction with the judgments of the Court on the issue of jurisdiction, and the author gave a legal assessment of the final judgment on the merits of the case. It is safe to say that

this Court's judgment has a positive meaning in many aspects for Russian Federation. The positions of the Court in the act examined allow us to draw conclusions not only on the issues of the case itself, on the merits of which it was rendered, but also on the expediency of preserving international justice, which has shown viability and independence. In addition, the International Court limited itself to proving Russia's guilt in only two minor episodes of international legal violations of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism of 1999 and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 1965. The Court avoided from orders for damages.

1. Введение

Решение Международного Суда ООН (далее – МС ООН, Суд) от 31 января 2024 г. по делу *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*¹ примечательно тем, что к нему сразу в нескольких аспектах можно смело применить слово «впервые». Так, это решение стало первым за всю историю МС ООН и современной России решением по существу спора, где ответчиком выступала Российская Федерация. Кроме того, это решение ознаменовало собой окончание одного из ключевых этапов идущего с 2014 г. международно-правового противостояния Украины и России, в которое оказались вовлечены практически все доступные Украине международные суды и арбитражи. Это противостояние уже вызвало заметный интерес со стороны специалистов в области международного правосудия, получив название *Lawfare* (об этом см.: [1–4]), что можно перевести как использование государством судебно-правовых средств для достижения военных и политических целей в идущем конфликте. Помимо Украины эта стратегия была эффективно использована Катаром, который, буквально завалив исками коалицию арабских государств, применивших к нему санкции, заставил их пойти на попятную и заключить с ним мировое соглашение (об этом см.: [5]).

2. Фактические обстоятельства дела

В январе 2017 г. (спустя почти три года после начала вооруженного противостояния на юго-востоке Украины и вхождения Крыма в состав Российской Федерации) Украина обратилась с иском против России в МС ООН, заявив о нарушении ответчиком своих обя-

зательств по Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (далее – Конвенция 1999 г.) применительно к действиям России на Донбассе и по Международной конвенции о запрете всех форм расовой дискриминации 1965 г. (далее – Конвенция 1965 г.) применительно к действиям в Крыму. Оба государства являются участниками этих конвенций, при этом в обеих конвенциях предусмотрена обязательная юрисдикция МС ООН по спорам, связанным с их толкованием и применением. Сделанная еще СССР оговорка в отношении непризнания юрисдикции МС ООН по Конвенции 1965 г., была отозвана в 1990 г. указом Президента СССР М.С. Горбачева², а Конвенция 1999 г. была ратифицирована Россией без каких-либо подобных оговорок (об оговорках к международным договорам см.: [6]). Такой подход означал безотзывное согласие государства на обязательную юрисдикцию МС ООН при подаче в будущем против него любого иска от любого государства – участника этих конвенций. В литературе уже отмечено, что на сегодня подавляющее большинство споров, рассматриваемых МС ООН, переданы ему заявителями как раз на основе таких положений международных договоров (*Compromissory clauses*), несмотря на повсеместные возражения ответчиков (об этом см.: [7, с. 6]). Такое активное использование обязательной юрисдикции МС ООН (в том числе и для целей *Lawfare*) ставит под вопрос саму целесообразность включения таких положений в международные договоры (об этом см.: [8, р. 8]).

Обращает на себя внимание длительный период, предшествующий обращению в МС ООН, который обусловлен тщательной подготовкой Украины с целью избежать повторения ситуации с иском Грузии против России, поданным в 2008 г., который Суд

¹ ICJ. Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Judgment of 31 January 2024.

² Указ Президиума ВС СССР от 10 февраля 1989 г. № 10125-XI «О снятии сделанных ранее оговорок СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по спорам о толковании и применении ряда международных договоров».

отказался рассматривать из-за несоблюдения заявителем предусмотренных Конвенцией 1965 г. обязательных досудебных процедур³. В литературе уже отмечалось значение для МС ООН предусмотренных договором досудебных процедур как условия согласия государств на рассмотрение спора в МС ООН (об этом см.: [9]).

Одновременно с исковым заявлением Украина также направила в МС ООН ходатайство о принятии Судом обеспечительных мер (*provisional measures*). В своем определении от 19 апреля 2017 г. МС ООН⁴ указал на следующие обеспечительные меры. В отношении ситуации в Крыму Россия должна была (в соответствии со своими обязательствами по Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации):

(а) воздерживаться от сохранения или введения ограничений на способность крымскотатарской общины сохранять свои представительные институты, включая Меджлис⁵;

(b) обеспечить доступность образования на украинском языке.

Кроме того, обе стороны спора должны были воздерживаться от любых действий, которые могут усугубить или продлить спор в Суде или затруднить его разрешение (р. 106 определения).

При этом МС ООН отказал Украине в принятии обеспечительных мер по Конвенции 1999 г., посчитав, что отсутствует критерий возможного наличия прав, о которых говорит заявитель (*Plausibility test*). В литературе уже было отмечено, что тем самым МС ООН впервые отказал в принятии обеспечительных мер только по этому, недавно введенному им в свою практику критерию (об этом см.: [10, с. 54; 11; 12]), неопределенность которого вызывает критику в отечественной и зарубежной доктрине (об этом см.: [13; 10, с. 88–102]).

В решении от 8 ноября 2019 г., в котором МС ООН пришел к выводу о наличии юрисдикции по данному спору, он отклонил все заявленные Россией предварительные возражения (*preliminary objections*) относительно юрисдикции Суда.

3. Требования по существу спора

Требования Украины были направлены на установление Судом фактов нарушения Россией международных обязательств, вытекающих из двух указанных выше конвенций, и применение к России норм об ответственности за допущенные ей правонарушения.

Украина просила Суд вынести решение и провозгласить (*declare*):

1. Применительно к Конвенции 1999 г. установить, что Российская Федерация ответственна за нарушение ст. 8, 9, 10, 12 и 18 Конвенции («не приняла мер по предотвращению финансирования терроризма на территории Украины... не осуществила на своей территории меры по расследованию и привлечению к ответственности за финансирование терроризма в Украине... не предоставила Украине максимальную помощь в расследовании преступлений... ответственна за совершение террористических актов в Украине...» – р. 19, par. (a)–(e));

2. Применительно к Конвенции 1965 г. установить, что Российская Федерация нарушила ст. 2, 4, 6, 7 Конвенции (якобы совершенные ответчиком акты расовой дискриминации в отношении крымскотатарской и украинской общин в Крыму – «проводя политику и практику расовой дискриминации в отношении этих общин, спонсирование, защита, поддержка, подстрекательство расовой дискриминации... нарушение и ограничение в правах... необеспечение эффективными средствами правовой защиты от актов расовой дискриминации, не предприняла немедленных и эффективных мер в области преподавания и воспитания, проведения незаконного референдума, закрытие крымскотатарских СМИ...» – р. 20, par. (f)–(k)).

В качестве международной ответственности за международно-противоправные деяния, приписываемые Украиной России, заявитель требовал, чтобы Россия совершила безотлагательные действия по пресечению совершения террористических актов, включая немедленное прекращение всяческой поддержки ДНР и ЛНР и других групп и образований, вовлеченных в террористическую деятельность. Кроме этого,

³ Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation), Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011, p. 70.

⁴ ICJ. Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimi-

nation (Ukraine v. Russian Federation). Provisional Measures. Order of 19 April 2017. P. 131. Para. 75.

⁵ Меджлис крымскотатарского народа. Включен Минюстом России в перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности. – Примеч. ред.

по мнению заявителя, Россия обязана выплатить финансовую компенсацию как самой Украине за ее нарушенные права, так и *as parens patriae* ее гражданам, пострадавшим от указанных в исковом заявлении актов терроризма. Возмещению, по мнению Украины, также подлежал моральный ущерб, нанесенный заявителю, причем размер этого ущерба, равно как размер компенсаций, подлежал определению в ходе отдельного производства в МС ООН после установления судом ответственности России.

В том, что касается ответственности России за нарушения ею своих обязательств по Конвенции 1965 г., Украина просила Суд в решении по существу спора обязать Россию предпринять немедленные действия по восстановлению прав украинской и крымскотатарской общин, включая восстановление деятельности Меджлиса, а также выплатить финансовую компенсацию как самой Украине за ее нарушенные права, так и *as parens patriae* ее гражданам, пострадавшим от указанных действий. Аналогичным образом конкретный размер ущерба также подлежал определению в ходе отдельного производства в МС ООН.

Отдельно в исковом заявлении Украины выделялось требование о привлечении России к ответственности за неисполнение Россией определения МС ООН 2017 г. об обеспечительных мерах и вытекающего из этого требование о возмещении ею материального и морального ущерба Украине и ее пострадавшим от такого неисполнения гражданам Украины.

4. Предметная сфера рассмотрения спора

Очевидно, что Украина, заявляя требования одновременно по двум конвенциям, по сути не пересекающимся в процессе доказывания, преследовала более глобальные цели, объединенные исключительно украинской оценкой деятельности России в отношении присоединения Крымского полуострова и политики России в отношении ДНР и ЛНР, существовавших на момент обращения с заявлением в Суд в 2017 г.

Судя по всему, основной целью было получение от МС ООН правовых оценок, которые в последующем можно было бы использовать для усиления своей правовой аргументации в других органах международного правосудия, а также нанести России максимальный репутационный ущерб. Такое явление в литературе получило название *disaggregation of disputes* (об этом см.: [14]). В этой связи особо следует отметить требование Украины вынести решение

и провозгласить, что в результате нарушений Российской Федерацией Конвенции 1999 г. финансируемым ею лицам были предоставлены средства, которые позволили им совершить многочисленные террористические акты (к таким Украина отнесла помимо прочего, крушение рейса МН17, обстрелы Волно-вахи, Мариуполя, Краматорска и Авдеевки).

МС ООН для начала, с неким облегчением, отметил, что заявитель не просит Суд принять решение в отношении правомерности якобы совершенных Россией агрессии (*alleged “aggression”*) и незаконной оккупации (*alleged “unlawful occupation”*), равно как и определить статус Крыма по международному праву (par. 30).

Суд постарался конкретизировать пределы своей юрисдикции по рассмотрению данного спора. В отношении Конвенции 1999 г. это было сделано в par. 74 решения, где суд отметил, что и основной вопрос, стоящий перед Судом, заключается в том, нарушил ли Ответчик свои обязательства по Конвенции 1999 г. принимать меры для предотвращения и пресечения финансирования терроризма и сотрудничества в этом. При этом Суд заявил, что он считает необходимым рассмотреть заявления Украины о якобы совершенных Россией преступлениях, связанных с финансированием терроризма, только в той мере, в какой это необходимо для урегулирования претензий Украины в рамках Конвенции 1999 г. Для этого Суд достаточно твердо пресек попытку Украины дать расширительное толкование термину «средства» (*funds*), приведенному в ст. 1 Конвенции. Украина полагала, что этот термин включает в себя также и поставку вооружений, что вызвало категорическое несогласие Суда. С опорой на подготовительные материалы, а также толкуя этот термин в свете объекта и целей Конвенции, Суд посчитал, что Конвенция говорит только о денежных и финансовых средствах, но не о поставках оружия (par. 53).

Исходя из этого, по мнению Суда, нет необходимости оценивать предполагаемые многочисленные террористические акты, совершение которых ДНР, ЛНР и другими группами было возможным, по мнению Украины, исключительно за счет поставок Россией оружия или других средств, используемых для совершения таких деяний. То есть правовая квалификация самих действий в рамках заявленного предмета не входит в компетенцию Суда в рамках данного спора. Такой сдержанный подход Суда, очевидно, серьезным образом расходится с ожиданиями Украины.

В отношении Конвенции 1965 г. в par. 156 решения от 31 января 2024 г. МС ООН повторил вывод, сделанный еще в решении о юрисдикции 2019 г. (п. 131), что он рассмотрит на стадии рассмотрения дела по существу «вопрос о том, действительно ли Российская Федерация участвовала в кампании расовой дискриминации, о которой заявляет Украина, нарушая таким образом свои обязательства» по Конвенции 1965 г.

Показательным можно также назвать максимальный уход Суда от политизированных заявлений в тексте решения по существу спора. В частности, рассматривая вопрос о распространенности образования на украинском языке в Крыму (по этому эпизоду факт нарушения международных обязательств со стороны России был признан Судом), во внимание были приняты данные, изложенные в докладе Верховного комиссара по правам человека (par. 358)⁶. Из текста решения заметно, что МС ООН констатирует осуществление Россией полного контроля над системой государственных школ в Крыму, в частности над языком обучения и условиями его использования родителями и детьми, но при этом воздерживается от квалификации правовых оснований такого контроля (вхождение в состав Российской Федерации – в соответствии с правовой позицией России или оккупация – в соответствии с правовой позицией Украины).

5. Итоги рассмотрения дела Украина vs Российская Федерация по существу спора

МС ООН применительно к каждой конвенции и каждому из заявленных эпизодов вменяемых международно-противоправных деяний проанализировал объем представленных доказательств через призму своей предметной юрисдикции (*ratio materiae*).

В результате большинство эпизодов в том виде, в котором они были заявлены Украиной и вменялись ею России, оказались либо не установленными (*not established*), либо не доказанными заявителем.

Суд констатировал только два нарушения Российской Федерацией норм конвенций (по одному эпизоду на каждую конвенцию).

В частности, Суд установил, что Россия нарушила свои обязательства по Конвенции 1999 г., согласно которой государство-участник обязано провести тщательное расследование полученной инфор-

мации о предполагаемом финансировании терроризма, совершенном лицом, находящимся на его территории, предполагаемых фактов.

Суд отметил, что от России «требовалось стремиться к сотрудничеству с Украиной для проведения необходимых расследований и указать Украине, какая дополнительная информация могла потребоваться» (par. 111). Относительно возражений российской стороны о недостаточности предоставленных Украиной данных для расследования преступлений (par. 101), Суд указал на низкий порог доказываемости для возникновения обязательства России расследовать факты предполагаемого преступления, связанного с финансированием терроризма («The threshold set by Article 9, paragraph 1, is relatively low» – par. 103).

Второе нарушение было констатировано Судом в отношении обязательств России по п. 1(а) ст. 2 и ст. 5(е)(v) Конвенции 1965 г., а именно в отношении «способа, которым она внедрила свою систему образования в Крыму после 2014 г. применительно к украинскому языку».

В обоснование своей позиции по данному вопросу МС ООН указал на отсутствие со стороны России «убедительного объяснения внезапным и радикальным изменениям в использовании украинского языка в качестве языка обучения, которые оказывают неодинаковое негативное воздействие на права этнических украинцев» (par. 360).

В отношении международно-правовой ответственности России за установленные Судом нарушения, Суд посчитал, что для этих целей будет достаточным одного факта декларирования им в своем решении по существу спора этих нарушений, и поэтому он не видит необходимости указывать на иные способы ответственности России, включая возмещение ею материального и морального ущерба. Иными словами, МС ООН посчитал достаточным в данном деле ограничиться лишь установлением в своем итоговом решении фактов нарушения Россией своих обязательств.

Отдельно следует отметить вывод МС ООН о том, что запрет Россией деятельности Меджлиса не связан с этническим происхождением его членов, что позволило бы квалифицировать соответствующий запрет как нарушение Конвенции 1965 г. (par. 272). Основываясь на доказательствах, пред-

⁶ OHCHR report, Situation of human rights in the temporarily occupied Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Ukraine) (22 February 2014 to 12 September 2017),

UN doc. A/HRC/36/CRP.3 (25 Sept. 2017). URL: <https://digital-library.un.org/record/1305326>.

ставленных Россией, Суд пришел к выводу, что введенный Россией запрет Меджлиса был вызван именно политической деятельностью его членов (par. 271). Этот вывод Суда резко расходится с его же адресованным России требованием из Определения 2017 г. об обеспечительных мерах принять меры по возобновлению деятельности Меджлиса. Очевидно, понимая, что Суд в 2017 г. поторопился с некоторыми оценками по сравнению с его же выводами в решении 2024 г. по существу спора, МС ООН в той части решения по существу, где рассматривались требования Украины о возмещении ущерба, вызванного неисполнением обеспечительных мер Суда, также ограничился лишь фактом признания с его стороны фактов нарушения Россией таких мер, как снятие запрета на деятельность Меджлиса и недопущение усугубления спора (par. 401–403). В этом смысле сработал принцип правовой определенности в части обеспечение законных ожиданий ответчика (об этом см.: [15, с. 175]), в отношении которого были приняты поспешные и неоправданные обеспечительные меры.

Кроме того, стоит отметить смену команды, представляющей интересы России в этом процессе. На этапе установления юрисдикции МС ООН в этом споре ведущую роль играла команда западных юристов по главе с видным юристом-международником **Аленом Пелле** (Франция). Из решения Международного Суда 2024 г. уже выстраивается иная картина, здесь российскую команду возглавляет **Геннадий Кузьмин**, посол по особым поручениям МИД РФ, а в состав команды входят юристы-международники из Китая и Ирана. Судя по всему, это не случайный выбор, особенно в части Ирана. Стоит отметить, что именно Иран убедительно показывает, как можно эффективно использовать обращения в МС ООН для защиты своих национальных интересов, что уже стало предметом отдельного рассмотрения в литературе (об этом см.: [16; 17]).

6. Выводы

Рассмотренное решение МС ООН от 31 января 2024 г. является без сомнения победой Российской Федерации. Победа не только в процессуальной части, когда фактически Суд предпочел воздержаться от оценок весьма спорных фактов конфликта на

Украине, а остался на позиции исключительно правовой оценки подлежащих исследованию по существу заявленного спора требований. Помимо этого, очевидна также победа в части материальной составляющей решения – Суд ограничился доказанностью двух незначительных эпизодов международно-правовых нарушений со стороны России, уклонившись от формулирования предписаний о возмещении Россией ущерба.

Очевидно, что Украина, используя при этом очень своеобразное толкование норм международного права, рассчитывала на авторитет МС ООН и установление им ряда фактов, которые могли бы стать для нее отправной точкой о для попыток привлечь Россию к ответственности. МС ООН воздержался от подобной интерпретации происходящих событий.

Суд предпочел исходить из очень сдержанного толкования своей предметной компетенции по этому спору, основанному, как уже было указано выше, на положениях обеих конвенций об обязательной юрисдикции МС ООН по спорам о толковании и применении этих международных договоров. Суд остался строго в рамках этих конвенций и не рискнул применять другие нормы международного права. Однако в литературе уже отмечено отсутствие стабильности и последовательности со стороны МС ООН в этих вопросах, и что Суд часто использует такую неопределенность в инструментальных целях (об этом см.: [7]). Когда он считает для себя возможным, он готов выйти за рамки применяемых международных договоров, как это было в деле *Oil Platforms (Iran v. United States of America)*⁷, где Суд значительную часть решения посвятил вопросам применения силы и самообороны (об этом см.: [18; 19]). С другой стороны, эта неопределенность помогает Суду уклониться от рассмотрения острых вопросов, заявив что эти вопросы находятся за рамками применяемого им в данном споре международного договора (как это было в деле о некоторых иранских активах (Иран против США), где суд не стал давать оценки соответствия нормативных актов США по обращению взыскания на активы ЦБ Ирана современным нормам об иммунитетах государств; об этом см.: [20]).

⁷ ICJ. Case concerning Oil Platforms (Iran v United States of America) Judgment of 6 Nov. 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Goldenziel J. An Alternative to Zombieg: Lawfare Between Russian and Ukraine and the Future of International Law / J. Goldenziel // *Cornell Law Review*. – 2023. – Vol. 108, iss. 1. – P. 1–14.
2. Goldenziel J. Law as a Battlefield: The U.S., China, and the Global Escalation of Lawfare / J. Goldenziel // *Cornell Law Review*. – 2020. – Vol. 106, iss. 5 – P. 1085–1171.
3. dos Reis F. Moving “red lines”: The Russian–Ukrainian war and the pragmatic (mis-)use of international law / F. dos Reis, J. Grzybowski // *Global Constitutionalism*. – Published online August 10, 2023. – P. 1–23.
4. Tropin Z. Lawfare as part of hybrid wars: The experience of Ukraine in conflict with Russian Federation / Z. Tropin // *Security and Defence Quarterly*. – 2021. – Vol. 33, № 1. – P. 5–29.
5. Кадышева О. В. Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия / О. В. Кадышева // *Международное правосудие*. – 2022. – № 4 (44). – С. 95–111.
6. Исполинов А.С. Эволюция правового статуса оговорок: от «правила единогласия» Лиги Наций до Руководства Комиссии международного права по оговоркам 2011 года / А.С. Исполинов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – № 3. – С. 134–161. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.134.161.
7. Dimetto M. «To Fall, or Not to Fall, That Is the (Preliminary) Question»: Disputes, Compromissory Clauses and Swinging Jurisdictional Tests at the ICJ / M. Dimetto // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. – 2022. – Vol. 21, № 1. – P. 5–34.
8. Fontanelli F. Once Burned, Twice Shy. The Use of Compromissory Clauses before the International Court of Justice and Their Declining Popularity in New Treaties / F. Fontanelli // *Rivista di diritto internazionale*. – 2021. – Vol. 104, № 1. – P. 7–39.
9. Исполинов А. С. Яблоко раздора: досудебная процедура в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС / А. С. Исполинов, О. В. Кадышева // *Международное правосудие*. – 2021. – № 2 (38). – С. 93–110.
10. Пименова С. Д. Обеспечительные меры в практике международных судов и трибуналов / С. Д. Пименова. – М. : Статут, 2023. – 202 с.
11. Пименова С. Д. Украина против России: комментарий к определению Международного суда об обеспечительных мерах от 16 марта 2022 года / С. Д. Пименова // *Журнал ВШЭ по международному праву*. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 92–98.
12. Пименова С. Д. Обеспечительные меры в практике Международного Суда ООН / С. Д. Пименова // *Международное правосудие*. – 2020. – № 2 (34). – С. 88–102.
13. Lando M. Plausibility in the Provisional Measures Jurisprudence of the International Court of Justice / M. Lando // *Leiden Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 31, № 3. – P. 641–668.
14. Hill-Cawthorne L. International Litigation and the Disaggregation of Disputes: Ukraine-Russia as a Case Study / L. Hill-Cawthorne // *International & Comparative Law Quarterly*. – 2019. – Vol. 68. – P. 779–815.
15. Терехова Л. А. Постановление Европейского Суда по правам человека как основание для пересмотра решения национального суда / Л. А. Терехова // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 173–183. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).173-183.
16. Klein N. Iran and Its Encounters with the International Court of Justice / N. Klein // *Melbourne Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 21, № 3. – P. 620–652.
17. Пименова С. Д. Спор о некоторых иранских активах (Иран против США): упущенная возможность Международного Суда ООН и процессуальные уловки сторон / С. Д. Пименова // *Международное правосудие*. – 2023. – № 3 (47). – С. 3–17.
18. Ochoa-Ruiz N. Exploring the Limits of International Law relating to the Use of Force in Self-defence / N. Ochoa-Ruiz, E. Salamanca-Aguado // *European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, iss. 3. – P. 499–524.
19. Cannizzaro E. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case / E. Cannizzaro, B. Bonafé // *European Journal of International Law*. – 2005. – Vol. 16, iss. 3. – P. 481–497.
20. Dautaj Y. Jurisdictional Immunities and Certain Iranian Assets: Missed Opportunities for Defining Sovereign Immunity at the International Court of Justice / Y. Dautaj, W. F. Fox // *Cornell International Law Journal*. – 2020. – Vol. 53, № 3. – P. 379–427.

REFERENCES

1. Goldenziel J. An Alternative to Zombieg: Lawfare Between Russian and Ukraine and the Future of International Law. *Cornell Law Review*, 2023, vol. 108, iss. 1, pp. 1–14.
2. Goldenziel J. Law as a Battlefield: The U.S., China, and the Global Escalation of Lawfare. *Cornell Law Review*, 2020, vol. 106, iss. 5, pp. 1085–1171.
3. dos Reis F., Grzybowski J. Moving “red lines”: The Russian–Ukrainian war and the pragmatic (mis-)use of international law. *Global Constitutionalism*, published online August 10, 2023, pp. 1–23.
4. Tropin Z. Lawfare as part of hybrid wars: The experience of Ukraine in conflict with Russian Federation. *Security and Defence Quarterly*, 2021, vol. 33, no. 1, pp. 5–29.
5. Kadyшева O. Unknown “sanctions war” and the possibilities of international justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 95–111. (In Russ.).
6. Ispolinov A.S. The Evolution of Legal Status of Reservations: from League of Nations Unanimity Rule to the International Law Commission 2011 Guide to Practice on Reservations to Treaties. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 3, pp. 134–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.134.161. (In Russ.).
7. Dimetto M. «To Fall, or Not to Fall, That Is the (Preliminary) Question»: Disputes, Compromissory Clauses and Swinging Jurisdictional Tests at the ICJ. *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 5–34.
8. Fontanelli F. Once Burned, Twice Shy. The Use of Compromissory Clauses before the International Court of Justice and Their Declining Popularity in New Treaties. *Rivista di diritto internazionale*, 2021, vol. 104, no. 1, pp. 7–39.
9. Ispolinov A., Kadyшева O. An apple of discord: pre-trial procedure in international justice and in the jurisprudence of the EAEU Court. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 93–110. (In Russ.).
10. Pimenova S.D. *Interim measures in the practice of international courts and tribunals*. Moscow, Statut Publ., 2023. 202 p. (In Russ.).
11. Pimenova S. Ukraine v. Russia: a Commentary on the Order of 16 March 2022 on the Request for the Indication of Provisional Measures. *Zhurnal VShE po mezhdunarodnomu pravu = HSE University Journal of International Law*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 92–98. (In Russ.).
12. Pimenova S. Provisional measures in the jurisprudence of the International Court of Justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 88–102. (In Russ.).
13. Lando M. Plausibility in the Provisional Measures Jurisprudence of the International Court of Justice. *Leiden Journal of International Law*, 2018, vol. 31, no. 3, pp. 641–668.
14. Hill-Cawthorne L. International Litigation and the Disaggregation of Disputes: Ukraine-Russia as a Case Study. *International & Comparative Law Quarterly*, 2019, vol. 68, pp. 779–815.
15. Terekhova L. European Court of human rights judgement as a basis for review of the national courts' judgement. *Pravoprimereni = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 173–183. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).173-183.
16. Klein N. Iran and Its Encounters with the International Court of Justice. *Melbourne Journal of International Law*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 620–652.
17. Pimenova S. The case of certain Iranian assets (Iran v. Usa): missed opportunity for the ICJ and procedural tricks of the parties. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2023, no. 3 (47), pp. 3–17. (In Russ.).
18. Ochoa-Ruiz N., Salamanca-Aguado E. Exploring the Limits of International Law relating to the Use of Force in Self-defence. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, iss. 3, pp. 499–524.
19. Cannizzaro E., Bonafé B. Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case. *European Journal of International Law*, 2005, vol. 16, iss. 3, pp. 481–497.
20. Dautaj Y., Fox W.F. Jurisdictional Immunities and Certain Iranian Assets: Missed Opportunities for Defining Sovereign Immunity at the International Court of Justice. *Cornell International Law Journal*, 2020, vol. 53, no. 3, pp. 379–427.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0448-8253

ResearcherID: HII-9133-2022

SPIN-код РИНЦ: 4518-6008

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olga A. Kiseleva – PhD in Law, Associate Professor, Department of International Law

St. Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: olga.kiseleva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0448-8253

ResearcherID: HII-9133-2022

RSCI SPIN-code: 4518-6008

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Киселева О.А. Решение Международного суда ООН от 31 января 2024 г. по существу спора Украины против Российской Федерации / О.А. Киселева // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 149–157. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).149-157.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Kiseleva O.A. Judgment on the merits of the International Court of Justice of January 31, 2024, case Ukraine vs Russian Federation. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 149–157. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).149-157.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHOR GUIDELINES

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала.

К публикации помимо оригинальных статей, отражающих результаты научных исследований, направленных на изучение закономерностей правоприменительной деятельности в различных сферах, принимаются также комментарии законодательства, лекции, рецензии, обзоры литературы, а также научных мероприятий, затрагивающие вопросы применения широкого спектра правовых норм.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях. В исключительных случаях по решению редакционной коллегии могут публиковаться ранее опубликованные результаты исследований, имеющих наибольшую значимость, с обязательным указанием источника первоначальной публикации.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование. Авторы должны соблюдать правила цитирования, а также иные требования этики научных публикаций (COPE), гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

1) Реферат статьи объемом около 3 тыс. знаков на английском языке, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком. Реферат должен включать предмет исследования, цель статьи (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, выводы о достижении цели исследования. Реферат на русском языке не публикуется. Реферат предоставляется в том же файле, что и текст статьи.

2) Текст статьи. **Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, каждый раздел статьи – поименован. В обязательном введении должна быть отражена постановка проблемы, ее актуальность, краткий обзор опубликованной по данной тематике научной литературы. В заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы.** В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 25 источников, имеющих автора, в научном обзоре – не менее 50–80. В том числе рекомендуется использовать не менее 5 источников, индексируемых в Web of Science или Scopus. Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке. После извещения о принятии статьи к публикации автору предлагается предоставить ее перевод на английский язык, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком.

Объем статьи должен составлять не менее 30 тыс. и не более 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Приоритетная форма представления статей: посредством заполнения формы на сайте журнала <https://enforcement.omsu.ru>. Статьи и другие материалы для публикации также могут быть направлены в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com, либо направлены почтой по адресу редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, каб. 311, А.Н. Костюкову.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

1) Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру прописными буквами указывается название статьи, на следующей строке строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, а также организация, которую он представляет.

2) Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не менее 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, сведения о нем, название статьи, реферат около 2 тыс. знаков (на англ. яз.) и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи. В статье в обязательном порядке выделяются разделы, каждый раздел должен быть поименован.

3) В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с

почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienceIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4) Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

5) Рисунки располагаются после первого упоминания о них в тексте и могут выполняться следующим образом:

- во встроенном графическом редакторе MS Word;
- в графических редакторах (Adobe Photoshop, CorelDraw и т. п.);
- в векторном графическом редакторе Microsoft Visio и т. п.

4. Требования к оформлению ссылок

– В конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Публикации в нем оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. **Список составляется в порядке упоминания работ в тексте статьи. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название работы дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «его же», «цит. по:» и т. п.

В случае, если источник имеет DOI, его указание обязательно.

– В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см., напр.: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

– **Ссылки на нормативные акты** (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список литературы не включаются.** При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

– Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются (стандарт BSI). Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** оформления списка рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: enforcement.omsu.ru.

5. Процедура и условия публикации

Плата с авторов за публикацию не взимается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Статьи регистрируются редакцией. После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Рукопись, не соответствующая тематике либо Правилам для авторов, отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с [Правилами рецензирования](#).

Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией текста статьи (доработанного текста – в случае его доработки в соответствии с замечаниями рецензентов).

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью с публикации.

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики (COPE). Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат». В случае нарушения требований публикационной этики статьи, вышедшие в журнале, могут быть ретрагированы по инициативе редакции либо автора.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право», а также условиями лицензии [Creative Commons Attribution License](#).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=17883>).
Журнал имеет категорию K2 и согласно информационному письму Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 № 02-1198 приравнивается к изданиям категории K1
- Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)
- Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)
- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)
- AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)
- Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)
- ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)
- Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)
- КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)
- Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)
- Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)